

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSEE RUSSE

№171/1–2 (5042)

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ 2026

На русском
и английском языках

Журнал основан

в 1880 году

www.RussianMind.com

9 772046 868005

UK£4.00
Germany, Austria, Italy,
Luxembourg, Portugal, Estonia ...€5.50
Belgium, Greece€5.50
France, Spain€5.60
Switzerland5.60 CHF
Hungary2290 HUF
Poland26.90 PLN

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 65 GBP **ГОДОВАЯ**
По странам Евросоюза – 70 EUR **электронная подписка –**
Остальные страны – 88 EUR **30 EUR**

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Оплатить подписку на сайте журнала
«Русская мысль»:
russianmind.com/payment/
2. Оплата через
платформу
Isubscribe:

ВАЖНО:

После осуществления оплаты Вам нужно отправить подтверждение оплаты и Ваш домашний адрес на электронную почту subscription@russianmind.com с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

НОВОЕ СЧАСТЬЕ ЗАГАДАЙ!

расскажем о Николае Лескове и Эрнесте Бо, Николае Рубцове и Осипе Мандельштаме... Не забудем и об Исаакиевском соборе в Санкт-Петербурге: в начале января исполнилось 240 лет со дня рождения его архитектора Огюста Монферрана.

«Сердечно поздравляю всех вас со светозарным праздником Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа», – обратился к христианам Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своем Рождественском послании. Читатели журнала «Русская мысль» живут в самых разных странах – и в тех, где сейчас за окном сугробы, и там, где растут пальмы... Но никто из нас, как известно, не в силах быть независимым от времени. Оно же дарит нам замечательные праздники: встречу Нового года и православное Рождество. В эти дни не зря говорят: «Новое счастье загадай, да старое не теряй!»

В этом номере «Русской мысли» будет, как всегда, немало рассказов об истории. Это и основание Петром Великим Академии наук в России (ровно три столетия назад первый русский император подписал указ о ее создании), и дань памяти Михаила Салтыкова-Щедрина: великому сатирику исполнилось 200 лет со дня рождения. И еще:

Этот собор – четвертый в мире по величине: уступает лишь соборам Святого Петра в Риме, Святого Павла в Лондоне и Святой Марии во Флоренции. А многолетнее возведение его было целой эпопеей! Тяжелое здание нуждалось в сваях. Их вбили в болотистый грунт в количестве 10 762! Процесс, который длился пять лет. Петербуржцы даже принялись шутить: забили сваю – она ушла в болотистый грунт, забили вторую – и та исчезла... Заколотили еще с десяток бревен, и тут прибыло письмо из Нью-Йорка: «Вы испортили американскую мостовую! На конце бревна, торчащего у нас из земли, клеймо петербургской лесной биржи “Громов и К”».

Впрочем, хватит исторических анекдотов! Тем паче что с зимой не шутят. Как там в русской поговорке? «Январь – большие морозы, а февраль – метели».

С Новым годом, дорогие читатели! С Рождеством Христовым!

Кирилл Привалов

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№171/1–2(5042)
ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Анатолий Адамишин
Митрополит Антоний
Ренэ Герра
Дмитрий Шаховской
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Кирилл Привалов
kp@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ
и ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
Карина Энфенджян
karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО ОТДЕЛА
Вячеслав Катамидзе

ДИРЕКТОР ПО РАЗВИТИЮ
Константин Филимонов
am@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР
Василий Григорьев
cp@russianmind.com

ДИЗАЙН
Роман Малюков
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИК
Дмитрий Лапа

ПО ВОПРОСАМ
РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:
subscription@russianmind.com

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
RuMind DOO, ул. Юрия Гагарина 231,
11073, Белград, Сербия.
Регистрационный номер 21962945

ТИПОГРАФИЯ:
ArtPrintMedia DOO, ул. Профессора Грчица 2,
21000, Нови-Сад, Сербия.
Регистрационный номер 20686375

РУССКАЯ МЫСЛЬ (ISSN)
2046-8687 | 2046-8695

ОБЛОЖКА:
Фото: Мария Бороздина / Unsplash

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА БЫЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ
ИСТОЧНИКИ:
ru.wikipedia.org, en.wikipedia.org, patriarchia.ru,
culture.ru; фото: wikimedia.org, commons.wikimedia.org,
unsplash.com

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией.
ТИРАЖ: 7000 экз.

ТЕМА НОМЕРА

6 СОКРОВЕННЫЙ
ПРАЗДНИК

Русские классики о Рождестве Христовом и праздновании Нового года.

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ВЕСТНИК12 РОЖДЕСТВЕНСКОЕ
ПОСЛАНИЕ
СВЯТЕЙШЕГО
ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ
РУСИ КИРИЛЛА

Архипастырям, пастырям, диаконам, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви.

14 РОЖДЕСТВО
И ЕГО СПУТНИКИ

Большие праздники не одиноки.

ЛИТЕРАТУРА

20 СОВЕСТЬ В ДУШЕ
МЛАДЕНЦА

200 лет назад родился Михаил Салтыков-Щедрин, самый мрачный и, быть может, самый остроумный классик Золотого века русской литературы.

26 АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН
И РУССКИЙ РОМАНС

В 20–30-е годы XIX столетия на волне романтизма романс достиг виртуозного совершенства и большой популярности.

32 ЖАРКОЕ ЛЕТО
ЛЕСКОВА

4 (16) февраля 1831 родился русский писатель, публицист и литературный критик Николай Лесков.

36 ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ
ДЕРЕВНИ

К 90-летию со дня рождения Николая Рубцова.

40 «НЕ ВОЛК Я ПО КРОВИ
СВОЕЙ...»

К 135-летию со дня рождения Осипа Мандельштама, одного из крупнейших поэтов Серебряного века, яркого представителя акмеизма.

42 ФЕДОР ШАЛЯПИН
И РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ
ВО ФРАНЦИИ

Фрагменты из книги, ставшей результатом кропотливой исследовательской работы Елены Лебедевой.

48 В ДЕРЕВНЮ, К ТЕТКЕ,
В ГЛУШЬ, В САРАТОВ!

В прошлом году в издательстве «У Никитских ворот» вышла в свет книга, посвященная Саратову и его месту в культурной жизни России.

КУЛЬТУРА

56 РУССКИЙ МЭТР
ОГЮСТ

В январе 2026 года исполняется 240 лет со дня рождения архитектора Огюста Монферрана.

62 А В СЕМ КОНЕ КАКОЙ
ОГОНЬ!

2026 год по китайскому календарю – год Красной Огненной Лошади. Есть ли подобная лошадка в отечественной культуре?

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

68 ИМПЕРАТОР РУССКОЙ
ПАРФЮМЕРИИ

К 145-летию со дня рождения главного алхимика XX века, творца, в судьбе которого отразилась участь России и, пожалуй, всей Европы на разломе эпох.

НАШИМ
СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ74 ЛОВЕЦ
СНОВ

Сергей Кармеев – фотограф с оптической живописца.

ИСТОРИЯ

80 ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

Продолжение. Начало читайте в № 169/9-10.

84 АКАДЕМИЯ ЦАРЯ
ПЕТРА

Петровский указ о создании первой Академии наук в России стал основой развития российской науки.

ПЕРСОНА

92 ОН МИР УСЛЫШАЛ КАК
БЛАГУЮ ВЕСТЬ

К 85-летию поэта, прозаика и востоковеда Александра Сенкевича.

ОЧЕРК

98 В НАЧАЛЕ БЫЛ
CHANSON...

Продолжение. Начало – в № 169/09–10.

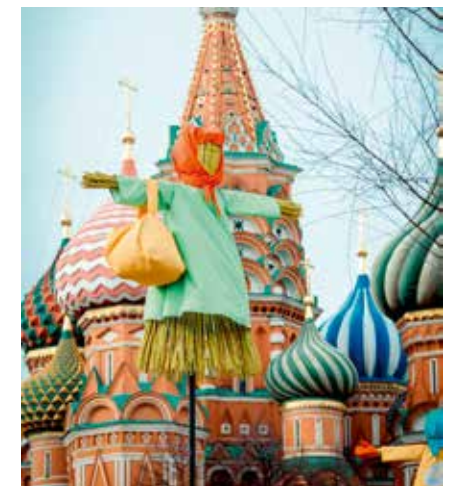
102 «Я ЗНАЛ ТЕБЯ,
МОСКВА, ЕЩЕ
НЕВЗРАЧНО-
СКРОМНОЙ...»

Чем старше становишься, тем неразрывнее связь с родными местами.

ПАМЯТЬ

108 СВЕТАЛАЯ
ПАМЯТЬ

Мы вспоминаем Виктора Лупана...

СОБЫТИЯ
И ИНФОРМАЦИЯ110 МАСЛЕНИЦА 2026:
ТРАДИЦИИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

В этом году Масленица празднуется с 16 по 22 февраля.

111 ДЕНЬ СВЯТОГО
ВАЛЕНТИНА

История этого праздника уходит корнями в раннехристианскую Европу и окутана множеством легенд.

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ
ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

СОКРОВЕННЫЙ ПРАЗДНИК

Русские классики о Рождестве Христовом и праздновании Нового года

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Фото: BoliviaInteligente / Unsplash

«Каждый год кончается счастливо — он завершается Новым годом». Не помню, где и когда я услышал это, но в такой сентенции есть, как говорится, своя сермяга. Все правильно: разве не лучший нам подарок от Бога — сопряженный с Рождеством Христовым каждый Новый год? Даже если он и не преисполнен по-детски ожидаемой наивной радости, даже если он и окрашен в тревожно-печальные тона, даже если он и связан с предчувствием сумрачной тревоги?.. Скажем, как в творчестве Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.

Мое упоминание в новогоднем контексте этого замечательного русского писателя-сатирика вполне объяснимо. Ведь в наступившем году исполняется 200 лет со дня его рождения. В моем восприятии Салтыков-Щедрин — своеобразный литературный феномен: чем больше читаешь его произведения, тем острее ощущаешь, что он еще не полностью понят потомками и что его пророчества еще не до конца сбылись.

Упоминание же нового года у Салтыкова-Щедрина — это не просто художественная

зарисовка, а повод для истинно философских раздумий:

«В самом деле, что такое “старый год”, что такое “новый год”? Неужели человечество еще недостаточно умудрено опытом, чтоб убедиться, что это не более как термины, имеющие значение исключительно астрономическое. А какое дело нам, простым и бедным людям, до того, что происходит в области астрономии! Разве “новый год” приносит нам пироги и жареных поросят? Разве, уходя, “старый год” уносит в вечность все черствые куски, которыми усеяна сия юдоль плача?

Чему мы радуемся? Что жалеем? О, оставим лучше астрономов в покое доказывать все, что им доказывать надлежит, и будем жить, как живется, ничего от себя не утаивая, но ничего и не преувеличивая.

И в старом году хорошо жилось, и в новом хорошо будет житься. Это уж так изначально заведено, чтоб всегда жилось именно так, как живется...»

Трудно с подобной исповедью не согласиться. Это из записок «Наша общественная жизнь» от января 1864 года.

А в «Губернских очерках» 1857 года в зарисовке под характерным названием «Елка» Салтыков-Щедрин дает целую панораму жизни российской предрождественской провинции:

«На дворе очень холодно; мороз крепко сковал и угладил дорогу и теперь что есть мочи стучится в двери и окна мирных обитателей Крутогорска. Наступил уж вечер, и на улицах стало пустынно и тихо. Полный месяц глядит с заоблачных высот, глядит добродушно и весело и светит так ясно, что на улицах словно день стоит. Бежит вдали маленькая лошадка, бойко неся за собою санки с сидящим в них губернским аристократом, поспешающим на званный вечер, и далеко разносится гул от ее копыт. В окнах большей части домов зажигаются огни, которые сначала как-то тускло горят, а потом мало-помалу разрастаются в великолепные иллюминации. Я иду по улице и, всматриваясь в окна, вижу целые снопы света, около которых снуют взад и вперед милые головки детей... “Ба! да ведь сегодня сочельник!” — восклицаю я мысленно.

Просвещение проникает все более и более на восток, благодаря усердию господ чиновников, которые препоясали себя на брань с варварством и невежеством. Не знаю, имеется ли елка в Туруханске, но в Крутогорске она во всеобщем уважении — это факт для меня

Портрет А.П. Чехова работы О.Э.Бразз. 1898

несомненный. По крайней мере, чиновники, которые в Крутогорске плодятся непомерно, считают неременною обязанностью купить на базаре елку и, украсив ее незатейливыми сюрпризами домашнего приготовления, презентовать многочисленным Ванечкам, Машенькам...»

И вообще, мне кажется весьма познавательным вспомнить, что писали о Рождестве Христовом и праздновании Нового года русские классики разных времен и мест обитания. Причем не только

непосредственно в своих произведениях, но и в письмах близким им людям.

«Радоваться такой чепухе, как новый год, по моему мнению, нелепо и недостойно человеческого разума, — утверждал Антон Чехов в рассказе “Ночь на кладбище”, напечатанном в 1886 году. — Новый год такая же дрянь, как и старый, с тою только разницею, что старый год был плох, а новый всегда бывает хуже... По-моему, при встрече нового года нужно не радоваться, а страдать, плакать, покушаться

Портрет П. И. Чайковского работы Н. Д. Кузнецова. 1893

на самоубийство. Не надо забывать, что чем новее год, тем ближе к смерти, тем обширнее плешь, извилистее морщины, старше жена, больше ребят, меньше денег».

Едкий и беспощадный на слово Антон Павлович остался верен себе и в волшебную – только не для него самого! – новогоднюю ночь. Не менялся Чехов и в своих почтовых

праздничных поздравлениях. Вот что он написал 27 декабря 1897 года близкой ему Лике, Лидии Мизиновой: «Теперь в Москве Новый год, новое счастье. Поздравляю Вас, желаю всего самого лучшего, здоровья, денег, жениха с усами и отличного настроения. При Вашем дурном характере последнее необходимо, как воздух, иначе от Вашей

мастерской полетят одни только перья».

Столь же остроумно поздравил Антон Павлович и старшего брата Александра в письме, датированном 2 января 1889 года. В ушедшем году умерла его гражданская жена Анна Хрущева-Сокольниковна. Александр, тоже литератор, недолго вдовствовал и обвенчался с гувернанткой своих сыновей Натальей Гольден (будущей матерью Михаила Чехова, блистательного актера и театрального режиссера). Вот это новогоднее послание:

«Велемудрый государь!

Поздравляю твою лучезарную особу и чад твоих с Новым годом, с новым счастьем. Желаю тебе выиграть 200 тысяч и стать действительным статским советником, а наипаче всего здравствовать и иметь хлеб наш насущный в достаточном для такого обжоры, как ты, количестве...

Вся фамилия кланяется».

В эпистолярном жанре выдержано и новогоднее поздравление

Петра Ильича Чайковского. 2 января 1880 года он написал меценатке и покровительнице искусств Надежде фон Мекк, много лет поддерживавшей его весомым пособием в шесть тысяч рублей в год. Той самой «прекрасной незнакомке» (Чайковский и фон Мекк никогда не встречались), которой благодарный композитор многократно

признавался: «Ваша дружба будет всегда отрадой моей жизни».

Отмечая в Риме католическое Рождество вместе с младшим братом Модестом, Чайковский отправил поздравление с новым годом в имение фон Мекк в Браилове, что на Украине:

«Мы встретили новый год с книгами в руках. Мысленно я пожелала Вам, дорогой мой друг, всяких земных благ: во-первых, конечно, здоровья; во-вторых, успеха в Ваших делах и в особенности, чтобы Ваше браиловское хозяйство наконец стало на твердую ногу; в-третьих, в случае путешествия за границу, чтобы на сей раз Вы избежали всяких неприятностей и невзгод; в-четвертых, чтобы были счастливы и довольны все близкие Вашему сердцу. Озираясь на протекший год, я должен спеть гимн благодарности судьбе за множество хороших дней, прожитых и в России, и за границей. Я могу сказать, что за весь этот год я пользовался ничем не смущаемым благополучием и был счастлив, насколько счастье возможно. Конечно, были и горькие минуты, но именно минуты, да и то на мне только отражались невзгоды близких мне людей, а собственно я лично был безусловно доволен и счастлив. Это был первый год моей жизни, в течение которого я был все время свободным человеком. И всем этим я обязан никому иному, как Вам, Надежда Филаретовна! Призываю на Вас всю полноту благ, какие только возможны на земле».

О русском Новом годе из европейского «далека», из Парижа, пишет и Тэффи, прекрасный литератор-эмигрант Русского зарубежья Надежда Лохвицкая. В рассказе под названием «Сосед» она сравнивает французского Пэра Ноэля и русского Деда Мороза, причем далеко не в пользу француза:

«Перед кондитерской ходил по тротуару ряженный Дед Мороз с елочкой в руках. Дети кричали

ему свои желания. Матери слушали, кивали головой, – но они-то тут совсем ни при чем. Пэр Ноэль все сам припомнит, кому чего хочется. Сосед не посмел прокричать свои желания. К тому же их было так много, что все равно не успеешь. Он вообще желал всего, что просили другие дети, да, кроме того, и всех тех диковинных штук, которые были у «Лерюссов». Но, конечно, его очень мучило, что он не посмел попросить. И он был очень несчастен. Хорошо, что Катя догадалась в тот же вечер написать русскому Пэру Ноэлю. Тот принесет все, что сможет с собой захватить. Настоящую железную дорогу, которую заказал сосед, пожалуй, не сможет, но барабан притащить нетрудно. И чудесный флакон из-под бриллиантина, наверное, тоже прихватит. Словом, жизнь будет еще прекрасней».

А вот как описывает праздничный вечер в Павловском институте благородных девиц в одном из бестселлеров рубежа XIX и XX веков под названием «Записки институтки» Лидия Алексеевна Чарская, по праву прозванная современниками «властительницей дум российских гимназисток»:

«Посреди залы, вся сияя бесчисленными огнями свечей и дорогими, блестящими украшениями, стояла большая, доходящая до потолка елка. Золоченые цветы и звезды на самой вершине ее горели и переливались не хуже свечей. На темном бархатном фоне зелени красиво выделялись повешенные бонбоньерки, мандарины, яблоки и цветы, сработанные старшими. Под елкой лежали груды ваты, изборающей снежный сугроб».

Это еще не все. Вот от той же Лидии Чарской специальный «рождественский рассказ» (существовал такой жанр в литературе) под названием «Елка через сто лет», опубликованный в журнале для детей «Задуманное слово» в 1915 году:

«... В тот же миг распахнулись двери гостиной, и Марсик

вскрикнул от восторга и неожиданности. Посреди комнаты стояла чудесная елка. На ней были навешаны игрушки, сласти, а на каждой веточке ярко сверкал крошечный электрический фонарик, немногим больше горошин.

Вся елка светилась, как солнце южных стран. В это время заиграл большой ящик в углу. Но был не граммофон, но другой какой-нибудь музыкальный инструмент. Казалось, что чудесный хор ангельских голосов поет песнь Вифлеемской ночи, в которую родился Спаситель.

“Слава в Вышних Богу и в человеках благоволение”, – пели ангельски-прекрасные голоса, наполняя своими дивными звуками комнату».

Совсем иначе, куда более сдержанно и скромно, вспоминает о встрече Нового года прекрасный писатель советской поры Лев Кассиль в книге «Кондуит и Швамбрания», на которой выросло несколько поколений «строителей коммунизма» в СССР. У Кассиля Новый год это – увь! – праздник лишь для взрослых:

«Настало 31 декабря. К ночи родители наши ушли встречать Новый год к знакомым. Мама перед уходом долго объясняла нам, что “Новый год – это совершенно не детский праздник и надо лечь спать в десять часов, как всегда”».

Как грустно! Так и тянет вспомнить старинную поговорку: «В незнакомом месте хорошо зарабатывать деньги, а в знакомом – хорошо встречать Новый год». С многозначительными тостами, вдохновляющими на обильные возлияния под щедрые (желательно, «горячие, московские», как учил Михаил Булгаков) закуски.

Кстати, и тосты вполне можно было бы позаимствовать у русских классиков. Например, у Александра Сергеевича Пушкина. Так, «нашему все» принадлежат слова: «Любовь – единственная игра, в которой

Портрет А. Н. Андреева работы И. Е. Репина. 1904

у любителя больше шансов для совершенства, чем у профессионала».

Остается только добавить тосующему: «Выпьем же за любовь и за совершенных любителей!» Или у Федора Достоевского: «Надо любить жизнь больше, чем смысл жизни». Стоит лишь молвить в пандан: «Выпьем же за настоящую жизнь!» – и звучный тост для всех и вся за хлебосольным столом обеспечен!..

Список подсказок от грандов отечественной литературы для мастеров тостов (какая прекрасная русско-кавказская специальность!) можно продолжать... Однако у нас с вами ныне цель иная, нежели подбивать любителей новогоднего застолья на новые кревоугодные подвиги. А непосредственно у автора задача – продолжить повествование о новогоднем праздновании

в былые годы с помощью классиков российской литературы. Скажем, Александра Ивановича Куприна.

«Хорошо вспоминается из детства рождественская елка: ее темная зелень сквозь ослепительно-пестрый свет, сверкание и блеск украшений, теплое сияние парафиновых свечей и особенно – запахи, – пишет Куприн в рассказе «Елка в капельке». – Как остро, весело и смолисто пахла вдруг загоревшаяся хвоя! А когда елку принесли впервые с улицы, с трудом пропихивая ее сквозь распахнутые двери и портьеры, она пахла арбузом, лесом и мышами. Этот мышистый запах весьма любила трубохвостая кошка. Наутро ее можно было всегда найти внутри нижних ветвей: подолгу подозрительно и тщательно она обнюхивала ствол, тыкаясь в острую

хвою носом: “Где же тут спряталась мышь? Вот вопрос”. Да и догоревшая свечка, заколебавшаяся длинным дымным огнем, пахнет в воспоминании приятной копотью.

Чудесны были игрушки, но чужая всегда казалась лучше. Прижав полученный подарок обеими руками к груди, на него сначала и вовсе не смотришь: глядишь серьезно и молча, исподлобья, на игрушку ближайшего соседа. <... >

Что говорить, волшебна, упоительна елка. Именно упоительна, потому что от множества огней, от сильных впечатлений, от позднего времени, от долгой суеты, от гама, смеха и жары дети пьяны без вина, и щеки у них кумачово-красны.

Но много, ах как много мешают взрослые. Сами они играть не умеют, а сами суются: какие-то хороводы, песенки, колпаки, игры. Мы и без них ужасно отлично устроимся. Да вот еще дядя Петя с козлиной бородкой и козлиным голосом. Сел на пол под елкой, посадил детей вокруг и говорит им сказку. Не настоящую, а придумал. У, какая скука, даже противно. Нянька, та знает вразправдушные».

Если же учесть, что Новый год неразлучен у нас с Рождеством Христовым, можно вспомнить и об ангелах. Не зря рассказ Леонида Андреева так и называется – «Ангелочек»:

«... Заранее вытаращив глазенки и затаив дыхание, дети чинно, по паре, входили в ярко освещенную залу и тихо обходили сверкающую елку. Она бросала сильный свет, без теней, на их лица с округлившимися глазами и губками. Минуту царила тишина глубокого очарования, сразу сменившаяся хором восторженных восклицаний. Одна из девочек не в силах была овладеть охватившим ее восторгом и упорно и молча прыгала на одном месте; маленькая косичка со вплетенной голубой ленточкой хлопала по ее плечам. Сашка был угрюм и печален – что-то нехорошее творилось в его маленьком изъязвленном сердце. Елка ослепляла его своей красотой и крикливым, наглым блеском бесчисленных свечей, но она была чуждой ему, враждебной, как и столпившиеся вокруг нее чистенькие, красивые дети, и ему хотелось толкнуть ее так, чтобы она повалилась на эти светлые головки. Казалось, что чьи-то железные

руки взяли его сердце и выжимают из него последнюю каплю крови. Забившись за рояль, Сашка сел там в углу, бессознательно доламывал в кармане последние папиросы и думал, что у него есть отец, мать, свой дом, а выходит так, как будто ничего этого нет и ему некуда идти. Он пытался представить себе перочинный ножичек, который он недавно выменял и очень сильно любил, но ножичек стал очень плохой, с тоненьким сточенным лезвием и только с половиной желтой костяшки. Завтра он сломает ножичек, и тогда у него уже ничего не останется.

Но вдруг узенькие глаза Сашки блеснули изумлением, и лицо мгновенно приняло обычное выражение дерзости и самоуверенности. На обращенной к нему стороне елки, которая была освещена слабее других и составляла ее изнанку, он увидел то, чего не хватало в картине его жизни и без чего кругом было так пусто, точно окружающие люди неживые. То был восковой ангелочек, небрежно повешенный в гуще темных ветвей и словно реявший по воздуху. Его прозрачные стрекозиные крылышки трепетали от падавшего на них света, и весь он казался живым и готовым улететь. Розовые ручки с изящно сделанными пальцами протягивались кверху, и за ними тянулась головка с такими же волосами, как у Коли. Но было в ней другое, чего лишено было лицо Коли и все другие лица и вещи. Лицо ангелочка не блистало радостью, не туманилось печалью, но лежала на нем печать иного чувства, не передаваемого словами, неопределяемого мыслью и доступного для понимания лишь такому же чувству. Сашка не сознавал, какая тайная сила влекла его к ангелочку, но чувствовал, что он всегда знал его и всегда любил, любил больше, чем перочинный ножичек, больше, чем отца, чем все остальное. Полный недоумения, тревоги, непонятного восторга, Сашка сложил руки у груди и шептал:

– Милый... милый ангелочек!>
«Что Тебе принесем, Христе, // Яко явился еси на земли // Яко Человек нас ради?..» – гласит одна из первых стихир, молитвенных стихотворных строк, которые поются на богослужении в начале вечерни Рождественского сочельника. Как тут не обратиться к эссе Василия Розанова под заголовком «С Рождеством Христовым!» На его чистой, высокой тональности не грех и закончить:

«Снова в сознании и в чувствах народных рождается Предвечный Младенец, – рождается в вертепе, т.е. в пещере, куда на ночь сирийские пастухи загоняли свой скот, охраняя его от хищных зверей. Снова приходят поклониться Младенцу и Богу сперва пастыри, т.е. пастухи окрестных стад; и затем приносят Ему дары, золото и благовонные смолы “волхвы с Востока”, – дары, знаменующие и священническое, и царское служение рожденного Младенца. Так в этих чертах, и простых и народных, говорящих что-то “свое” и “родное” каждой бедной хижине, – и вместе в чертах небесных и религиозных, уже предрекающих будущие звонны христианских церквей, родился наш Христос, научивший людей и народы новой истине, новой правде; родился Тот, Кто возвестил всем новый закон благодатного существования.

“Свое”, “родное” говорит каждой хижине Рождество Христово. Никакие царства и никакие власти, никакие обширные и новые законы, требующие от человека повиновения и говорящие ему языком приказания, – не могли бы внести и не вносят того внутреннего содержания, того сердечного говора, какой принес людям Рожденный Младенец. <... >

Ну, с Богом! Здравствуйте все, помните бедных и что-нибудь им уделите в праздник! И сами не забывайте Бога и простодушной русской веселости».

РОЖДЕСТВЕННОЕ ПОСЛАНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА

Архипастырям, пастырям, диаконам, монашествующим
и всем верным чадам Русской Православной Церкви

Возлюбленные о Господе архипастыри, всечестные пресвитеры и диаконы, боголюбивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

Сердечно поздравляю всех вас со светозарным праздником Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и обращаю к вам слова древнего церковного гимна: «Христос рождается – славьте! Христос с небес – встречайте! Христос на земле – возноситесь!» (ирмос 1-й песни Рождественского канона).

Апостол Павел назвал свершившееся событие Боговоплощения великой благочестия тайной (1 Тим. 3:16). Перед этой тайной в трепете умолкает всякое земное мудрование. Перед ней меркнет суетное человеческое знание. Она способна обезоружить и смягчить самое грубое и окаменевшее сердце.

Посреди жестокости и озлобленности этого мира рождается Тот, кто Один может исцелить любую разобщенность, даровать

нам подлинный мир и настоящее счастье.

С тех пор как в человеческую жизнь вошел грех, на земле

воцарилось трагическое разделение – и мир, оторванный от Создателя, истинного Источника света, неминуемо стал погружаться во тьму и хаос. Но Бог не покинул Свое творение и не оставил его без попечения. Терпеливо приготавливая наше спасение, Господь воплотился, вошел в земную историю и стал одним из нас. Сын Божий стал Сыном Человеческим, во всем подобным нам, кроме греха. Полный скорби вопрос «где ты, Адам?», прозвучавший некогда в райском саду Эдема, нашел, наконец, ответ в убогой пещере близ Вифлеема. «Первый человек – из земли, перстный; второй человек – Господь с неба» (1 Кор. 15:47), как писал апостол Павел. Во Христе, как в новом Адаме, Бог примирил с Собой мир (2 Кор. 5:19), обновил человеческое естество,

улучив его от ран греха. Жизнь человека и жизнь всего мира исцеляются только в Боге – вот та простая, но очень важная истина, о которой

свидетельствует нынешний праздник. Как здесь не вспомнить вдохновенные слова блаженного Августина, со священным трепетом прославлявшего мудрый Промысл Вседержителя! «Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе» (Исповедь). Лишь во Христе Иисусе обретается единство с Богом и подлинный смысл жизни человека, от создания мира призванного к вечности.

Пришествие в мир Спасителя – это прежде всего откровение о Божественной любви к людям: любви, с одной стороны, безграничной и всепобеждающей, а с другой – кроткой, которая все покрывает, всему верит, всего надеется и все переносит (1 Кор. 13:7).

Как же нам достойно ответить на великую любовь нашего Творца и приблизиться к Нему? Эта близость достигается и подтверждается нами через следование евангельским заповедям, через терпение и нелицемерную любовь друг ко другу, а главное – через постоянное обновление нашего единства со Христом в таинстве Святой Евхаристии.

Сегодня праздник надежды. Праздник мира. Праздник тихой радости. Прославляя Родившегося Спасителя и встречая Его красивыми песнопениями и церковными гимнами, будем помнить о высоком христианском призвании быть светом миру и солью земли (Мф. 5:13-14) и, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере (Гал. 6:10). Подарим надежду скорбящим, утешим унывающих, поделимся радостью с ближними и дальними и поможем нуждающимся – так поступая, мы станем воистину Христовым благоуханием Богу (2 Кор. 2:15) и принесем угодные дары Родившемуся Господу.

К тем же, кто еще в силу разных обстоятельств пока находится вне спасительной ограды Церкви

и не участвует в жизни Христовой общины, обращаюсь с призывом: откройте свое сердце Тому, Кто так возлюбил нас, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную (Ин. 3:16). Прославим же Господа и Спасителя за Его неизреченную милость и любовь к роду человеческому.

Поздравляя всех с праздником Рождества, желаю вам, мои дорогие,

крепости сил и неоскудевающей радости о Родившемся Спасителе. Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа (Еф. 1:2). Аминь.

+КИРИЛЛ,
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ

Рождество Христово
2025/2026 г.

Москва

РОЖДЕСТВО И ЕГО СПУТНИКИ

Большие праздники не одиноки

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,

доктор богословия, священник

Андрей Рублев. Икона «Рождество Христово». 1405

Дата празднования Рождества связана с верой, широко распространенной среди библейского народа во время земной жизни Иисуса Христа. То было время всеобщего ожидания Мессии. Библия состоит из множества книг, отражающих большие периоды времени. История Библии – это история Завета между Богом и человеком. Бог всегда был верен этому Завету, но человек, представленный народом Божиим, постоянно был неверен и нарушал Завет. Бог посылал вождей и помощников в Древний Израиль, которые избавляли его от бедствий, плена и катастроф, в которые народ сам себя ввергал по своей вине.

По мере приближения рождения Иисуса росло убеждение, что скоро придет такой Помощник и Избавитель, который раз и навсегда, самым решительным образом, спасет народ от всех его несчастий. Именно Ему было суждено стать истинным Помазанником Божиим, единственным Мессией на Небесах и на Земле. Обстоятельства Его земной жизни должны были сделаться не только необычными, но и быть окружены сверхъестественными

событиями. Жизнь Мессии просто обязана была быть соткана из множества уникальных и неповторимых совпадений. Одним из таких великих совпадений было предопределение, что Мессия должен был умереть в день своего зачатия.

В библейском тексте есть соответствующие пророчества на эту тему. «Не вари козленка в молоке его матери», – говорится в Книге Исход (глава 23, стих 19). Этот запрет оказался настолько важным, что повторяется в Книге Второзаконие, которая, по мнению ученых, легла в основу Конституции Израиля во время религиозного возрождения накануне Вавилонского плена. Вот что говорится в 21-м стихе 14-й главы этой книги: «Ты народ святой у Господа Бога Твоего. Не вари козленка в молоке матери Его». Слова эти столь загадочны, так тесно связаны они с контекстом времени, в котором были сформулированы, что потребовались опыт Церкви и мудрость Святых Отцов, чтобы дать хотя бы приблизительное их толкование.

Святой Августин (354–430), великий Отец Церкви, в одном из своих малоизвестных, но очень важных трудов, название которого дословно переводится как «Вопросы на семикнижие», то есть первые семь Книг Писания (Quaestionum in Heptateuchum 2; 90), так толкует эти слова Священного Писания: «Поскольку Христос не пострадал в детстве, когда Ирод пытался убить Его, но казалось, что такая опасность нависла над ним, было сделано предсказание со следующими словами: “Не вари козленка в молоке его матери”. Христос страдал, как овечка, сваренный в молоке Его Матери, то есть в момент зачатия, о чем свидетельствует не только празднование Пасхи, но и день Его рождения, хорошо известный Церквам. Тот, Кто родился девять месяцев спустя, около 25 декабря, был зачат, по-видимому,

около 25 марта, что также было временем его страданий в молоке Его матери».

Дата 25 марта, о которой говорит Августин и в которую празднуется Праздник Благовещения, была высчитана астрономически, поскольку она связана с празднованием иудейской Пасхи в год Распятия Иисуса. Именно она является определяющим в установлении даты Рождества.

Это свидетельство святого Августина чрезвычайно важно. Ведь Отцы Церкви обычно не занимались историческими изысканиями в литургических делах. Они праздновали события, которые было принято праздновать в их местных Церквях. В эпоху первых Вселенских Соборов царило великое разнообразие, церкви и даже отдельные епархии часто употребляли свои собственные евхаристические молитвы и даже Символы Веры. Унификация данных материй пришла впоследствии, и связана она с распадом единства Восточного Христианства на две части – православную и монофизитскую – и, конечно же, с появлением и распространением ислама.

Чтобы завершить библейскую тему отметим, что пророчество из Исхода и Второзакония не было единственным. Так, в Книге Иова, которая преподносит образ страдающего праведника, в котором христиане увидели Христа Мессию, сам Иов проклинает день своего зачатия. Третья глава этой великой библейской книги, мистического ветхозаветного «Евангелия Страданий» начинается словами: «После того открыл Иов уста свои и проклял день свой. И начал Иов и сказал: погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек!» (Глава 3, стихи 1–3). По убеждению древних экзегетов, среди которых особенное место в Православии принадлежит Отцам Церкви, эти слова также

связаны с библейским предопределением о Благовещении, Рождестве и Распятии Христа Спасителя.

Первые христиане называли днями рождения даты мученической кончины Святых. Слово «мученик» на греческом языке буквально означает свидетель. «Так говорит Аминь, Свидетель Верный и Истинный, Начало создания Божия», – говорится в Апокалипсисе (Откровение 1, 14). Из этих слов очевидно, что первым мучеником, подлинным свидетелем был Господь Иисус. Первые три века истории христианства, от Пасхи и Сошествия Святого Духа на Апостолов до единоличного правления Константина (324), были временем гонений со стороны язычников. Мученики страдали за свидетельство своей веры, веруя, что их смерть не есть гибель, но рождение во Христе. В Послании к Коринфянам Апостол Павел называет Иисуса «первенцем из мертвых» (1 Коринфянам 15, 20). В перспективе первых христианских поколений именно день крестного страдания Господа был Его Днем Рождения. Необходимо было пройти трем столетиям, прежде чем с прекращением гонений и началом вселенского распространения Церкви Духом Святым христиане осознали, что необходимо по-настоящему усвоить евангельские повествования о рождении Спасителя в мир и торжественно праздновать Рождество Христово.

Пасха праздновалась христианами с самого начала. Другие праздники пришли впоследствии, на всеобщем христианском уровне они распространились с прекращением гонений. С течением веков, а процесс этот весьма растянулся во времени, в православном богослужебном календаре сформировался высший регистр праздников, общим числом двенадцать, которые по сей день неизменно и с особенной торжественностью отмечаются Церковью. Они так и называются «дванадесятыми

Герхард Лохер. «Поклонение волхвов», 1785

праздниками». Все они посвящены Христу, или Богородице, или же Христу и Богородице совместно. Пасха, будучи основой всех этих торжеств и неизмеримо выше по значению, не входит в это число. На двенадцатый день после рождения Христа Церковь празднует праздник Богоявления. В Православии этот праздник также называется Крещением Господним.

Первоначально Богоявление было единственным крупным христианским праздником после Пасхи. В то время как Пасха праздновала воскресение Господа Иисуса, вознесшегося на небо и восседающего одесную Отца, Богоявление праздновало Воплощение Бога и Слова. Богоявление охватывало весь спектр значений, связанных с земной жизнью Господа. Таким образом, Пасха и Богоявление составляли два полюса откровения тайны Нового Завета. В определенный момент истории праздник Богоявления в некотором смысле разделился на две части, и Рождество отделилось от него, подобно тому, как Ева отделилась от ребра Адама. Так было на Востоке.

В Римско-католической церкви Рождество праздновалось с древних времен. В настоящее время в христианском Западе Богоявление в первую очередь символизирует поклонение волхвов, тогда как в Православии оно символизирует крещение Господа Иисуса, начало Его проповеди и начало Его земного служения. Место Богоявления – мир. Бог возлюбил этот мир; Он никогда не оставит его. Силой Своего славного Богоявления Он присутствует во вселенной вечно. Народ Божий знает, что «нет спасения вне Церкви». В свою очередь, Церковь, которая любит этот мир любовью Святого Духа, верит, что вне этого мира, сотворенного Богом, спасения нет.

В 1918 году закончилась Первая мировая война. Спустя четыре года,

вследствие поражения греческих армий, которое, в свою очередь имело причиной прекращение помощи союзников для Греции в войне против Турции, все греческое православное население Малой Азии было насильственно переселено в Европу. Константинопольский Патриарх лишился своей паствы. Это было великое, апокалиптическое потрясение.

В 1924 году Церковь Константинополя перешла на современный календарь. Вслед за ней последовали некоторые другие Православные Церкви. В наше время Рождество 25 декабря празднуют греческие православные христиане, Антиохийский Патриархат, а также Румынская, Болгарская, и Албанская Православные Церкви. Церковь Чешских Земель и Словакии и Православная Церковь в Америке также относится к этой группе. Русская Церковь, Сербская, Грузинская, Польская Православная Церкви, Церковь Иерусалима и Святая Гора Афон празднуют Рождество 7 января. Разница в тринадцать дней существует в этом веке, в следующем веке она должна была бы увеличиться еще на один день, но смены даты не будет, потому что по негласному соглашению она была зафиксирована. Русская Церковь празднует свои праздники по старому календарю – юлианскому.

Евангельское повествование о Рождестве Христовом вдохновляет богословов, святых, художников, поэтов и музыкантов создавать авторские произведения искусства, посвященные главному событию истории человечества. Одним из центральных произведений в творчестве немецкоязычного писателя Эцарда Шапера (1908–1984) является «Легенда о Четвертом Волхве», в которой четвертым волхвом оказывается русский князь. Шапер – автор множества художественных произведений, романов, повестей и рассказов, в которых он

смело выражает свою позицию писателя и христианина, призывает к следованию евангельским заповедям. Наибольшую известность принес писателю роман-диалогия «Умиравшая церковь» (1935) и «Последнее Рождество» (1949) о жизни и трагической гибели православного священника отца Серафима и его общины, о новой надежде, рождающейся в Церкви страданием мучеников. «Легенда о четвертом волхве» (1961), в сказочной форме описывающая путь русского князя, идущего на поклонение Рождющемуся Богомладенцу Христу, представляет собой глубокое размышление автора о судьбе и назначении мира, Церкви и России. Суть повествования в том, что четвертый волхв, который оказался русским князем, вовремя узнал о предстоящем рождении Иисуса. Но он потратил слишком много времени на поиски подарков (среди которых был и русский мед). По пути он раздавал их всем нуждающимся, попадал в различные перипетии и опоздал настолько, что пришел только к моменту Распятия.

Легенда Эцарда Шапера, несомненно, вдохновлена русской религиозной мыслью, а также обстоятельствами жизни самого писателя, который много скитался, жил в Эстонии, Финляндии и Польше, был дважды заочно приговорен к смерти немецко-фашистским судом и стал свидетелем гонимой Церкви в разных, часто противоположных условиях. Как тут не вспомнить великую картину русского художника Михаила Нестерова (1862–1942) «Страстная Седмица», написанную в трагические 1930-е годы, где на фоне русского пейзажа возвышается Распятие, перед которым предстоят Достоевский и Гоголь, священник и жена художника, у которой в руках маленький детский гробик с телом их ребенка. Русский четвертый волхв опоздал, и, подобно ему,

Державная икона Божией Матери XVIII века. Храм Казанской иконы Божией Матери в Коломенском. Москва

по отношению к «обще-принятому Рождеству» 25 декабря «опаздывает» и столь важный для Русской Церкви юлианский календарь.

Это «замедление» уникально, поскольку во многом именно благодаря ему внешний мир, почти ничего не знающий о христианстве, обращает внимание на потрясающую, великолепную уникальность православного христианства. По аналогии со Вторым Пришествием Иисуса, которое, согласно Писанию и догмату, вот-вот произойдет, но все еще на пороге, чтобы как можно больше людей спаслось (ср. 1 Тимофей 2,4), Церкви «старого стиля», предопределением Бога, «приостанавливают» начало празднования, чтобы мир увидел Православие в его суверенной красоте. Суверенен, кто вводит чрезвычайное положение, приостанавливает ход вещей. Подобно Четвертому Волхву, Русская Церковь празднует Рождество с формальным астрономическим опозданием. Тем самым верующие преклоняются перед Вертепом Рождения, когда остальные христиане, католики и протестанты, уже празднуют Богоявление как поклонение волхвов. В Православии поклонение волхвов совпадает с моментом Рождества. Замедление не становится опозданием, а Легенда о Четвертом Волхве

сбывается, но не по написанному заранее сценарию. Ведь все христиане все же приходят к вертепу вместе.

В Символе Веры Церковь называется кафолической. Этот термин означает единство в максимально возможном многообразии. Поскольку восточное христианство в IV и V веках возглавляла Александрийская Церковь, в древнейших Православных Церквях, исторически связывавших свою судьбу именно с этим древним центром исторического христианства, сохранился обычай празднования не Рождества, а Богоявления. Поэтому и сегодня Богоявление отмечается 6 января в Коптской Церкви Александрии и Египта, Армянской Апостольской Церкви и других Древневосточных Православных Церквях. Празднование Рождения Иисуса как бы включено здесь в единое событие Богоявления, отдельного праздника Рождества Христова эта великая традиция не знает.

В сфере теологии существует богословская дисциплина, называемая сравнительным богословием. Целью его является выявление отличий между православием с одной стороны и католичеством и протестантизмом – с другой. Другое название этой дисциплины – экуменическое богословие. Если сравнительное богословие носит, скорее, полемический характер, то экуменическое богословие занимается поиском общностей. Одним из очень распространенных критических аргументов в сравнительном богословии является довод о том, что вопреки традиции Древней Церкви, в католичестве и протестантизме празднование Рождества Христова стало гораздо более важным, чем Пасха. Однако при желании этот же аргумент может быть обращен и в обратную сторону. Ведь формально оставаясь «всего лишь» одним из двенадцати главных праздников, Рождество Христово

в Православии, подобно тому, как это случилось и на Западе, постепенно (это был очень долгий процесс в течение веков) приобрело характеристики «праздника всех праздников», как называется Пасха в трудах Отцов Церкви. Это сорокадневный пост перед Рождеством, это подготовительные недели, это период святых дней после праздника, в которые всякий пост отменяется, наконец, это сорокадневный период вплоть до праздника Сретения, который создает аналогию между периодом Пасхи и Вознесения.

Однако в отличие от Страстной Седмицы и Пасхи Рождество не упраздняет дни памяти святых, что придает рождественским дням неповторимую особенность. Так, 5 января, накануне Сочельника, Церковь празднует память святого Павла Неокесарийского. Это был епископ, исповедник веры и участник Первого Вселенского Собора в Никее (325).

Город Неокесария, с которым связано имя Павла, был крепостью на Евфрате. Его следует отличать от другой, гораздо более известной Неокесарии, в Анатолии, где среди прочих героев христианской древности епископом был святой Чудотворец Григорий (+275).

Великий древний историк Церкви Феодорит Кирский (393–457) пишет, что на Соборе в Никее при виде Павла и иных исповедников веры, которые пострадали при Великом гонении Диоклетиана, император Константин Великий прослезился. Они имели на себе следы глубоких ран и страшных увечий, нанесенных язычниками. У самого Павла были сожжены руки. Многие язычники, особенно представители судебной и управленческой элиты, не были садистами и не наносили увечий беспричинно. Они слышали, как христиане, в первую очередь епископы, а таковым странствующим епископом-миссионером был Павел, в молитвах называют

Евхаристию «Огнем», «Светом» и «Телом и Кровью Бога». «Бог наш есть огонь поедающий», – говорится в новозаветном Послании к евреям (12, 29).

Одержимые порочным любопытством, язычники решили испытать Павла на слове. Если Он действительно дерзает держать в руках «Тело Бога», которое «есть Огонь», то выдержит ли он испытание огнем физическим. Павел выдержал и не отрекся от веры. Христианам на все последующие времена он преподает урок.

Слова молитв, прежде всего обращения к Богу в контексте Евхаристии и Причащения, содержат множество потрясающих по силе дерзновения утверждений. Произнося их, должно быть готовыми претерпеть испытание на верность произносимых слов.

При общении с братьями и сестрами из других христианских конфессий, особенно с католиками и протестантами, важно подчеркнуть, что мы, православные христиане, действительно празднуем Рождество Христово. Ведь среди них широко распространено мнение, что православные христиане празднуют только Богоявление. Поскольку примерно половина православных христиан следует юлианскому календарю, а другая половина – григорианскому, получается, что Рождество в Православии празднуется не только дважды, 7 января и 25 декабря, но и благодаря рождественским святкам, то есть великому праздничному периоду от Рождества до Богоявления, длится почти четыре недели, что практически равно времени подготовки к Рождеству, священному Адвенту.

«Христос воскрес!» По аналогии с этим апостольским приветствием пасхального времени, которым православные христиане приветствуют друг друга от Пасхи до Вознесения, на святках принято восклицать: «Христос рождается!»

СОВЕСТЬ В ДУШЕ МЛАДЕНЦА

200 лет назад родился Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, самый мрачный и, быть может, самый остроумный классик Золотого века русской литературы

АРСЕНИЙ ЗАМОСТЬЯНОВ,

заместитель главного редактора журнала «Историк»

Портрет М. Е. Салтыкова-Щедрина работы И. Н. Крамского. 1879

Его проза похожа на портреты писателя. Хмурого, напряженного, с затаенной думой, которая, кажется, через секунду может взорвать и автора, и окружающее

пространство. Таким его запечатлела и кисть Ивана Крамского, и объективы фотографов. Сатира и даже шутки у Салтыкова рождались из мрака раненой души.

По биографии Салтыкова-Щедрина можно изучать психологию. Детские травмы, страхи, комплексы – все это было. Властная мать, безоглядно преданная накопительству. Этот образ преследовал его всю жизнь, вплоть до закатного предсмертного романа «Пошехонская старина».

Воспитание сатирика

Потомок древнего рода Михаил Салтыков (тогда еще не Щедрин) появился на свет в родовом имении отца – в селе Спас-Угол, что в Тверской губернии. Он пришел, когда в России жаждали язвительной, смелой сатиры – над государственными порядками, над основами основ. Слишком уж надоело людям патриархальное благолепие с лицемерной изнанкой бюрократического невежества...

Его первым учителем стал крепостной Павел Соколов – талантливый живописец и, судя по всему, способный педагог. Это нетрудно доказать. В 10 лет Салтыков покинул родительскую усадьбу, переехал в Москву и поступил в Дворянский институт, и там сразу оказался одним из лучших учеников. Многообещающего отрока приняли на казенный кошт в знаменитый Царскосельский лицей. В то время он мало чем напоминал идеальный питомник талантов. «Дней Александровых прекрасное начало», а вместе с ним и пушкинская эпоха давно канули в Лету. Салтыков постоянно получал нарекания

за дерзкое поведение, за курение... Но он писал стихи – и снискал в лице лавры нового Пушкина. Одноклассники за это уважали, а преподаватели – не давали поблажек. Он окончил лицей без отличия. И чин получил скромный – коллежского секретаря.

Все это не обещало блистательной карьеры. Михаил Евграфович поступил в военное министерство. Но главным его увлечением к тому времени стала литература. Причем стихи он бросил писать, едва перешагнув порог лицея. Его влекли критика и проза. Молодой столоначальник увлекался социалистами, хаживал (хотя очень недолго!) в кружок Петрашевского и сочинял правдолюбивые повести.

Публикация первых сатирических повестей Салтыкова совпала с очередной революцией во Франции. Да и по всей Европе в 1848 году прокатилась волна мятежей. Звездой первой величины он стал, когда студенты начали зачитываться повестью «Запутанное дело». Это вызвало напряжение в правительственных кругах, напуганных французской суматохой. А Салтыков тогда, в 1848 году, считал поддержку революции священным делом для каждого просвещенного человека. Его непосредственный начальник, колоритный генерал Александр Чернышев, прогневался не на шутку, и бойкого литератора арестовали, а потом сослали в Вятку без права проживать в столицах. Там он стал советником при губернаторе. Постепенно – с годами – Салтыкову, которого несколько раз переводили из губернии в губернию, удалось сделать карьеру: он стал вице-губернатором, достиг чина, равнозначного генеральскому. Правда, при этом (редчайший случай для таких должностей!) не имел орденов: награждать его побаивались и даже, на всякий случай, именовали «вице-Робеспьером». Всей России он стал известен под

псевдонимом «надворный советник Н. Щедрин» после публикации «Губернских очерков». Будучи чиновником, он досконально изучил работу государственного аппарата и познал Россию. Словом, получил карт-бланш для создания широкой сатирической панорамы. Даже император Александр II не без интереса читал его едкие очерки и оценивал благосклонно. Хотя Щедрин всегда писал на грани крамолы, а часто и за гранью. Слишком многое его не устраивало: и пережитки крепостного права, и идеологическое всевластие Церкви, и казнокрадство. Цензоры относились к его «благонамеренным речам» строже, чем император, но Щедрин умел преодолевать препоны.

Он совмещал литературу с чиновничьей службой больше двадцати лет. Это было мукой. Салтыков ненавидел свою службу, а Щедрин по ночам слагал про нее сатирические страницы. Последние годы службы он провел в Пензе на должности управляющего казенной палатой. Следил за финансами, выводил на чистую воду мздоимцев. Но видел, насколько это бессмысленное дело, потому что в сложившейся системе рука руку моет. Уж лучше писать – как можно честнее.

Когда Салтыков сумел оставить государственную службу и посвятить себя работе в журнале «Отечественные записки» – это было настоящее счастье. Редактором он слыл кропотливым, каких свет не видывал. Читал все рукописи, поступающие в редакцию, непременно просматривал корректуры, демонстрируя системность, свойственную добросовестным чиновникам.

В гротескном мире

От очерков он перешел к романам. Превратился в русского

Рабле... Мир, который открывался ему, был не столь смешон, сколь страшен, как страшен один из главных героев Щедрина – Порфирий Головлев, которого прозвали Иудушкой. Он и вор, и ханжа, и чудовищный демагог, и убийца, и психопат. «Одною рукою Богу молится, другою делает всякие кляузы». Считается, что в этом отвратительном герое романа «Господа Головлевы» Щедрин вывел родного брата, с которым не ладил. Он трудно сходился с людьми, бывал обидчив. И, в общем, по характеру чем-то сам напоминал не самых симпатичных героев своих романов.

Один из его ключевых сатирических романов – «История одного города». Щедрин давненько подзревал, что историки приукрашивают прошлое, пишут только о победах и счастливых преобразованиях. А история – она, как огромная лужа, в которой отражаются сумасбродность начальства и нищета несчастных обывателей. И название для города, который символизирует Россию, он придумал соответствующее – Глухов. Там есть несколько любопытных пародий не только на консерваторов, но и на реформаторов и прожектеров у власти. Главными принципами, на которых зиждется Глухов, Щедрин считал произвол и беззаконие. А смиренный народ готов был принять любую, самую нелепую инициативу начальства. Ибо, по словам Щедрина, у нас постоянно путают «Отечество и Ваше превосходительство». Это карикатура, гротеск. Но многое в «Истории одного города» слишком отчетливо напоминало действительность. Там можно найти даже шарж на будущих российских правителей – даже таких, как Михаил Горбачев с его округлыми речами и безоглядной «Перестройкой». Щедрин обладал даром предвидения – правда, нужно учесть, что едкие прогнозы всегда точнее сбываются.

Памятник М.Е. Салтыкову-Щедрину в Твери. Россия

«Чего изволите?» как характеристику личности первым стал именно Салтыков.

Не выморочное наследие

Сатирик, увлеченный социальными теориями, не всегда писал изящно. Многие его фельетоны и романы откровенно публицистичны. Там неизменно встречаются остроумные и язвительные мысли, даже крылатые выражения, но порой не хватает литературного блеска. Самое печальное, что наибольшие неприятности ему принесла книга, которая написана действительно блистательно. Это «Сказки». Помните? «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»,

«Премудрый пескарь», «Дикий барин», «Пропала совесть»... Эти мудрые истории и написаны очень гармонично, поэтично, с легкой пародией на фольклор. И – нелицеприятные по отношению к нашим порокам, да и к государственной машине. Неудивительно, в них увидели опасные разрушительные тенденции. Полностью опубликовать этот сборник Щедрину так и не удалось.

А от сказки «Пропала совесть», думается, не отказались бы ни Лев Толстой, ни Достоевский, приди им в голову такая идея. Это притча, которая притворяется сатирой. Печальная, но и светлая. Совесть взывает к нам: «отыщи ты мне маленькое русское дитя, раствори ты передо мной его сердце

чистое и схорони меня в нем! авось он меня, неповинный младенец, приютит и выхолит, авось он меня в меру возраста своего произведет, да и в люди потом со мной выйдет – не погнушается... И исчезнут тогда все неправды».

Подобно Сократу, он верил в божественную суть совести, которая способна преобразить мир. Без налета мистики, над которой Михаил Евграфович всегда посмеивался.

В своем последнем романе Салтыков-Щедрин постарался восстановить картины детства, рассказав о жизни провинциальных помещиков и крестьян в дореформенные времена через судьбу дворянина Никанора Затрапезного. Сатирик писал «Пошехонскую старину», лишившись работы в журнале и с головой погрузившись в воспоминания. В романе есть гротескные эпизоды, но по интонации и размаху повествования это основательная хроника. С прежним Щедриным роман роднят обличительные мотивы, но метких щедринских «издевок» стало меньше. Писателю как будто наскучило высмеивать тех, кого он ненавидел. В этой невеселой книге писатель задумал раскрыть суть рабства не только в окрестностях реки Шехоны (в наше время это – на рубежах Ярославской и Вологодской областей). Это обобщенная панорама глубинной, отдаленной от столиц, крепостнической России.

О династии Затрапезных он пишет так: «В пограничных городах и крепостях не сидели, побед и одолений не одерживали, кресты целовали по чистой совести, кому прикажут, беспрекословно». Они подчинялись вышестоящим феодалам, а крестьяне – им. Так и повелось. В колоритной галерее героев романа выделяется лакей Конон – прирожденный раб. У него на все барские решения единственный ответ: «Воля ваша». Сомневаться, да и вообще думать он не склонен.

Все и так предрешиено. При этом свои обязанности он выполняет скверно. Если подметает – вокруг разлетается пыль, хозяйскую одежду чистит неаккуратно. Глядя на него, барыня (ее писатель, по обыкновению, писал по воспоминаниям о матери), заглянув в будущее, мечтает о том, что когда-нибудь слуг заменят машины...

С сочувствием Салтыков писал о крестьянах, способных если не на бунт, то на неординарные мысли и поступки. В них робко просыпается человеческое достоинство. Таков крепостной цирюльник по прозвищу Ванька Каин. Неунывающий весельчак и гармонист. Барыне не нравилось, что он отвлекал крестьян от трудов и послушания, и Ваньку определили в солдаты. Одна из самых сложных героинь «Старины» – Аннушка «с лицом цвета сильно обожженного кирпича». Она не ропщет, покорно принимает свою участь. Но не бездумно, а по религиозным убеждениям, по примеру святых мучениц. Барыня не верит в ее смирение, считает «революционеркой». Неординарности крепостным не прощают, требуют не только послушания, но и отточенного лицемерия. Им следует жить по принципу «Не лги, но правды не говори». А лучше всего молчать.

Отдельным изданием роман вышел уже после смерти Михаила Евграфовича. Тогда никто не сомневался, что Россия потеряла классика, второго Гоголя. Значение Салтыкова-Щедрина высоко оценивали и в советские времена. Да и сегодня его наследие не выглядит «выморочным». В его томах можно вычитать немало важного и пронизательного. Нужно только дать себе труд. А может быть, действительно совесть когда-нибудь возродится в душе младенца? Если уж такой мудрый скептик, как надворный советник Щедрин, мечтал об этом.

Афоризмы М. Е. Салтыкова-Щедрина

Человек так устроен, что и счастье ему надо навязывать.

Талант сам по себе бесцветен и приобретает окраску только в применении.

Всякому безобразию свое приличие.

Пошлость имеет громадную силу; она всегда застает свежего человека врасплох, и, в то время как он удивляется и осматривается, она быстро опутывает его и забирает в свои тиски.

Жил – дрожал, и умирал – дрожал.

Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения.

В болтливости скрывается ложь, а ложь, как известно, есть мать всех пороков.

Просвещение внедрять с умеренностью, по возможности избегая кровопролития.

Громадная сила – упорство тупоумия.

Идиоты вообще очень опасны, и даже не потому, что они непременно злы, а потому, что они чужды всяким соображениям и всегда идут напролом, как будто дорога, на которой они очутились, принадлежит им одним.

Система очень проста: никогда ничего прямо не позволять и никогда ничего прямо не запрещать.

Нельзя сразу перевоспитать человека, как нельзя сразу вычистить платье, до которого никогда не прикасалась щетка.

Нет, видно, есть в Божьем мире уголки, где все времена – переходные.

В словах «ни в чем не замечен» уже заключается целая репутация, которая никак не позволит человеку бесследно погрузиться в пучину абсолютной безвестности.

Проклятое то время, которое с помощью крупных злодеяний цитадель общественного благоустройства сооружает, но срамное, срамное, тысячекратно срамное то время, которое той же цели мнит достигнуть с помощью злодеяний срамных и малых!

Ах! великая вещь – жизнь труда! Но с нею сживаются только сильные люди да те, которых осудил на нее какой-то проклятый прирожденный грех. Только таких он не пугает. Первых потому, что, сознавая смысл и ресурсы труда, они умеют отыскивать в нем наслаждение; вторых – потому, что для них труд есть прежде всего прирожденное обязательство, а потом и привычка.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН И РУССКИЙ КЛАССИЧЕСКИЙ РОМАНС

В 20–30-е годы XIX столетия на волне романтизма романс достиг виртуозного совершенства и большой популярности

ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВА

Портрет А. С. Пушкина. Гравюра Василия Матэ. 1899

В наше время не только музыканты, но и люди совершенно различных профессий, разного возраста и интересов любят русские классические романсы. Этот жанр вышел за рамки профессионального искусства и давно стал поистине народным. А в 20–30-е годы XIX столетия, в пушкинскую эпоху, на волне романтизма романс достиг виртуозного совершенства и большой популярности.

Композиторам хотелось положить на музыку поэтические строки Пушкина еще при жизни поэта – ведь романс способен передавать тонкое и сложное чувство любви.

Родоначальником русского романса стал Михаил Иванович Глинка, он и сам был превосходным их исполнителем. Пушкин познакомился с Глинкой в молодости, лет двадцати. Был на первом представлении «Ивана Сусанина», а в 1828 году написал стихи «Не пой красавица при мне» на уже созданную Глинкой музыку.

Идея романса принадлежала Александру Грибоедову. Путешествуя в 1828 году по Кавказу, он услышал в одном из селений печальную и трогательную грузинскую мелодию. Грибоедов был прекрасным пианистом, исполнителем-импровизатором и аккомпаниатором. Он записал мелодию и позже в имении Олениных, друзей Пушкина, где гостили также Пушкин, Глинка и Вяземский, предложил Глинке переложить ее для фортепиано. Глинка сейчас же написал небольшое музыкальное произведение, и Аннет Оленина стала напевать мелодию под аккомпанемент композитора. Кто-то из гостей заметил: хорошо бы Пушкин написал стихотворение на эту музыку. И Пушкин написал! Ибо он чрезвычайно увлекся Аннет Олениной, маленькой красавицей с воздушными кудрями и глубокими карими глазами – фрейлиной императорского двора, остроумной и начитанной. В стихотворении Пушкин обращался к ней, и все его страдание очевидно выплескивается в этих стихах.

Месяц спустя Пушкин сделает Аннет предложение руки и сердца, но получит отказ ее родителей... А Аннет долго не выходила замуж. Уже после смерти Пушкина, в 32 года она соединила себя узами брака. И муж чрезвычайно

ревновал Аннет к ее девичьему прошлому¹.

*Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальний.
Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь – и при луне
Черты далекой, бедной девы.
Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь – и предо мной
Его я вновь воображаю.
Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальний.*

А потом, через 65 лет, в 1893 году, Сергей Васильевич Рахманинов написал собственную музыку на эти волшебные-печальные и завораживающие поэтические строки. В 22 года композитор страдал от любви к Наталье Сатиной. И она, оказывается, тайно любила его. Прошло девять лет, и в 1902 году Сергей и Наталья соединили свои сердца перед алтарем.

Наталья Александровна не переставала быть Музой композитора, а в память их романа нам осталась проникновенно лирическая, печальная и страстная музыка романса.

Известный музыкальный критик XIX века Цезарь Антонович Кюи считал жанр романса столь важным для русской музыкальной культуры, что в 1896 году выступил в Музыкальном собрании Санкт-Петербурга с публичной лекцией «Очерк развития русского романса» и издал книгу на эту тему.

«Камерная музыка, – писал он, – требует немногих исполнителей, но эта музыка включает в себе такие сокровища, каких, пожалуй,

не найти ни в оперной, ни в симфонической музыке. Почти все самые гениальные композиторы высказывали именно в камерной музыке свои самые глубокие мысли, выражали самые сильные чувства, самые затаенные движения души».

Романс Кюи относил к камерной музыке. Какова же художественная задача романса? «В вокальной музыке поэзия и звук, – считает Кюи, – равноправные державы, они помогают друг другу: слово сообщает определенность выражаемому чувству, музыка усиливает его выразительность, дополняет недосказанное; сливаясь, обе с удвоенной силой действуют на слушателя»².

А вот еще один сюжет, связанный со стихотворением Пушкина «Я вас любил», которое написано в 1829 году. Гениальный поэт умел столь трепетно передать муки неразделенной любви, что множество композиторов откликнулись на стихи Пушкина. Среди них – Александр Алябьев. У него была своя история. В 1825 году он познакомился на балу с Екатериной Римской-Корсаковой и стал появляться на домашних вечерах ее семейства. Разгорелся пылкий роман. Дело шло к свадьбе. И тут – удар судьбы! В гости к Алябьеву приехали знакомые, чтобы поиграть в карты. Один из них сильно проигрался, но отказался платить деньги. Алябьев вспыхнул – по офицерскому кодексу игрок поступал бесчестно – и влепил ему пощечину. А тот через два дня умер от апоплексического удара. Началось судебное разбирательство, и Алябьев попал под арест. Один суд его оправдал, другой пересмотрел оправдание. Композитора сослали в Сибирь. Он жил мыслями о Екатерине. И новым ударом стало известие о ее

¹ См. История одного романса. https://vk.com/wall-192716818_51841

² Кюи Ц. А. Русский романс: очерк его развития. Учебное пособие. Изд. третье, стереотипное. СПб, Лань: Планета музыки, 2022, с. 4–5.

Портрет Анны Алексеевны Андро, графини де Ланжерон (урожденной Олениной). Худ. Петр Соколов. 1825

Портрет Александра Алябьева работы Василия Тропинина. 1840-е

замужестве. Но и она все эти годы помнила о возлюбленном и страдала от разлуки. И когда участь Алябьева смягчили и разрешили отправиться в Пятигорск для лечения, Екатерина сделала все, чтобы оказаться там же. В 1834 году произошла встреча – оба поняли, что их любовь стала еще сильнее. В память об этой встрече Алябьев написал романс на стихи Пушкина «Я вас любил».

После бесчисленных прошений Алябьеву разрешили жить в имении его родных в Московской губернии. В 1839 году Екатерина овдовела. Возлюбленные обвенчались в 1840 году, через 15 лет после начала пылкого и трагического романа. Екатерина, которая была младше Алябьева на 16 лет, пронесла глубокое чувство и сердечную верность первой любви через всю жизнь.

В 1843 году композитору наконец было разрешено вернуться в Москву, супруги поселились в доме Екатерины Александровны на Новинском бульваре. Но превратности судьбы следовали одна за другой. В ответ на просьбу об окончательном помиловании Алябьева вдруг выслали в Коломну. Его верная жена поехала за ним. Но вскоре она вновь подала императору Николаю I прошение о помиловании – и добила своего! Алябьевы вернулись в Москву.

А кому Пушкин посвятил это горькое стихотворение, исследователи спорят до сих пор. Ведь оно оказалось в альбоме Аннет Олениной. А может быть, оно посвящено Марии Волконской? Или Анне Керн? Загадка...

*Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,*

*То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой
быть другим.*

На два года раньше Алябьева, в 1832 году, на эти стихи Пушкина написал романс Александр Даргомыжский. А через четверть века, в 1859 году, – композитор-дилетант Борис Шереметев. Исследователи отмечают, какой музыкальный

акцент делает каждый композитор в зависимости от своих эмоций и своей личности.

Музыковед Ольга Фищук пишет: «В романсе Алябьева предлагается вариант ударения на вторую долю такта – “Я вас любил”, у Шереметева – на первую долю такта попадает глагол в прошедшем времени “Я вас любил”, а у Даргомыжского сильная доля совпадает с местоимением “Я”»³.

³ Фищук Ольга. Стилистическая эволюция музыкального языка в романсах А. Алябьева // Журнал «Израиль XXI». 2011, № 30.

Анна Петровна Керн в 1840-х годах

Романс «Я вас любил» на музыку Бориса Сергеевича Шереметева приобрел наибольшую популярность у публики. Его очень любил Александр III, который пережил юношескую трагическую любовь к фрейлине Марии Мещерской и даже подумывал отречься от престола ради женитьбы на ней. Говорят, после ранней смерти бывшей возлюбленной царь хранил в своем письменном столе ее туфельку, некогда похищенную из комнаты фрейлины.

Светлая печаль, которую выразил в музыке Шереметев, связана с его увлечением женой итальянского политика, датской графиней Бертой Мольтке. Мы ничего не знаем об их встречах и расставаниях. Осталось лишь воспоминание одной мемуаристки: «Незадолго

до своей смерти Борис Сергеевич вдруг вышел в залу, сел к роялю и заиграл свой романс “Я вас любил”. Все его дети были тут и подхватили мелодию. Я слушала затаив дыхание. И слова, и музыка были непревзойденной красоты»⁴.

И еще одна история любви... В 1825 году, после восстания декабристов, по приказу императора Николая I Пушкин отправился в родовое имение Михайловское. Ему было предписано «жить безотлучно в поместье родителя своего, вести себя благоправно».

Поэт томится и, чтобы развеяться, едет к своим знакомым Осиповым в Тригорское. И там встречается с Анной Керн, которую видел в 1819 году и тогда уже был очарован ею. Теперь это чувство вспыхнуло с новой силой. В день

Анна Керн. Рисунок Пушкина. 1829

отъезда Анна Пушкин дарит ей экземпляр второй главы «Онегина». В его неразрезанных листах Анна Петровна находит стихотворение Пушкина, обращенное к ней: «Я помню чудное мгновенье».

После смерти поэта Глинка написал в 1840 году романс на эти стихи и посвятил его дочери Анны Керн – Екатерине, в которую был долго и мучительно влюблен.

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,*

*И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.
В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.
Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.*

О поэзии Пушкина Петр Ильич Чайковский пишет в письме к Надежде Филаретовне фон Мекк: «Независимо от сущности того, что он излагает в форме стиха, в его звуковой последовательности есть что-то, проникающее в самую глубину души. Это и есть музыка»⁵.

Мы знаем, сколь удачно сложился поэтический и музыкальный союз двух гениев: оперы «Пиковая дама» и «Евгений Онегин» не сходят с мировых сцен.

Чайковский написал также романс на стихотворение Пушкина «Соловей». Интересно, что композитор обращается не к оригинальной лирике, а к переводу Пушкина народной сербской песни из цикла «Песни западных славян», которая называлась «Три большие печали» и которую Пушкин адаптировал к ритмам русского фольклора. В песне с глубокой печалью рассказывается о горе молодца, которого разлучили с красной девицей и рано женили. И жизни себе без любимой молодец не представляет. Напевные интонации, сокрушенные жалобы, звучащие так печально по-народному, видимо, тронули душу Чайковского. Чайковский глубоко изучал русский фольклор, вводил его в музыкальные произведения,

умел стилизовать свое творчество в народном ключе. И его восхитила тонкая стилизация Пушкина. Этот романс блестяще исполнял Сергей Лемешев.

*Соловей мой, соловейко,
Птица малая лесная!
У тебя ль, у малой птицы,
Незаменные три песни,
У меня ли, у молодца,
Три великие заботы!
Как уж первая забота –
Рано молодца женили;
А вторая-то забота –
Ворон конь мой притомился;
Как уж третья-то забота –
Красну-девицу со мною
Разлучили злые люди.
Вы копайте мне могилу
Вó поле, поле широком,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки,
А в ногах мне проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдут мимо красны девки,
Так слетут себе веночки.
Пойдут мимо стары люди,
Так воды себе зачерпнут.*

Пушкин умел органично вплести в ткань стихотворений атрибуты иных эпох. В стихотворении «Адель» – веселая и игривая смесь мифологий. Упоминаются греческие Хариты, богини изящества, радости жизни и красоты. А имя Лель – это имя славянского бога любви, аналог античного Амура. Лель играет на свирели, разновидности флейты. На флейте играли божества и греческой, и римской мифологии. А также романтические пастухи и пастушки XVIII века, которые были героями пасторалей⁶.

В 1820 году Пушкин написал стихотворение «Адель», посвященное младшей дочери генерала 1812 года Александра Давыдова.

На прелестные стихи Пушкина Глинка сочинил романс в 1849 году. Он тонко передал воздушное, полное игры и веселья, настроение стиха через танцевальный жанр польки. Любила петь этот романс Нина Дорлиак, а ей аккомпанировал Святослав Рихтер.

*Играй, Адель,
Не знай печали;
Хариты, Лель
Тебя венчали
И колыбель
Твою качали;
Твоя весна
Тиха, ясна;
Для наслажденья
Ты рождена;
Час упоенья
Лови, лови!
Младые лета
Отдай любви,
И в шуме света
Люби, Адель,
Мою свирель.*

Никто не умел так, как Пушкин, раскрыть бурю страстей, бушующих в сердце человека, и муки любви. И никто не умел так, как Пушкин, утешить светлым мудрым поэтическим словом. Таково его стихотворение «Если жизнь тебя обманет». Всего 26 лет было поэту. Непостижимо его глубокое понимание того, как устроена жизнь. Стихотворение показалось близким Александру Алябьеву, и он напишет романс на эти стихи.

*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.*

⁴ Аксакова-Сиверс Т. А. Семейная хроника. М., Захаров, 2020.

См. <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/1061624-tatyana-aksakova-sivers-semejnyaya-hronika.html>

⁵ Чайковский П. И. Жизнь и творчество композитора. Переписка с Н. Ф. фон Мекк (1877). Письмо от 3 июля 1877.

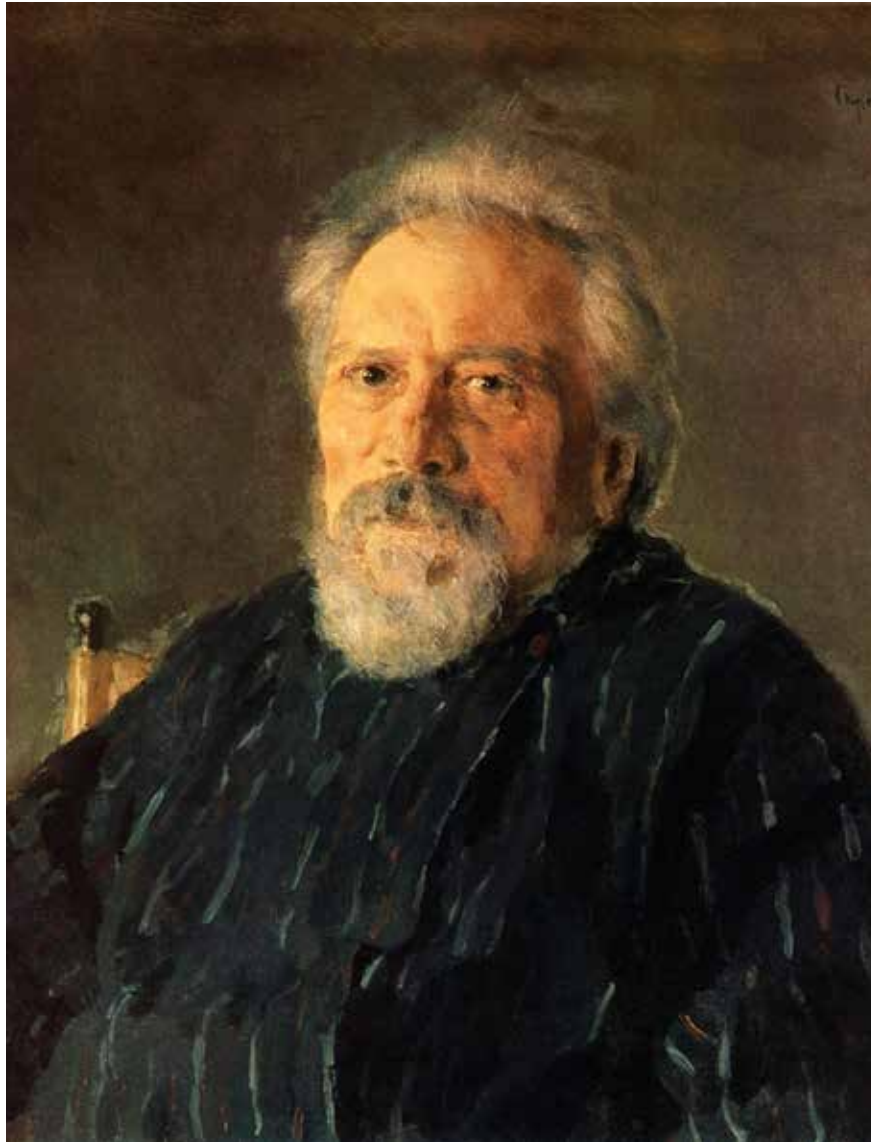
См. <https://tchaikov.ru/1877-019.html>

⁶ Да здравствует солнце! <https://dzen.ru/a/Yp9mgIExvAahEH0o>

ЖАРКОЕ ЛЕТО ЛЕСКОВА

4 (16) февраля 1831 родился русский писатель, публицист и литературный критик Николай Лесков

СЕРГЕЙ ДМИТРЕНКО,
проректор Литературного института имени А. М. Горького

Портрет Н. С. Лескова работы В. А. Серова. 1894

Парадокс, но факт: в литературной судьбе скандал или хотя бы нечто скандальное таланту не только не мешают – полезны!

Вот восход «солнца нашей поэзии» – юный чиновник коллегии иностранных дел, коллежский секретарь Пушкин А. С., широко известный в узких кругах, печатает

поэму «Руслан и Людмила». Невинное сочинение, ныне его детям едва ли не с младенческого возраста читают как образец родной классики. А тогда не приглянулось какими-то своими стилевыми исканиями деятелям из влиятельного журнала «Вестник Европы», рецензент которого восклицал: «... позвольте спросить: если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: «Здорово, ребята!»? Неужели бы стали таким проказником любоваться?»

Реакционеры! – клеймили таких клеветников Пушкина в советское время. Однако – интересное дело! Чтобы узнать ругательные отзывы современников о «Руслане и Людмиле», нам не надо тащиться в фундаментальные библиотеки и пытаться получить там раритеты почти двухсотлетней давности. О потомках позаботился сам автор, процитировав наиболее жесткие высказывания о своей поэме в предисловии к ее второму изданию (а оно теперь воспроизводится во всех собраниях сочинений Пушкина).

Потому что он знал: брань не только на воротах не виснет, а может, даже серебрить его морозной пылью неприятия, уподобляя драгоценности. Вспомните поэмку! Павел Васильевич Анненков, первый ученый биограф Пушкина, сохранил такую историю о нем: на упреки семейства в «излишней распушенности» Александр Сергеевич

ответил формулой, которую трудно оспорить: «Без шума никто не выходил из толпы».

Этот пушкинский урок хорошо усвоил Достоевский, может быть, даже слишком хорошо – а ну как на Семеновском плацу оказалось бы очень плохо?!

Скандал сопутствовал и молодому писателю Лескову. Причем особый скандал, истинно полесковски – с неожиданностями.

Николай Семенович вступал в литературу человеком зрелым, ему уже было под тридцать, а за плечами – разнообразный трудовой опыт.

Приехав в Петербург в начале 1861 года, Лесков успел познакомиться здесь с полуопальным Тарасом Шевченко, вскоре скончавшимся. Публикует в журнале «Отечественные записки» (№ 4) ранее написанные «Очерки винокурной промышленности (Пензенская губерния)», на оттиске которых впоследствии сделал надпись: «Лесков 1-я проба пера. С этого начата литературная работа (1860 г.)». Примечательное, между прочим, сочинение: в нем сочетаются соответствующие статистические таблицы и живые социально-психологические наблюдения, а один из эпиграфов взят из Салтыкова-Щедрина, молодого, но уже знаменитого (тоже имевшего на жизненном пути свой литературный скандал). В этом же году Лесков успевает пожить в Москве, разъехаться с женой и вернуться в Петербург.

1862 год начинается у Лескова сотрудничеством с газетой «Северная пчела». Издание с известной репутацией, неотъемлемой от имени Булгарина и Греча: «Пчелка», как ее называли – но с разными интонациями: и ласково, и презрительно... Если кто забыл – любимая газета Авксентия Ивановича Поприщина и вообще популярнейшая российская газета, во времена Пушкина огромный тираж – до десяти

тысяч, единственная из частных, которой дозволено печатать политические новости...

Конечно, в 1862 году «Пчелка» не та, что во времена Булгарина. Сам Фаддей Венедиктович уже в иных пространствах, у газеты новый владелец... Лесков становится хроникером газеты, очень деятельным, много пишет о проблемах внутренней политики, часто без подпий (атрибуция – одна из главных проблем лесковистики), и к маю оказывается среди лидеров тогдашней петербургской публицистики.

Заявляет он о себе и как беллетрист – в журнале «Век» под псевдонимом М. Стебницкий (основное лесковское литературное имя в 1860-е годы) публикует рассказ «Погасшее дело (Из записок моего деда)» (впоследствии – «Засуха»). Произведение замечательное, в нем уже виден Лесков; правда, на долгие десятилетия оно было позабыто и лишь недавно появилось в Полном собрании сочинений. В апреле в «Северной пчеле» появляется первый его шедевр – рассказ «Разбойник», в начале мая – рассказ «В тарантасе».

Надо представить атмосферу того времени, что, впрочем, несложно – свидетельств сохранилось множество, а места все знакомые, почти родные. Разворачиваются реформы императора Александра II и одновременно растет недовольство ими: одним кажется, что взяли слишком круто, других, напротив, раздражает медлительность властей... А еще Герцен со своим «Колоколом»... И Чернышевский в «Современнике»... И вечно недовольная Польша... *Нестроение*... Привычное дело у нас на Руси.

В этих условиях по Петербургу начинает ходить прокламация, где без обиняков заявлено: «Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего человека, один – революция, революция кровавая

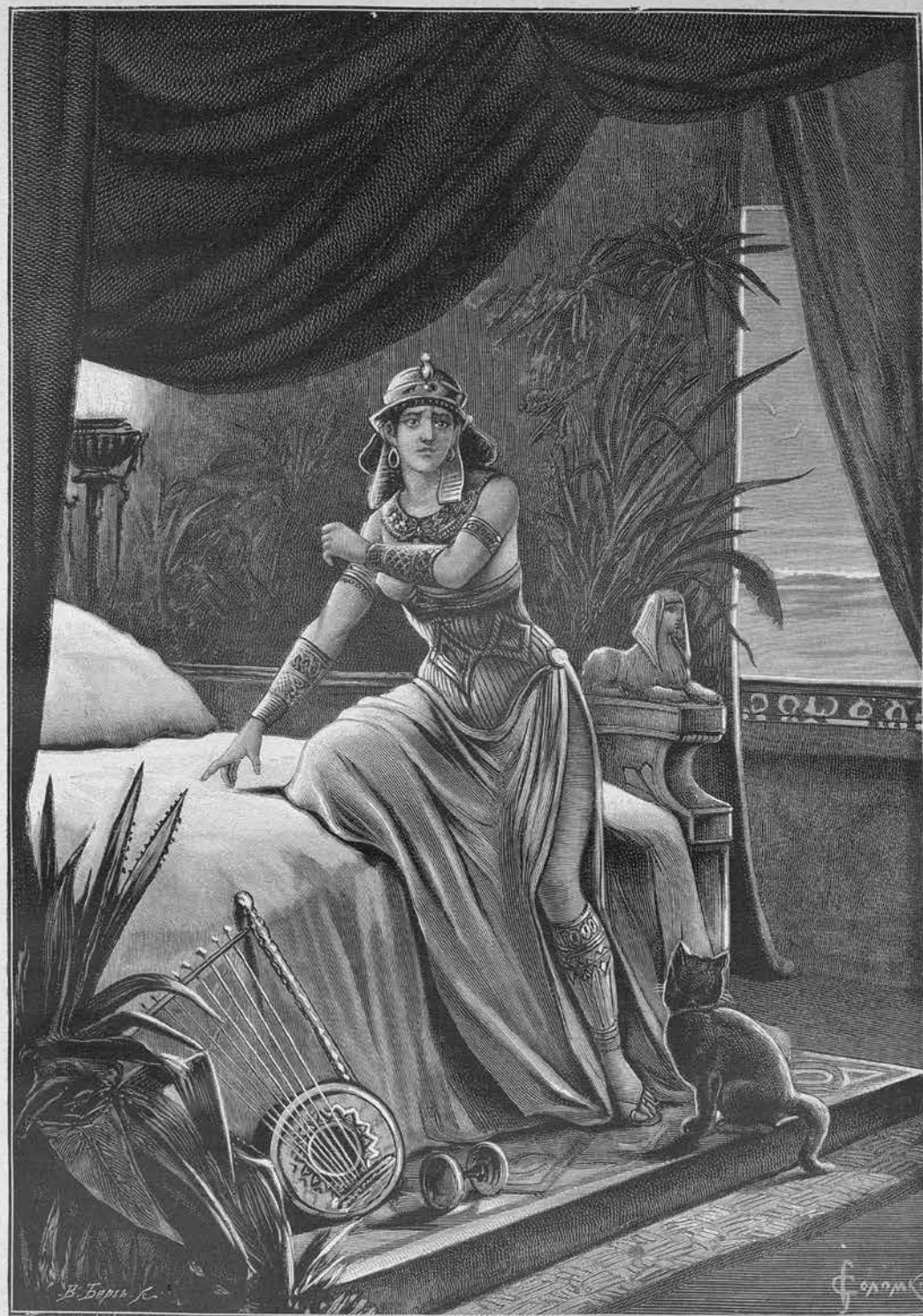
и неумолимая, революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка. Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим все это, и все-таки приветствуем ее наступление, мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно желанная!»

Подписано: «Молодая Россия». Кто это «Молодая Россия», до сих пор точно не исследовано – не расследовано. В советское время любили развивать идею о том, что это была провокация тайной полиции. Но поверить в сие трудно. Конечно, до катастрофы 1917 года тогда оставалось целых 55 лет, но если вспомнить, как Россия эти полвека прожила и какие реки крови были затем пролиты, в существовании этой самой молодой России (то есть части населения, готовой к безоглядному кровопусканию), сомнений не остается.

А тут еще и пожары. Вечером 28 мая 1862 года в Петербурге начинают гореть, как бы сейчас сказали, крупнейшие торговые центры – Апраксин и Щукин дворы. Горят частные дома, дом Министерства внутренних дел, барки и рыбные садки на Фонтанке... Власть в некоторой растерянности – и немедленно начинают идти слухи о поджогах...

В этих обстоятельствах Лесков пишет и печатает в «Северной пчеле» статью, которую сын писателя называет «бедоносной». Ныне она, как и вся тогдашняя публицистика Лескова, опубликована, и видно, что в ней нет ничего провокационного, ужасного, призывающего к расправе над социал-радикалами, над *нетерпеливцами*. «... В народе *носится слух* (здесь и далее курсив мой. – С.Д.), что Петербург горит от поджогов и что поджигают его

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОК ХУДОЖНИКА С. СОЛОМКО
КЪ РОМАНУ «ГЕРА», СОТ. Н. Л. КОВА.

АТТОСА БЫСТРО ВСТАЛА СЪ ПОСТЕЛИ И ПОЗВАЛА СЛУЖАВКУ.

с разных концов 300 человек. В народе указывают и на сорт людей, к которому будто бы принадлежат поджигатели, и общественная ненависть к людям этого сорта растет с неимоверною быстротою» – вот исходный тезис выступления Лескова. А вот его вывод: «...полиция должна знать эти слухи лучше нас, и на ней лежит обязанность высказать их, если она хочет заслужить себе доверие общества и его содействие».

Казалось бы, вполне здравый призыв к расследованию причин происшествий, опаснейших для сотен тысяч людей... Установить и по закону наказать виновных, кто бы ими ни был! Можно подумать (говоря, разумеется, не без иронии), если бы среди поджигателей оказался Чернышевский, его нужно было бы простить и отправить на курорт писать роман «Что

делать?»! Но ведь логика истолкования этих событий и тогда, и особенно в советское время была именно такой: выступили против революционной демократии. И Лесков в том числе. При этом до сих пор (!) внятно о причинах петербургских пожаров 1862 года так ничего и не сказано. Случайно ли?

А тогда возня вокруг вполне спокойной, рассудительной, ответственной статьи Лескова (кстати, не единственной на эту тему) заставила его покинуть Петербург. В редакцию «Северной пчелы» заявили некие молодые люди с обвинениями автора в натравливании власти на студентов, Лесков стал получать анонимки с угрозами...

Из столицы ошеломленный литератор отправился туда, куда в смутные часы прежде всего и зовет сердце – на родину, на Орловщину, к маме. Немного полегчало, но успокоения уже не было. После неприкаянных разъездов по стране Лесков в начале сентября по соглашению с редакцией «Северной пчелы» отправляется корреспондентом в Европу – долгим, с остановками путем через литовские, белорусские, украинские, польские края... Затем Чехия, Франция, Париж...

Через год он начинает писать свой первый «противопожарный» роман – «Некуда», выход которого вызывает новый литературный скандал. Неистовый Писарев припомнит ему и статьи в «Северной пчеле» и запишет чуть ли не в тайные агенты-доносители...

Но действительно брань на восток не виснет. Или – дым очей не выест. Лесков, как известно, страдал, мучился от параноидальных обвинений, но писать не переставал, напротив, выпустил второй свой «противопожарный» роман – «На ножах», никаких возражений у социал-радикалов

НЕКУДА

РОМАНЪ

Н. С. ЛѢСКОВА

(ПСЕВДОНИМЪ СТЕБНИЦКІЙ)

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1879

уже не вызвавший. Слишком убедительно показана в нем связь социал-радикалов с уголовщиной, с головорезами... А главное: помимо продолжения противопожарных мероприятий Лесков с непревзойденной художественной силой выразил свои представления о праведной жизни в несовершенном обществе.

Главное произошло: таинственные пожары, немало спалившие в Петербурге, своим пламенем закалили и Лескова. Этот лес не сгорел, не выгорел.

Писатель скандала не хотел – но скандал удался. Отныне каждое слово Стебницкого, а затем и Лескова встречалось пристальным вниманием. А он с его необыкновенным талантом внимавших не разочаровывал.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ ДЕРЕВНИ

К 90-летию со дня рождения Николая Рубцова

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ

Литература о творчестве Николая Рубцова после его ухода несчетна. Репутация «тихого лирика» закрепилась за ним с твердостью печати или технического определения. Но настоящий духовный исток этого определения все будто ускользает от критики или нарочито не договаривается ею. А причина, вероятно, в болезненной сложности такого внешне красивого понятия, как «тихая лирика». Ясно, что такая поэзия не для стадионов и Политехнического музея. А только существо дела тоньше и дальше.

После выхода его «Избранного» в издательстве «Северо-Запад» в 1974 году я думал, что нашел место «тихой лирики» в русле нравственных исканий русской

Бюст Н.М. Рубцова в г. Череповце

поэзии и писал тогда в газете «Вологодский комсомолец»: «“Тихая лирика” живет в поэзии от века. И когда Пушкин пишет “Брожу ли я вдоль улиц шумных” – это “тихая лирика”. И когда Лермонтов печалится “И скучно, и грустно...”, и когда Тютчев вздыхает “О, как на склоне наших лет...”, и когда Пастернак, Соколов, Жигулин... “Тихая лирика” – это собеседование с собою без посторонних с обнаженным сердцем. Это голос человека, выслушанный человечеством...»

А когда читал его только что впервые вышедшие «Подорожники», я был в деревне, на дворе стояла весна. Деревня звенела от птиц, и слышнее всего были скворцы. Наступал очередной рассвет

природы, ее утро – так нежен был воздух, так чиста едва пробивающаяся ювелирная листва на чеканных черемухах, таким свежим золотом горели на синеве небес сережки берез. И именно среди этой праздничной весны я со всею отчетливостью еще не словами, а дословесным озарением понял, что «тихая лирика» – течение прощальное.

В Рубцове деревня еще жила полно и мощно, всевластно. Он только предугадывал злую силу городского противостояния. Поминая доесенинскую деревенскую лирику от Кольцова до Полонского, можно цитировать стихи наугад, и в каждом – приветливом, грустном, скорбном, возвышенном – будет слышна явственная слитность явления и чувства, причины и переживания. Каждое слово будет органично, потому что поэт воспринимает деревню как часть своего нравственного мира – устойчивую и внутренне целостную. Он восхищается природой, глубокими характерами мужиков, любит нарядной игровой праздничностью или скорбит о несправии, зовет к пробуждению самосознания, но все это он делает изнутри, из чувства нравственного единения. Он может ненавидеть, обличать, утешать и благословлять, но все это будет в народе, в природе, в деревне, как вечно сущей, пребывающей с устойчивым миром предания, с глубокими корнями, которые и не ощущаются корнями, потому что пока все целостно и полно.

Русский писатель был на этой земле и в этой деревне не гостем, даже если его и звали барином. Общность культуры, народность, слитность русской литературы с крестьянским бытом – замечательны. Так было всегда. Есенин не был «последним поэтом деревни». В нем она еще жила полно и всевластно. Он только предугадал наступательную силу вторгающегося города. Деревне предстояло пройти еще большой путь, прежде чем

корни начали разрушаться, прежде чем явилась «тихая лирика» как знак глубокой необратимой перемены нравственного самосознания деревенского человека. Возвратившись после городских скитаний, после морской службы и бродяжничества к родной вологодской земле, Рубцов уверял себя: «Тихая моя родина, я ничего не забыл». И, наверное, верил, что это действительно так – так была любовна его память, так остро воспринимал он деревню и так страстно клялся ею, так высоко чувствовал в себе голос ее красоты, ее духовной сосредоточенности и желанной цельности.

Но что-то уже тревожило его, не было успокоения. Пуповина оказалась надорвана. Дороги назад не было – «...вернулся я – бывшее не вернется».

Деревня оставалась тут рядом, перед глазами, но он уже не был ее жителем. Родина уполномочила его сказать о неслышном, но тревожном переломе. И он не зря острее других чувствует, что «...сиротеют душа и природа // Оттого, что – молчи! – так никто уж не выразит их». Мысль и чувство бьются в противоречии: «Я чуток, как поэт, бессилен, как философ», но зато он так слышит «печальные звуки, которых не слышит никто», что мысли останутся только догнать и назвать причину обрыва. Муза стучится с дедовской памятью единства и зовет, зовет обратно, и он еще может на минуту обмануть себя, что ничего не забыл,

Первый снег

Ах, кто не любит первый снег
В замерзших руслах тихих рек,
В полях, в селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!
В деревне празднуют дождинки,
И на гармонь летят снежинки.
И весь в светящемся снегу,
Лось замирает на бегу
На отдаленном берегу.
Зачем ты держишь кнут в ладони?
Легко в упряжке скачут кони,
И по дорогам меж полей,
Как стаи белых голубей,
Взлетает снег из-под саней...
Ах, кто не любит первый снег
В замерзших руслах тихих рек,
В полях, в селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!

1955

Звезда полей

Звезда полей, во мгле заледенелой
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...
Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...
Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.
Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

1964

Меж болотных стволов красовался восток
огнеликий...
Вот наступит октябрь – и покажутся
вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом,
забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный
срок увяданья

Дом в Емецке, где родился Николай Рубцов

что бытовым возвращением еще можно вернуть и давнюю душу. Казалось, еще можно объяснить причину тоски и как-то согласить себя с собой.

*Ах, город село тарантил...
Ах, что-то пойдет на слом...*

Только детское его сердце не зря строфой раньше проговорилось о более сложной, человеческой стороне проблемы:

*Но хочется как-то сразу
Жить в городе и в селе...*

Не одному ему хотелось; многие в его поколении уже «прижились» в этом промежутке и сами снисходительно роняли о своих вчерашних товарищах: «Дере-е-вня»...

А только человеку с устойчивой памятью, да еще русскому земному поэту, посланному этой землей сказать о своей тревоге, такой компромисс не удастся. Он острее других видит, что жить там и тут не получится – окажешься между. И внезапно и остро осознает, что одинок:

*Железный путь зовет меня гудками,
И я бегу, но мне не по себе...*

Вот и определение всего существа этой лирики – «не по себе». Не по себе поэту, не умеющему воссоединить душу, не по себе читателю, зараженному тревогой поэта и открывшему в себе тот же ранящий зов корней и тоже не знающему возврата. Не надо толковать старые ценности бессмертными, а новые – бессодержательными. Смена исторически предreshена. Но без боли такие

переходы не совершаются. О внешних переменах деревни написано много, внутренние еще остаются запорты. Идет, в сущности, пока их исследование. Поэзия по пророческому своему обыкновению свидетельствует о глубинных сдвигах сознания. Все написанное Рубцовым, как всякое действительно талантливое творчество, отмеченное подлинным прозрением, достойно внимания не только с точки зрения художественных достижений, но и с точки зрения откровений социально-нравственных. «Тихая лирика» оказывается лирикой гражданской, социальной, стократ более насущной, чем пустая риторика безжизненных публицистов.

Теперь, я думаю, не будет слишком поспешным сказать, что Рубцов – подлинно последний поэт деревни. С ним ушла высокая истинная боль этой темы. У немногих продолжателей она уже будет только «темой», а боль уходила с ним: «И, разлюбив вот эту красоту, я не создам, наверное, другую». Договорят его правду до точки и простятся с крестьянской Россией великие «деревенские писатели».

Не случайно он много писал о смерти. Его биографическая смерть в самом «поэтическом» (пушкинском, байроновском, моцартовском, вампиловском) возрасте окрасила его стихи светом предчувствия, предсказания, но существо здесь глубже. Тут была жива уходящая сегодня диалектика личного и социального. Это были стихи об уходе традиционного сознания, о невозвратности земной связи, о прощании поэзии с исторической памятью:

*Как все это кончилось быстро,
Как странно ушло навсегда.*

Теперь, после него и «деревенских писателей», уж подлинно навсегда. «Тихая лирика» в Рубцове уже глядела на деревню со стороны

аналитическим, прощающим взглядом. Эта анатомия простых чувств, их обнаженность сама по себе была знаком разрыва с повседневным внутренним бытием нашей, высоко сказать, народообразующей деревни, знаком окончательного прощания с ней.

Уходит на наших равнодушных глазах целая культура, складывавшаяся веками, глубоко укоренившаяся в нас, и на ее место заступает новое время с качественно новым этическим и эстетическим сознанием (как пошутил один умный дяденька, «дьявол эстетики победил ангела этики»).

«Железный путь» (теперь уже не железный, а цифровой) «зовет гудками» все настойчивее, и уже нельзя не услышать этого призыва и не отозваться ему.

Поэт думал о нем без бодрости, но и без страха, спокойно смотрел в лицо времени, надеясь на его все-таки гуманистическое существо, потому что понимал, что:

*Все мы почти над кюветом
Несемся куда-то стрелой.
И есть
соответствие в этом
С характером жизни самой.*

Ах, есть, есть соответствие, но поэты приходят не для оправдания торопливого времени, а для предупреждения, чтобы мы над этим общим «кюветом» неслись «стрелой» не вслепую, а с зорким сердцем и умной памятью.

*Возвещают они, как сказание
древних страниц.
Все, что есть на душе, до конца
выражает рыданье
И высокий полет этих гордых
прославленных птиц.
Широко на Руси машут птицам
согласные руки.
И забытость болот, и утраты
знобящих полей –
Это выразят все, как сказанье,
небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий
плач журавлей...
Вот летят, вот летят... Отворите
скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть
на любимцев своих!
Вот замолкли – и вновь сиротеет
душа и природа
Оттого, что – молчи! – так никто
уж не выразит их...*

1965

Поэзия (Снега, снега)

*Теперь она, как в дымке, островками
Глядит на нас, покорная судьбе, –
Мелькнет порой лугами, ветряками –
И вновь закрыта дымными веками...
Но тем сильнее влечет она к себе!
Мелькнет покоя сельского страница,
И вместе с чувством древности земли
Такая радость на душе струится,
Как будто вновь поет на поле жница,
И дни рекой зеркальной потекли...
Снега, снега... За линией железной
Укрomный, чистый вижу уголок.
Пусть век простит мне ропот бесполезный,
Но я молю, чтоб этот вид безвестный
Хотя б вокзальный дым не заволок!
Пусть шепчет бор, серебряно-янтарный,
Что это здесь при звоне бубенцов
Расцвел душою Пушкин легендарный,
И снова мир дивился благодарный:
Пришел отсюда сказочный Кольцов!
Железный путь зовет меня гудками,
И я бегу... Но мне не по себе,
Когда она за дымными веками
Избой в снегах, лугами, ветряками
Мелькнет порой, покорная судьбе...*

1969

«НЕ ВОЛК Я ПО КРОВИ СВОЕЙ...»

К 135-летию со дня рождения Осипа Мандельштама,
одного из крупнейших поэтов Серебряного века, яркого представителя акмеизма

АЛЕКСАНДР БАЛТИН

Портрет Осипа Мандельштама работы Л. А. Бруни. 1916

Поэты чувствительнее прочих современников, и то, что ощущается ими, становится посланием в грядущее, отчетом о пребывании здесь, на Земле, в свое время.

На воздухе сквозном, в орнаментах яви держатся стихи – Мандельштам доказывал это, добиваясь эффекта, ранее невиданного. Так

построены сложнейшие «Стихи о неизвестном солдате» – своеобразный, краткий эпос века, предзнаменование грядущих катастроф. Но и обозрение дальнобойности прошлого.

Прост ли ранний Мандельштам? Да, в достаточной мере. И – всегда красив: тут мрамор мерцает над

бездной, и акварельные разводы сменяются густыми мазками масляной живописи. Архитектура стихов Мандельштама строится на параллелях: культурологических и каменных одновременно, и как опара восходят купола собора Святой Софии, неся весть облакам:

*Айя-София – здесь остановиться
Судил Господь народам и царям!
Ведь купол твой, по слову очевидца,
Как на цепи подвешен к небесам.*

*И всем пример – года Юстиниана,
Когда похитить для чужих богов
Позволила эфесская Диана
Сто семь зеленых
мраморных столбов.*

*Куда ж стремился твой
строитель щедрый,
Когда, душой и помыслом высок,
Расположил апсиды и экседры,
Им указав на запад и восток?*

*Прекрасен храм, купающийся в мире,
И сорок окон – света торжество;
На парусах под куполом четыре
Архангела прекраснее всего.*

*И мудрое сферическое зданье
Народы и века переживет,
И серафимов гулкое рыданье
Не покоробит темных позолот.*

Культурный космос человечества мерцает над каждым почти стихотворением Мандельштама. Мера, которой поэт судит мир, высока, как и его пророчество:

*Он сказал: довольно полнозвучья,
Ты напрасно Моцарта любил,
Наступает глухота научья,
Здесь провал сильнее наших сил.*

Мы познали это на себе, будучи – в большей или меньшей степени – причастны к расчеловечиванию человека. Денежно-соблазнительный вихрь, кружащий большинство, не позволяет им задумываться об этом. До стихов ли тут?..

А мраморная мощь Мандельштама требует внимания и развитого чувства языка, совершенством своим заставляя меняться тех, кто соприкасается с нею.

Монументальная, эпическая поступь стихотворения «Ламарк» точно низводит в бездны, которых не должно было быть... Тяжело спускаться по прекрасной, эстетически совершенно выстроенной лестнице Мандельштама. Тяжело дышать воздухом стихотворения. Ведь мы уже знаем все, происшедшее в двадцатом веке, и с этим скорбем живем третье десятилетие двадцать первого...

Проза Мандельштама – как художественная, так и литературоведческая – во многом построена по принципу поэзии: с опусканием звеньев, с невероятным сближением вроде бы противоположного, с зигзагообразным движением мысли.

Мандельштам будто вместе с Данте исходил множество воловьих подошв горными тропами Италии – или надмирными тропами поэзии.

Русская поэзия раскрывает свои механизмы в статьях Мандельштама, рассматривается от восемнадцатого века до современников поэта – бушующей Цветаевой, холодно-мастеровитого Асеева... А ходы, прорытые Хлебниковым для будущих веков, становятся очевидны, как положение стрелок на циферблате.

При этом мера таинственности поэзии не уменьшается

от разъяснения внутреннего устройства стихов; велеречие и простота затмеваются ясным миром акмеизма, всегда называющего предметы своими именами.

В 1913 году Мандельштам написал рецензию на книгу Игоря Северянина «Громокипящий кубок. Поэзы», где дал образец рецензии – идеальный текст, характеризующий поэта, избранного объектом оной. Текст, обладающий в такой же мере стальной мускулатурой, как и стихи Северянина, о которых писалось. Каждая фраза – мысль, и столько их использовано, сколько требовалось для полной характеристики феномена Северянина.

Стихи Мандельштама – от глубинных залежей истории и метафизики, от мысли, выходящей за пределы любых эстетических школ и касающейся высот творения.

Мандельштам был тесно связан с античностью: и с простой, свирельной, и с усложненной, римской... Он прикоснулся к античности, и она давала ему волшебные силы.

*Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд
журавлиный,
Что над Элладю когда-то поднялся.*

*Как журавлиный клин
в чужие рубежи –
На головах царей
божественная пена —
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?*

*И море, и Гомер – всё
движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот,
Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит
к изголовью.*

Поздние стихи Мандельштама разливались реками, вбирая в себя

столько, сколько позволяла жизнь. Они были трудными. Требовали усилий. Но разве не того же требует жизнь? Определить свое время, выявить его суть в стихе – многим ли по плечу?

*За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.
Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как
шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степеней.*

Именно двадцатый век предложил вариант расчеловечивания людей. Именно он нагромождением войн, тираний, смертей, технологий ставил человека в положение, когда надо быть наисильнейшим, чтобы признать: «... не волк я по крови своей». Чтобы остаться человеком при любых обстоятельствах... И то, что век действительно запихал поэта, как шапку, в рукав, есть следствие этой высокой стойкости.

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов
не слышны...
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как
черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны,
Тараканы смеются ушница
И сияют его голенища...*

Стих Мандельштама, связанный с исторической конкретикой, распространяется на движение жизни вообще... Власть всегда страшна и гораздо закручивать людей в узлы. Бьющие, резкие стихи Мандельштама. Гибельность изреченного была очевидна поэту, но не выдохнуть – очевидного же – он не мог.

Эпиграмма, отобравшая свободу, а потом и жизнь... Такова расплата за силу правды. За силу стиха.

ФЕДОР ШАЛЯПИН И РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ ВО ФРАНЦИИ

Представляем вниманию читателей фрагменты из книги «Федор Шаляпин и русское зарубежье во Франции» (М: Знание; Б.С.Г.-Пресс, 2025, 396 стр. с илл.), которая стала результатом кропотливой исследовательской работы Елены Лебедевой, около тридцати лет собиравшей материалы о жизни Федора Ивановича Шаляпина и русской эмиграции первой волны во Франции

ЕЛЕНА ЛЕБЕДЕВА

Парижское знакомство

В одну из моих туристических поездок по Европе в 1999 году меня познакомили в Париже с Ниной Константиновной Прихненко (1919–2009), дочерью русских эмигрантов первой волны, покинувших Россию в самом начале двадцатых годов во время Гражданской войны. Я ей потом часто звонила по телефону из Москвы. С большой теплотой вспоминаю о ней. Ее внимание ко мне и гостеприимство в уютной квартире недалеко от Эйфелевой башни навсегда останутся в моей памяти.

Знакомство с Ниной Константиновной произошло через Веру Дмитриевну (1919–2008), племянницу второй жены Ф. И. Шаляпина (1873–1938), живущую в Париже. Ее мать Тереза Валентиновна Печорина (1878–1931) была родной сестрой Марии Валентиновны (1882–1964), второй жены Шаляпина. Вера Дмитриевна родилась у матери в третьем браке с Дмитрием Печориным (1888–1957), который был адвокатом Шаляпина в Париже.

Она знала по моим предыдущим пребываниям в Париже, что я являюсь представителем творческой организации «Межрегиональный Шаляпинский центр», интересуюсь жизнью семьи Шаляпина в эмиграции и поэтому привела меня теплым августовским

вечером в гости к Нине Константиновне. Оказалось, что хозяйка дома была подругой самой младшей дочери Шаляпина – Даси (1921–1977). Когда Нине было около 10 лет, в русской гимназии французский язык ей преподавала мадам Тиссора, которая также была гувернанткой Даси. Мадам Тиссора сказала в семье Шаляпиных, что у нее в классе есть ученица из хорошей семьи, с которой Дасе будет очень полезно общение. Девочек познакомили. Между ними завязалась дружба. Отношения между ними продолжались всю жизнь, до самой смерти Даси в 1977 году в Лос-Анджелесе.

Мадам Тиссора учила девочек хорошим манерам. Мария

Валентиновна очень ценила ее и сделала своей секретаршей.

Нина была частым гостем в семье Шаляпиных в Париже, а также в имении Шаляпина недалеко от Биаррица в Сен-Жан-де-Люзе и в его имении под Парижем в Жанври.

Нина Константиновна подарила мне пачку любительских фотографий, которые запечатлели девочек на пляже, на прогулках с собаками, на пикниках, во время балетных упражнений, а также в компаниях молодых людей. Дополнительно от нее я получила несколько фотопортретов Даси, сделанных во время гастролей Шаляпина в Китае, в фотоателье в Париже и во время Второй мировой войны в Америке. Это был для меня бесценный

подарок. Мы пили чай, и Нина Константиновна рассказывала мне о фотографиях, о своей жизни, историю эмиграции семьи своих родителей.

Девочки учились вместе в балетной студии у Матильды Кшесинской (1872–1971). Дася вскоре прекратила занятия, а Нина продолжала обучение. Иногда, когда Кшесинская не могла вести занятия (например, из-за простуды), Нина заменяла ее на уроках. Нина была старше Даси на два года. На фотографиях девочки сняты летом в Сен-Жан-де-Люзе с белой собакой Ройкой, которая была у Даси. В эти годы Федор Иванович говорил Марии Валентиновне: «Вот, смотри, мать, как хорошо одевают Нину.

От автора

Книга «Федор Шаляпин и русское зарубежье во Франции» собиралась около тридцати лет. Начало было положено во второй половине 1990-х годов при встречах в Париже с родственниками и знакомыми семьи Федора Ивановича Шаляпина. Это были четыре француженки достаточно почтенного возраста, имевшие русское происхождение: Елена Ушкова, Вера Ле Мерие (Печорина), Стелла де Лимюр (Петцольд) и Нина Прихненко. Встретившись со мной, они рассказывали о Шаляпине и его семье в годы жизни за границей и дарили фотографии.

Благодаря знакомствам с потомками русских эмигрантов мне удалось найти и посетить неизвестную в России виллу Шаляпина под Парижем «Ла Шансон» в Жанври. Когда Шаляпин во второй половине 1930-х годов искал место под Парижем для отдыха, его друг Леонид Голованов из московской купеческой семьи, которая тоже оказалась в Париже, порекомендовал ему купить виллу «Ла Шансон», принадлежавшую одному французскому певцу. Шаляпин, узнав о таком названии виллы, которое переводится с французского языка как «песня», сразу же принял решение ее купить. К началу 1938 года вилла была куплена, и на нее перевезли часть мебели и картин из парижской квартиры с авеню Д'Эйло. Сохранилась фотография 1939 года, которая запечатлела известную в эмиграции балерину Тамару Туманову у портрета Шаляпина, выполненного Борисом Кустодиевым в России. Этот портрет, привезенный Шаляпиным на виллу незадолго до войны, находился там всю войну и после нее до продажи виллы вдовой Шаляпина Марией Валентиновной семье Игоря Голованова, сына Леонида Голованова. Сейчас этот портрет находится в Санкт-Петербурге в музее-квартире Ф. И. Шаляпина.

О том, кто жил на вилле «Корсар» в последние годы жизни Шаляпина, когда он болел, мне удалось узнать из Интернета, где были опубликованы на английском языке воспоминания англичанки Нэнси Томсон, работавшей гувернанткой на арендованной вилле. Эти воспоминания публиковались дочерью Нэнси – Лин Маккалоч, живущей в небольшом городке Нортвич в Англии. Городок находится в 30 км к югу от Манчестера, в графстве Чешир. Благодаря французской открытке Нэнси в ее мемуарах можно видеть виллу «Корсар» во времена, когда она принадлежала Шаляпину. Родители Лин – Нэнси и Джек, познакомились на пляже в Сен-жан-де-Дюзе. На этом же пляже состоялось знакомство дочери Шаляпина Марфы с ее будущим мужем англичанином Даниэлем Гарднером, имеющим русские корни по матери.

В одной из глав книги рассказывается о приезде в Санкт-Петербург внучек Марфы, детей ее дочери Наташи. Правнучки Шаляпина Анна и Салли Райт посетили музей-квартиру Шаляпина спустя век после отъезда певца из России за границу.

Читатели побывают и на вилле «Сувиранта» на юге Финляндии в Туусуле, в 30 км от Хельсинки, где сейчас открыт музей. Там до революции имением владели Ушковы – родственники жены Шаляпина Марии Валентиновны.

Большая глава книги посвящена обзору русскоязычной парижской прессы, писавшей о Шаляпине после его смерти.
Елена Лебедева

Елена Лебедева

Федор Шаляпин

и русское зарубежье
во Франции

Семья Прихненко: Константин Николаевич, Нина Васильевна и их дети: Нина и Юра. Начало 1930-х годов. Париж. Фотоархив автора

На ней по-детски платье, по годам. Бери пример». Дасю же тогда уже одевали по-взрослому.

Позже появился черный пес Микитка, которого Федор Иванович привез для Даси из Англии и назвал этим именем, отвергнув предложенное для него имя Виски. Когда Федор Иванович умер, Микитку отдали Нине и он жил около двух лет в ее семье. Родители Нины и ее брат Юра его очень любили. Но как-то раз пес что-то съел на улице, отравился и умер. Нина в это время была в Англии на гастролях с театром-кабаре «Летучая мышь». С гастролей она вернулась перед самой войной.

Гастроли театра вместо трех месяцев, как это было запланировано, продолжались целый год и проходили не только в Англии, но и в Ирландии и Шотландии. Вечерние представления пользовались успехом у публики и состояли из небольших балетных сцен и вокальных номеров с исполнением романсов. Одна из балетных сцен, в которых

участвовала Нина, называлась «Куклы, оживающие ночью». На сцене была большая тарелка и три постаментов, на которых вначале неподвижно стояли балерины. Им не разрешалось даже моргать. А затем они начинали двигаться. Нина была русской боярыней в этой сцене.

Отец Нины – Константин Николаевич Прихненко (1891–1965) был военным зубным врачом в Добровольческой армии. Его родители Николай и Варвара Прихненко жили в Полтаве. А затем вместе с шестью детьми переехали в Тифлис, где открыли свое дело. Константин Николаевич познакомился с будущей женой Ниной Васильевной (1898–1960) в Тифлисе. Они поженились и до начала Гражданской войны жили в Тифлисе. Константин Николаевич вступил в Добровольческую армию, воевал, а затем вместе с Добровольческой армией выехал в Константинополь.

Мать Нины – Нина Васильевна (в девичестве Предтечинская)

была дочерью священника. На некоторое время она осталась в Тифлисе, так как должна была родить второго ребенка. В семье уже был сын Юра (1918–1956), которому было два года. Когда родилась Нина (это имя было дано девочке заранее по договоренности с уехавшим отцом), Нина Васильевна смогла вместе с двумя маленькими детьми выехать в Константинополь и там отыскать мужа. Соединившаяся семья переехала в Париж. Отец работал зубным врачом. Он

хорошо говорил по-французски, но не имел французского диплома. Когда сын вырос и получил специальность зубного врача, отец помогал ему лечить его пациентов.

У Нины Васильевны была сестра, которая осталась в Тифлисе. В начале эмиграции в двадцатые годы Нина переписывалась с ней и посылала ее семье посылки. Но как-то раз от сестры пришло письмо, в котором было написано, что им ничего не нужно и они просят ничего не присылать. Письмо носило панический характер. Причины этого понятны. Люди боялись контактов с эмиграцией, и переписка прекратилась.

Чтобы получить французское гражданство Юра пошел на фронт во французскую армию воевать против немцев. Он попал в плен в небольшой деревушке недалеко от Парижа. Ему удалось передать записку для родителей с одним человеком. Нина Васильевна поехала к нему вместе со знакомой, которая

хорошо говорила по-немецки. Юра какое-то время работал зубным врачом, а затем его отпустили. Ему повезло. О его освобождении сумели договориться приехавшие женщины.

Во время войны Нина выступала в Париже в балетах. Она участвовала в спектаклях, которые ставил хореограф и танцовщик Борис Князев (1900–1975). Его постановки «Сорочинская ярмарка» и «Стенька Разин» показывали в зале «Плейель».

После войны Нина еще около десяти лет продолжала танцевать в балете. В 1947 году в русском православном соборе Святого Александра Невского она венчалась со Степаном Григорьевичем Авакяном. Вместе прожили 15 лет, а затем расстались. Но остались друзьями и до сих пор делятся друг с другом своими жизненными новостями.

Нина Константиновна проработала 25 лет в газете «Русская мысль». Вначале она занималась объявлениями коммерческого и частного характера, а затем заведовала кадрами. Свою работу она начала при главном редакторе Сергее Водове (1898–1968) в 1968 году. Потом были десять лет работы с Зинаидой Шаховской (1906–2001) и 14 лет с Ириной Иловайской (1924–2000), с которой долгое время ее связывала дружба. Однако из всех сотрудников ей больше всего нравилось работать с Зинаидой Шаховской и еще с Екатериной Александровной Колчак (1910–1975), вдовой Ростислава Колчака (1910–1965), сына адмирала Александра Колчака (1874–1920). Екатерина Колчак была бухгалтером в редакции.

В 1956 году брат Нины Константиновны Юра погиб в возрасте 37 лет в результате несчастного случая. Он упал с лодки во время рыбной ловли. У него была русская жена Ольга Борисовская и четверо детей с русскими именами: Елена, Вера, Николай, Владимир. Со всеми

Нина (слева) и Дасия. Середина 1930-х годов. Сен-Жан-де-Люз. Фотоархив автора

ними Нина Константиновна дружна до настоящего времени. Вся семья сильно переживала смерть Юры. У Нины Васильевны обострился диабет и через несколько лет в 1961 году она умерла. Все ее четверо внуков знают русский язык. Когда по четвергам они приходили к бабушке в гости, она просила,

чтобы они говорили у нее только по-русски.

Отец умер в 1965 году. Родители и брат похоронены на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

У Нины Константиновны девять внучатых племянников. Все они работают в медицине, тоже знают русский язык.

Нина Константиновна и мадам Тиссора. 1935. Фотоархив автора

И еще Нина Константиновна рассказывала, что недавно она с Верой Дмитриевной ходила в русскую консерваторию имени Сергея Рахманинова (1873–1943) в Париже на премьеру документального фильма «Шаяпин: чародей». Этот фильм, созданный в 1998 году французским режиссером Элизабет Капнист, состоит из нескольких небольших серий, которые рассказывают в основном о Шаяпине в России. Фильм идет около часа и заканчивается очень эффектными

документальными кадрами с Федором Шаяпиным и Сергеем Лифарем (1905–1986). Это был первый фильм из цикла фильмов Элизабет Капнист о России и известных представителях русского искусства. Позже она создала фильм о Вацлаве Нижинском (1889–1950) в 2000 году, Майе Плисецкой (1925–2015) в 2003 году и братьях Морозовых в 2021 году.

О многом еще хотелось поговорить, но, к сожалению, мой визит к Нине Константиновне был

в последний день пребывания нашей туристической группы в Париже. Вечером мы уезжали в Амстердам. Я сфотографировала на память хозяйку дома и заторопилась к отъезду в гостиницу.

Приехав в Москву, я внимательно еще раз прочла воспоминания Даси «Мой отец – Шаяпин», опубликованные впервые в США в 1984 году в журнале «Стрелец». Это воспоминания, которые рассказывали о жизни Шаяпина во Франции. В них отражалась семейная жизнь и впечатления самой Даси. Она рассказала о них в Шату под Парижем (где жила Дася) журналисту и поэту Кириллу Померанцеву (1906–1991), который делал записи на магнитофон в конце 1960-х годов. В воспоминаниях Нина Прихненко нигде не упоминалась. Но подаренные мне Ниной Константиновной фотографии свидетельствовали о многолетней дружбе девочек.

Все это мне показалось странным. Приезжая в Париж в другие годы, я звонила и заходила к Нине Константиновне. Спрашивала ее, почему Дася не упоминала о ней в воспоминаниях. Иногда разговор переводился на другую тему, а иногда, если это было по телефону, находился предлог для окончания разговора. Позже мне удалось прочесть воспоминания Нины Константиновны о работе в газете «Русская мысль», которыми она поделилась с Александром Радашкевичем (род. 1950), журналистом, сотрудником газеты и многолетним знакомым Нины Константиновны. Беседовал с ней он в 2000 году, а ее воспоминания опубликовал уже после ее смерти в 2009 году. В этих воспоминаниях она рассказывала, как муж Даси Петр Шувалов (1905–1978) привел ее в редакцию газеты «Русская мысль», чтобы устроить на работу. Она знала русский и французский языки. При этом она не только свободно владела ими, но и могла писать. Как следовало из беседы,

в редакции она оказалась самой молодой, хотя ей было 45 лет. У нее было ощущение, что она попала в старческий дом из-за окружения великовозрастными сотрудниками. За своей спиной Нина Константиновна услышала разговор о себе двух сотрудниц. Они объясняли ее появление в редакции тем, что она, наверное, любовница Шувалова.

Это были злые языки, но, возможно, такие отношения у пары были. В эти годы Дася начала злоупотреблять спиртным. Она знала о симпатии мужа к Нине и предполагала их близкие отношения. Возможно, поэтому она не захотела упоминать в своих воспоминаниях о подруге Нине.

В последние годы Нина Константиновна рассказывала о кончине двух своих подруг: известной французской балерине русского происхождения Нины Вырубовой (1921–2007) и переводчицы в книжном издательстве Веры Дмитриевны, урожденной Печориной, которая нас с ней познакомила. Нина Константиновна была ответственной за похороны по русскому обычаю Нины Вырубовой и смогла собрать деньги на памятник известной балерине на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Вспоминали вечер, когда Вера Дмитриевна привезла в ее квартиру старинные альбомы купцов Ушковых с фотографиями на яхте «Форос». Она рассказывала о второй семье своей матери с очень богатым купцом Константином Капитоновичем Ушковым (1850–1918), который жил с семьей в Крыму в имении «Форос».

Последний наш разговор состоялся в августе 2009 года. Я сообщила ей о смерти в июле Марины Шаяпиной (1912–2009). Она не знала об этом. Нина Константиновна рассказывала, что Марина часто посещала приемы в Российском посольстве в Риме. На фуршетах подавались пирожки, которые

Портрет Федора Шаяпина работы Савелия Сорина. Сен-Жан-де-Люз. 1931

очень любила Марина. Обычно Марине на приеме давали с собой домой пакет с пирожками и называли эту порцию «Пирожки на вынос». Были и рассказы об отдыхе в Сен-Жан-де-Люзе вместе с Дасей и Шаяпиным. Девочки дружили, но характеры у них были разные. Федор Иванович говорил: «Дася, бери пример с Нины. Ты посмотри, какая она спокойная и уравновешенная». Дася с трудом научилась плавать, а Нина плавала хорошо. «Ты плаваешь как пароход», – говорил Федор Иванович Нине. Дася по утрам поздно вставала. Она рассказывала о себе: «Я еще сладко

сплю, а Нина уже встала, она уже кофе выпила».

Дася обладала даром предвидения будущего. На пляже она брала камешки, играла с ними и говорила: «Это будет мой первый муж», а потом показывая уже на другой камень: «А это будет второй». Так у нее и получилось потом в личной жизни.

Несмотря на то что это происходило около восьмидесяти лет назад, эти воспоминания были очень приятны и дороги, и Нина Константиновна с удовольствием делилась ими со своей собеседницей.

Продолжение следует

В ДЕРЕВНЮ, К ТЕТКЕ, В ГЛУШЬ, В САРАТОВ!

В прошлом году в издательстве «У Никитских ворот» вышла в свет книга, посвященная Саратову и его месту в культурной жизни России

*Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми;
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!
Там будешь горе горевать,
За пальцами сидеть; за святыми зевать.
А. С. Грибоедов*

В деревню,
к тётке,
в глушь,
в Саратов!

Почему Саратов? Этот вопрос задают многие, давно и точно зная, что Мария Михайловна Копьева родилась и выросла в староарбатском переулке, всю жизнь прожила в Москве, оставляя ее только для поездок. Так почему же она для выездного заседания своего любимого детища – «Читальни на Арбате» выбрала именно Саратов? И более того – задумала составить для своих друзей, приглашенных приехать туда, целую книгу?

Джек Лондон назвал одно из своих многочисленных произведений «Зов предков». Этот зов однажды (ее любимое слово!) услышала начитанная и хорошо образованная, постоянно открывавшая для себя новое и интересное Мария Михайловна. И стала рыться в книгах, архивах, находить специалистов, искать во всезнающем интернете сведения о своих предках. О прадедах по отцовской и материнской

линиям – Малышеве и Степашкине. Разумеется, связанных с этим чудным городом. И ведь многое нашла об этих достойных гражданах Саратова и Отечества! С Андреем Малышевым, к примеру, тогдашний губернатор Столыпин в переписке состоял... Об этом и многом другом вы узнаете из сборника «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!», который так хотела увидеть Мария Михайловна. Увы – не успела...

Но ее идея и замысел воплощены в жизнь. Книга рассказывает много нового и, надемся, интересного о ярких представителях отечественной культуры – от Федора Шехтеля до Галины Тюниной, от Михаила Врубеля до Олегов Табакова и Янковского, в жизни которых был этот замечательный город. И все они о Саратове не забывали и гордились своей принадлежностью к нему.

Алиса Даниш

История рода Степашкиных

Алина Иванова

Итак, «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!» было сказано в первой четверти XIX века. Но почему не в Астрахань, не в Уфу? Потому что Саратов – историческая родина, здесь покоится прах предков нескольких родов. Купцы Степашкины, дворяне Малышевы – и не только они – привели нас в Саратов!

Саратов в XIX веке столь бурно развивался, что численностью населения в европейской части он уступал только Москве и Санкт-Петербургу, не считая, конечно, Варшавского и Киевского генерал-губернаторств. Его догоняла Самара. Бурный приток населения был вызван экономическим подъемом, переживаемым всей Россией и Поволжьем, в частности. Так, например, за 60 лет, к 1890 году, население Саратовской губернии удвоилось.

Пензенские крестьяне и купцы устремились сюда на заработки, следуя традициям своих предков. Ведь еще в петровские времена, например, подьячий Аниска Борисов Немцов переселял крестьян из села Никольское (Польские Липяги тож) в Ананьино, село Пяшу. Да и в деревне Кузнецовке, последним владельцем которой был Борис Андреевич Малышев, прадед М. М. Копьевой (Малышевой), жили переселенцы из Пензенской губернии.

Никольское (Польские Липяги) Краснослободского уезда Пензенской губернии – историческая родина Степашкиных, ведущих свой род от однодворца Матвея Яковлевича Немцова.

В свою очередь, Матвей Немцов был переселен в Польские Липяги в 1679 году среди 58 человек из Кадомского и Темниковского уездов Шацкой провинции: «... в нынешнем во 187-м [1679 от Р. Х.] году

февраля в 2 день мы, великий государь, слушев докладные выписки указали тое оброчную землю в Темниковском уезде в Польских Липягах, что была на оброке у краснослободского крестьянина у Савки Ильина с таварыщи и мерена была по челобитью Артемона Матвеева, отдать темниковским и кадомским новокрещеном, которые крещены в православную христианскую веру в прошлом во 186-м [1678] году при стольнике при Андрее Самарине из дворов мурз и татар ис котолицкие и ис татарские веры и написаны в рейтарскую службу темниковским сороку одному человеку кадомским семнатцати человеком...» (РГАДА 1167–1–1–146).

Кажется, нет ни одной фамилии из этого села, которая не поработала бы в Саратове! То же самое относится и к соседним от Никольского селам. Осевшие в Саратове пензенские купцы и мастеровые пускали корни, связываясь брачными узами с другими купцами, мастеровыми и даже дворянами, такими как Малышевы и Неклюдовы. Купец подавал «нижайшее прошение» в Саратовскую Мещанскую управу и переходил в новое сословие. Если его имущество оценивалось в тысячу, он становился купцом второй гильдии, полторы тысячи – первой гильдии.

А до этого он считался казенным крестьянином своего родного села. Так, например, записи о рождении детей (Марии-старшей, Наталии, Александры, Анны) Семена Ивановича Степашкина в 1860–1870 годах содержатся в метрических книгах с. Никольского, но начиная с 1872 года он уже купец второй гильдии, то есть имеет состояние в 1000 рублей, и его вновь рожденные дети, Сергей, Агриппина, Митрофан, Анна, Константин, Мария-младшая, Клавдия, записаны в метрических книгах Вознесенско-Горянской церкви г. Саратова. Вероятно, не все дети

доросли до взрослого состояния, например Наталия и Анна-старшая, но по крайней мере десять из них выросли и создали семьи. В этой же церкви многие из них венчались.

Степашкины не были исключением, хотя и на селе не бедствовали. Они открыли здесь лавку, затем магазин; брали в аренду землю, а потом и покупали ее. Подкопив денег на торговле в селе, открывали в уездном городе Краснослободске Пензенской губернии магазины и записывались в местное уездное купечество.

Второй причиной отхожего промысла крестьян была малая доходность натурального хозяйства и общинное землевладение: «где община, там всему кончина». Если в семье много «надельных единиц», то есть членов «мужеска пола», то этой семье доставалось земли больше, потому что мужчины были налогоплательщиками и земля нарезалась только им, а с женщин, как хранительниц семейного очага, нечего было взять на содержание государства! Степашкиным в этом смысле повезло: сыновей было много, а значит, и общинной земли нарезали побольше (примерно 1,5 десятины, то есть один гектар на надельную единицу).

Община также покупала землю на стороне, у тех же дворян, оформив заем в уездном отделении Крестьянского поземельного банка на целых 55 лет.

Решение о покупке земли принималось на сходе, там же выбирали двух уважаемых крестьян, которые отправлялись в волостное правление выправить документы на себя и покупку, а затем уж посланники от общины обращались в банк. Например, такой заем Поземельный банк выдавал даже в начале XX века, когда Российской империи уже был вынесен приговор...

Судьба купца Степашкина, можно сказать, типична для купеческого

На фото маленькая Вера Алексеевна Барышева с родителями

сословия XIX века, хотя не у всех она складывалась так успешно. Семейное предание гласит, что Семен Иванович попал в Саратов подростком, что вполне согласуется с архивными документами. Его взял с собой в Саратов купец Иван Андреевич Дивеев родом из соседнего села Буддыга, вошедший в Краснослободское купечество Пензенской губернии еще в 1844 году.

Как и все крестьяне на заработках, Семен Иванович жил между Саратовом и родным селом Никольским и там же в 1858 году женился на крестьянке из соседнего села Сутягино Агриппине Андреевой. Необходимость периодически возвращаться в село, даже если крестьянин становился купцом и жил в городе, была вызвана также существовавшими порядками. Многие купцы долгие годы числились крестьянами и для проживания в городе получали в волостном правлении «паспорт», допустим, на год, как, например, старший сын купца Степашкина Сергей Семенович, о чем можно прочитать в его брачном обыске.

Бескрайние саратовские и самарские степи давали хорошие урожаи пшеницы и других злаковых, поэтому неудивительно, что в конечном счете и Дивеевы, и Степашкины занялись виноторговлей и мукомольной промышленностью с торговлей мукой и разными крупами, о чем подробно рассказывается в «Истории развития мукомольной промышленности в Саратове и его окрестностях» 1909 года, где они названы «новыми предпринимателями»:

**Паровая, вальцовая
крупчатная
и ржаная мельницы
С. И. Степашкина**

Относительный расцвет мукомольного производства в

связи с быстрым ростом больших мельниц в Саратов в девяносто пятом и шестом годах все больше и больше приковывает внимание капиталистов и с этого времени начинают укрѣпляться и расширяться мукомольные предприятия, собственниками которых являются уже совершенно новые предприниматели. Такъ, съ 1 сентября 1895 года мельница, бывшая во владѣніи «Торг. Домъ Ф. Валовъ и В. Двумянцевъ», перешла къ Торговому Дому «С. Степашкинъ и В. Двумянцевъ», но уже въ 1901 г., послѣ пожара этой мельницы, все дѣло перешло въ единоличное управленіе къ С. И. Степашкину и до сего времени существуетъ подъ этой фирмой. Возобновлена, оборудована и пущена въ ходъ была мельница въ началѣ 1903 г., причемъ производительность была увеличена почти вдвое. Такъ, старая мельница до пожара перемалывала въ среднемъ въ продолженіе послѣднихъ семи лѣтъ (1895–1901 г.) отъ 840 до 900 тыс. пудовъ зерна въ годъ. Послѣ же пожара, при возобновленіи и новомъ оборудованіи производительность ея за пятилѣтіе (1903–1907 г.) въ среднемъ выжалась въ ежегодномъ перемолѣ зерна въ количествѣ отъ 1 650 000 п. до 2 200 000 п.

Въ мартѣ 1908 г. пожаромъ уничтожено было размольное отдѣленіе, каковое къ началу 1909 года возобновлено, и производительность въ настоящее время доведена отъ 9000 до 11400 пуд. въ сутки.

Кромѣ этой большой мельницы фирма имѣетъ въ Саратовѣ еще другую подъ названіемъ «малой», которой владѣетъ съ 1892 года, перерабатывая пшеницу и рожь. Суточный размолъ на ней пшеницы до 2800 пудовъ и ржи до 2000 пудовъ. Иногда на этой послѣдней мельницѣ, въ подходящіе моменты, производится выработка вмѣсто пшеничной муки – съяной, отсывной, обойной, ржаной муки. Зерно для

переработки приобрѣтается фирмой, въ большей своей части, на волжскихъ пристаняхъ и частію по линіи Рязанско-Уральской жел. дор. Сбытъ муки на мѣстѣ небольшой. Главными мѣстами сбыта служатъ Рязанско-Уральская жел. дорога, Москва, Петербургъ, Николаевская жел. дор., Риго-Орловская жел. дор., Прибалтійскій Край, всѣ Сѣверныя губерніи, низовья Волги, Кама, Закаспійскій край. Отдѣленія фирма имѣетъ въ Петербургѣ, Рыбинскѣ, Астрахани, сл. Покровской.

Главная контора находится въ Саратовѣ. Служебный персоналъ распределяется такъ: высшій персоналъ (довѣренные, приказчики и конторщики) состоитъ изъ 38 лицъ, изъ которыхъ семь довѣренныхъ и 31 служащихъ. Это въ Саратовской конторѣ и отдѣленіяхъ фирмы. Затѣмъ, на мельницѣ вновь выстроенной имѣется 120 рабочихъ, 30 служащихъ и три человека администраціи, на «малой» мельницѣ при томъ же количествѣ администраціи, имѣется 12 служащихъ и 43 рабочихъ. Что касается флота, то таковой ограничивается 7 баржами, на которыхъ занято до 42 человекъ народу: слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ этотъ перечень рабочаго-служебнаго персонала не вошелъ, конечно, весь тотъ штатъ грузчиковъ, извозчиковъ и вообще рабочихъ, участвующихъ при выгрузкѣ и нагрузкѣ баржей и вагоновъ. При мельницѣ имѣется постоянно опытный фельдшеръ, который оказываетъ первую медицинскую помощь, какъ въ несчастныхъ случаяхъ, такъ и при временныхъ заболѣваніяхъ. Простыя медицинскія средства выдаютъ больнымъ бесплатно изъ аптечки при мельницѣ.

Фирма располагаетъ слѣдующими наградами, полученными ею за производство муки. Въ 1905 г. на Парижской выставкѣ присуждена серебряная медаль, въ томъ же году на выставкѣ въ Брюссель – золотая

и въ 1906 г. въ Антверпенѣ – золотая медаль и Grand-Prix.

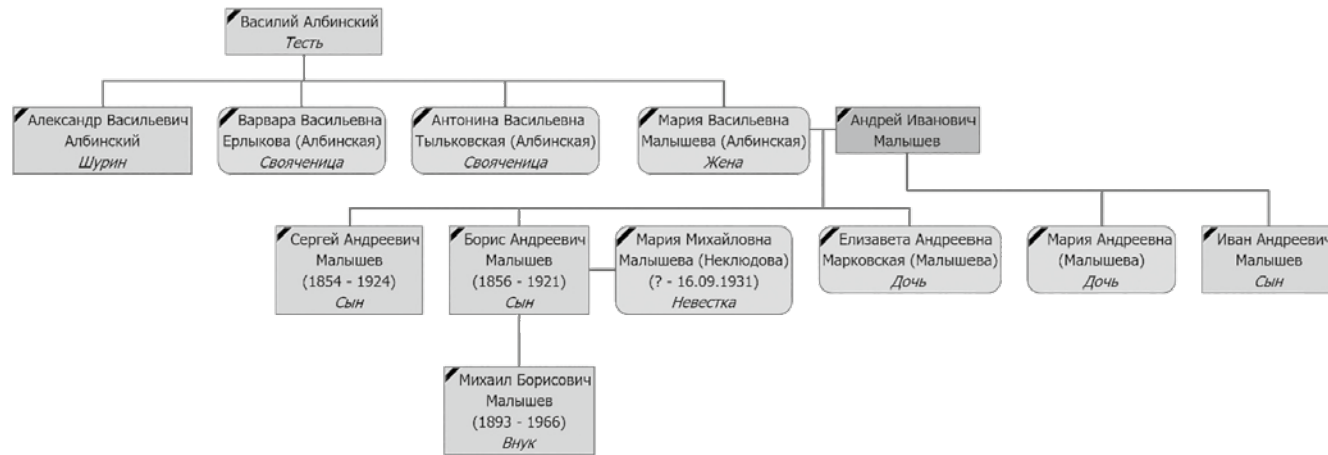
Для приобретения мельницъ было необходимо накопление значительного капитала. Действительно, в историю Астрахани С. И. Степашкин вошел как астраханский купец: в 1889 году он записан членом Астраханского купеческого общества. Там же записан и Андрей Валов, сын которого Федор был одним из владельцев того самого Торгового дома, доставшегося впоследствии С. И. Степашкину. А у его сына Ивана Федоровича Валова он «купил за долги участок земли около Саратова», как сказано в завещании Семена Митрофановича Степашкина.

Первоначальному накоплению капитала очень способствовало винокуренное производство и торговля винами, что и неудивительно. Ведь Дивеев Иван Андреевич, взявший с собой в Саратов еще юного Семена Ивановича, тоже торговал вином, и уже в 1867 году у него там были винные магазины.

В 1880 году Семен Иванович торговал не только вином, но и рыбой, о чем указано в Списке членов Саратовского общества взаимного кредита. Да и как же не торговать рыбой, живя на Волге!

Торговля вином требовала уплаты акцизного сбора, введенного по указу Александра II в 1860 году, следовательно, какой-то капитал благодаря торговле был накоплен С. И. Степашкиным ранее, что еще раз подтверждает, что братья Степашкины были небедными еще на своей родине – в селе Никольском Краснослободского уезда. Старший брат Никита развернулся в Краснослободске и жил там, а Семен и Марк обосновались в Саратове.

В 1884 году Семен Иванович Степашкин стал владельцем водочного завода в Астрахани на улице Набережной реки Кутум в доме

Полякова, открыл оптовый склад вина и спирта и занялся торговлей ими.

Астрахань была самым быстрорастущим городом Российской империи, поэтому предприимчивое купечество с мастеровым людом потянулось туда в предчувствии больших барышей. И не прогадало!

Тем временем дети Степашкина подрастали. Как указано выше, часть детей родилась на родине – в селе Никольском, а с 1870 года остальные дети рождались только в Саратове. Вероятно, старший сын Сергей родился в Астрахани. Дочь Клавдия родилась в 1883 году. В ее крещении участвовала старшая, уже замужняя сестра Мария, и это был последний ребенок купца.

Семья Семена Ивановича прочно обосновалась в Саратове, особенно с выкупом в 1881 году знаменитого теперь дома на Московской улице, 34, с флигелями и службами, который ранее арендовала у купца А. В. Масленникова.

В 1892 году, после реконструкции, усадьба стала выглядеть как в наше время.

В те времена было принято извлекать прибыль из недвижимого имущества, поэтому в доме на Московской, 34, размещались арендаторы (уездный съезд земских начальников и членов окружного уездного суда, городская аукционная камера, Саратовское спиртоводочное

товарищество, мещанская управа, фирма венской гнutoй мебели «Идеал»), а также съемное жилье.

Сыновья учились в саратовской гимназии, выпускники которой стремились поступить в престижный Варшавский университет, а дочери были выданы замуж за купцов М. А. Кузнецова, А. А. Барышева, В. Ф. Никитина, временного поверенного А. С. Аксенова, доктора Л. Ю. Мертенса, купца Ф. Г. Полякова.

Купец М. А. Кузнецов имел хутор на станции Татищево, очень дорогую мельницу с паровым двигателем и был известным торговцем мукой, которая по железной дороге со станции Татищево отправлялась в разные города России.

Братья Никитины (один из которых, Владимир Федорович, женился вторым браком на купеческой дочери Александре Семеновне Степашкиной) были поставщиками вина и пива знаменитого тогда Петербургского завода «Калинкин» во многие города Среднего Поволжья и вплоть до предгорий Урала.

Оренбургский купец А. А. Барышев тоже торговал мукой.

Купец Ф. Г. Поляков еще до революции увез свою семью в Европу.

Зятья купца Семена Ивановича входили также в правление Мукомольного торгово-промышленного товарищества на паях, которое

после смерти в 1910 году Семена Ивановича и вступления в наследство его сына Митрофана стало называться «Торгово-промышленное товарищество “Семен Иванович Степашкин”» с основным капиталом в 1 100 000 рублей. Директорами были избраны: Митрофан Семенович Степашкин, Алексей Алексеевич Барышев и Константин Семенович Степашкин, а кандидатом директора – Михаил Лукьянович Кузнецов.

Оренбургский купец Алексей Алексеевич Барышев был женат на Агриппине Семеновне Степашкиной, дочь которых – Вера Алексеевна – была бабушкой Марии Михайловны Копьевой (Малышевой).

Купцы Барышевы породнились с дворянами Малышевыми, а через них – с Неклюдовыми, Албинскими и другими. Родоначальником можно считать Андрея Ивановича Малышева, надворного советника, служившего при губернаторе Саратовской губернии, который был женат на дворянке Марии Васильевне Албинской, имеющей долю наследства в д. Кузнецовке Спасско-Александровской волости Петровского уезда. Андрей Иванович рано овдовел и стал опекуном при своих детях Сергее, Борисе и Елизавете, которым и досталось имение в Кузнецовке.

Служа верой и правдой на благо Отечества, Андрей Иванович тем

не менее обрел в своих детях – как от первого, так и от второго брака, в котором родились еще Иван и Мария, – народовольцев и противников режима. Ему пришлось вносить деньги в казну, чтобы избавить сыновей от содержания под арестом и обеспечивать их, когда они проживали в своем имении под гласным надзором.

Как известно, молодости присуще недовольство собой и существующим миропорядком, а также своим положением в нем, поэтому всегда находятся силы, заинтересованные в использовании молодого бунтарского духа в политических целях. Дети А. И. Малышева не избежали этой участи, не устояв перед соблазном разрушения государственных устоев вместо самосовершенствования.

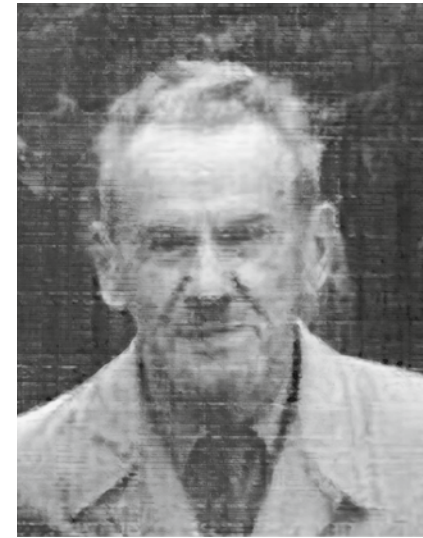
Но закончив, так сказать, «импровизировать» с запрещенной литературой и подпольными типографиями, они стали заводить семьи и озаботились созидательной деятельностью.

Так, дочь Елизавета вышла замуж за Станислава Марковского, и в дальнейшем вместе с Малышевыми эта пара стояла у истоков Саратовского театрального общества.

Сын Борис Андреевич стал убежденным толстовцем и занялся сельским хозяйством в Кузнецовке, а затем в имении, расположенном в селе Чардым Петровского уезда, куда переехал в 1902 году.

Только сын Сергей Андреевич не порвал с ниспровергателями режима и, будучи женат на одной из сестер, принадлежавших к народовольческой семье Ивановских, стал таким образом свояком писателя Короленко, который был женат на другой из сестер из этой же семьи.

Борис Андреевич взял в жены дворянку из старинного рода Неклюдовых. Семейная легенда гласит, что привез он ее из Петербурга.

Михаил Борисович Малышев

Вера Алексеевна Барышева

В этом браке родились дети: Сергей, Антонида (Нина) и Михаил – дедушка Марии Михайловны Копьевой (Малышевой). В 1895 году Борис Андреевич был избран председателем Петровской уездной земской управы, о чем упомянуто в письме П. А. Столыпина.

В 1916 году он был членом Саратовского комитета Всероссийского земского союза.

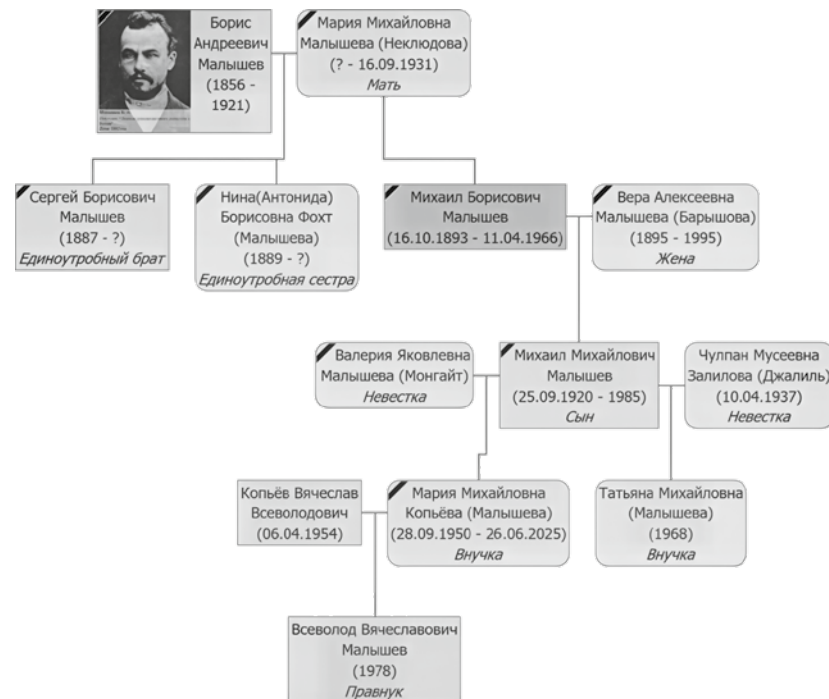
Михаил Борисович Малышев, как сказано выше, женился на купеческой дочке Вере Алексеевне Барышевой.

Историю женитьбы самых дорогих ей людей М. М. Копьева в своей книге вспоминает так: «После отказа жениху, офицеру Белой армии, уехать с ним в эмиграцию бабушка влюбилась в рыжего доктора – хирурга, но быстро поняла, что ничего хорошего не получится: “У доктора был скверный характер, и сама я была та еще штучка”. Вот тут-то в Саратове и появился Миша. Сказал, что безумно влюблен, и позвал замуж. “Почему бы не сходить, – подумала я, – года на три, вряд ли больше выдержу, а хоть один раз женщине надо побывать в законном браке”. Три года растянулись на 48 лет очень счастливой жизни».

Обстоятельства жизни сложились так, что именно дедушка и бабушка вырастили Марию Михайловну Копьеву и сформировали ее как личность. Семья проживала в Москве после переезда из Саратова в 1925 году. Михаил Борисович мудро помалкивал о боевом прошлом своего отца и его родни, поэтому было недоумение: почему им в Москве предоставили жилье в доме для старых большевиков?..

На рубеже веков Российская империя переживала передачу власти от второго сословия – дворянства – к третьему сословию, и это обстоятельство делало ее уязвимой. Реформы Столыпина также были направлены на то, чтобы сделать этот переход менее болезненным. П. А. Столыпин только и мечтал о двадцати годах мирной жизни, чтобы, по существу, решить прежде всего крестьянский вопрос, а не использовать народ в качестве средства для свержения самодержавия, но случилось иначе.

Дворяне в лучшей своей части оставили после себя величайшую культуру и достижения науки, а в остальном сделали многое, чтобы разрушить все, что было создано к XX веку.

Дворяне Малышевы в молодости тоже приложили к этому руку, участвуя в народофильском движении, но до призывов поджигать родовые поместья они не дошли в отличие от своих единомышленников.

Семену Ивановичу Степашкину было о чем переживать перед смертью. Его состояние в том самом завещании составляло около двух миллионов рублей и оказалось разбросанным по разным городам: кроме Саратова и Астрахани, – причем, как сказано выше, многие считали его астраханским купцом, – в Покровской Слободе, Рыбинске и Санкт-Петербурге. Мукомольная промышленность и винное производство занимали многочисленные склады, амбары, магазины...

Если два миллиона пореформенных золотых рублей 1906 года конвертировать в современные рубли, будет около 3,2 млрд! Состояние Семена Ивановича Степашкина было огромным по нынешним временам, но в каком же убожестве и нищете доживал получивший это наследство его сын Митрофан!..

Такими богатыми в России были купцы-староверы, а Саратовская губерния относилась к числу староверческих районов. Для обращения старообрядцев в лоно истинно православной церкви купцы основали Братство Святого Креста, куда входили Дивеевы, а вот Степашкины староверами?.. Как известно, там не оказалось! Были ли Степашкины староверами?.. Как известно, все их дети крещены в православной церкви. Это очень важный вопрос. Ответ на него стоил жизни и самим купцам-староверам, и Российской империи.

Отдав последний долг отцу, в 1910 году Митрофан вступил в полное владение наследством. Понимал ли он, какие у него перспективы? За спиной были Русско-японская война и первая русская смута 1906 года. О тех временах остался памятный золотой жетон с датами 27.10.1904 – 06.11.1905.

Какие выводы Митрофан сделал для себя?.. Потомки говорили о его либеральных взглядах, о понимании и уважении требований рабочих, о справедливом к ним отношении.

Сохранился портрет Митрофана Семеновича Степашкина кисти его дальнего родственника И. П. Степашкина (1882–1960), талантливого художника, где изображен «старик» 43 лет. (Портрет написан в 1918 году, как указано на обороте.) Жизнь рухнула, но это не лицо жертвы – человек не сломлен: он мудр, и перед ним – бездна. Как передан этот трагический взгляд!

Незадолго до смерти в феврале 1938 года Митрофан продиктовал своему сыну Семену Митрофановичу все, что принадлежало ему до 1917 года:

- каменный многоэтажный дом в г. Саратове на Московской улице;
- пустопорожнее место (участок) около мельницы Степашкиных в г. Саратове;
- земля около села Никольского – 13–15 десятин;
- акции Саратовской мануфактуры на 292 500 рублей, лежащие на текущем счете Русского внешнеторгового банка;
- участок земли около г. Саратова, купленный за долг Ивана Федоровича Валова;
- земельный участок в г. Саратове, ранее принадлежащий Зейферту, против мельницы Шмидта. Куплен на имя М. С. Степашкина и Шумилина. Участвуют также Шмидт, Шумилин, Кирюхин. Митрофану Семеновичу Степашкину принадлежит примерно 1/4 часть.

МУКОМОЛЬНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

Все имущество Семеном Ивановичем Степашкиным было по наследству передано из всей семьи только одному Митрофану Семеновичу Степашкину.

Митрофан часть этого имущества передал своим сестрам.

Весь капитал (по ценам 1914–1917 годов) составлял 2 200 000 рублей. Из них Митрофан Семенович оставил лично себе и ему принадлежало 1 400 000 рублей. Сестры были введены в состав Мукомольного товарищества, и им было передано:

- Кузнецовой Марии – 100 000 рублей;
- Никитиной Александре – 100 000 рублей;
- Барышевой Агриппине – 200 000 рублей;
- Степашкиной К. С. – 100 000 рублей;
- Мертенс Анне – 100 000 рублей;
- Поляковой Марии – 100 000 рублей;
- Аксеновой Клавдии – 100 000 рублей.

Митрофан был женат на дочери обедневшего дворянина Екатерине Андреевне Богатыревой.

Его брат Сергей рано умер и оставил вдову с сыном Георгием; она стала очень известной провинциальной актрисой Авророй Андросовой.

Еще один брат Константин служил в Царевском полку прапорщиком и отличился в Первую мировую войну.

Кроме семейства Семена Ивановича Степашкина, в Саратове проживала большая семья его брата Марка Ивановича, породнившаяся с известными фамилиями Розановых и Шинкаренко.

Надо заметить, что жизнь купеческого рода Степашкиных, да и других купеческих родов, сопровождается всевозможными мифами о чудесном и внезапном обогащении: то на богатой вдове женился, то украл деньги у архиерея...

Грустно читать эти домыслы, они прямое следствие укоренившейся в сознании русского человека мысли: от трудов праведных не наживешь палат каменных! Точнее было бы сказать, советского человека – человека с усеченным

Портрет Митрофана Семеновича Степашкина кисти его родственника И. П. Степашкина. 1918

сознанием: до 1917 года в России истории не было!

Об этом мечтал написать и правнук Семена Ивановича Степашкина, внук Михаила Лукьяновича Кузнецова, известный самобытный русский писатель Дмитрий Михайлович Балашов, из-за трагической гибели не успевший осуществить свой замысел.

Изобретательности, терпению и трудолюбию крестьян еще не придумана мера. Это была несущая конструкция государства, а несущая конструкция, в отличие от декоративной, не отличается изяществом,

у нее другая задача: выдержать все! Крестьянство не вынесло только коллективизацию, то есть государственное уничтожение этого сословия, и тем самым были подрублены корни всего тысячелетнего государства.

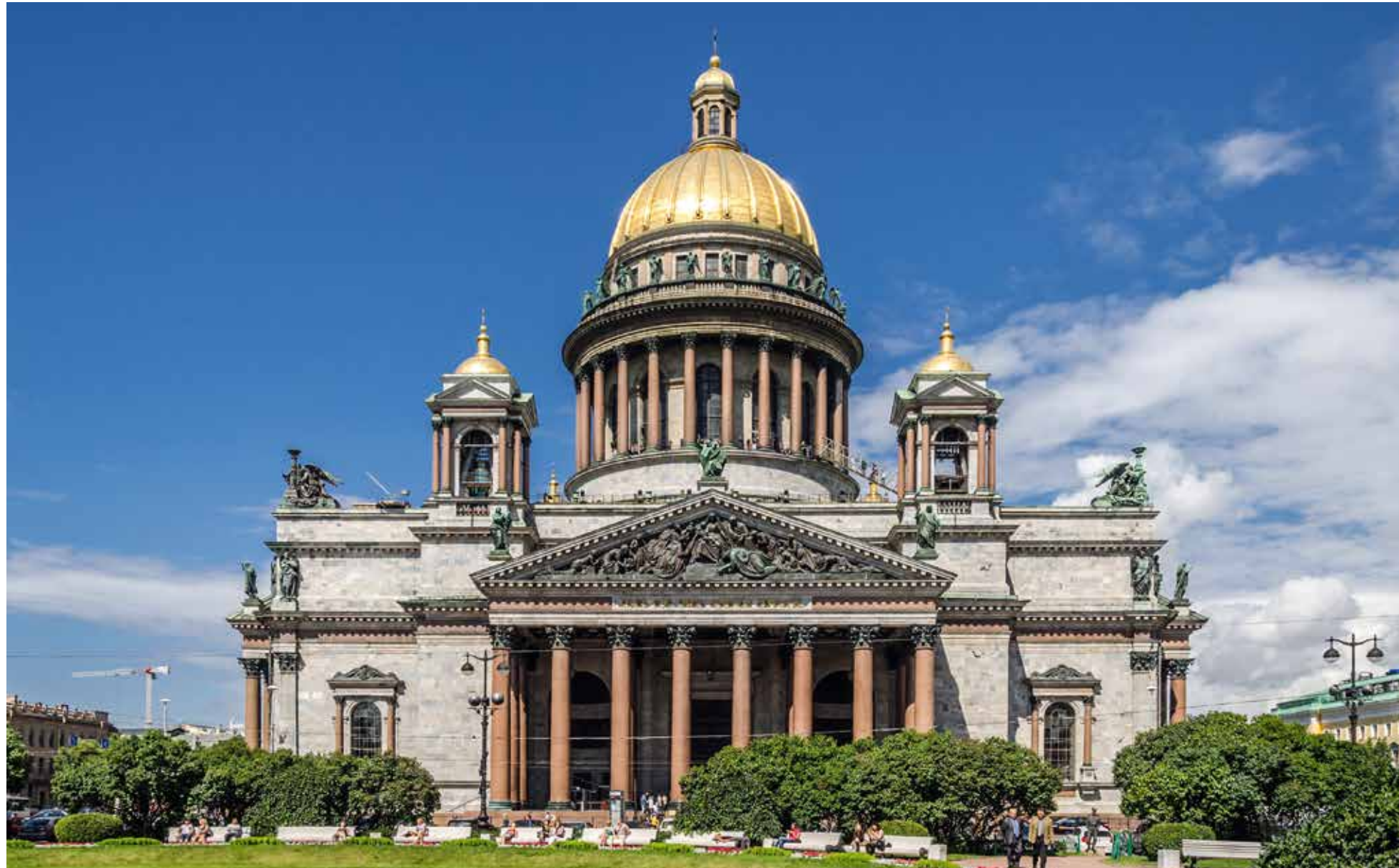
Но жизнь победить невозможно, и даже подрубленное дерево славных крестьянских, купеческих и дворянских родов дало свои жизнестойкие побеги и надолго останется в памяти потомков своими заслугами перед Отечеством.

Продолжение следует

РУССКИЙ МЭТР ОГЮСТ

В январе 2026 года исполняется 240 лет со дня рождения архитектора Огюста Монферрана

ТЕО ГУРИЕЛИ

Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге. 1818–1858

Французский зодчий Огюст Монферран оставил наиболее важный след не во французском архитектурном наследии, а в архитектурном творчестве на территории

России, главным образом в Санкт-Петербурге.

Российские архитекторы и историки архитектуры пишут о нем с восхищением, считая, что

Монферран внес неоценимый вклад в архитектурный облик тогдашней столицы Российской империи. Особо отмечают заслуги Монферрана в том, что он блестяще завершил

центральный архитектурный комплекс Санкт-Петербурга, который начал складываться еще при Петре I, развивался в XVIII веке благодаря творчеству Б. Растрелли, а после него – благодаря работам А. Захарова и К. Росси.

километра, приобрела облик, который производит сегодня столь большое впечатление. Двумя ключевыми элементами этой панорамы являются творения Монферрана: Исаакиевский собор (1818–1858) и Александровская колонна (1834) высотой 47 метров и весом 600 тонн, возведенная на Дворцовой площади по указу Николая I в память о победе Александра I над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года. Венчает колонну скульптура ангела работы Бориса Орловского.

Очевидным достоинством Монферрана было то, что он хорошо представлял себе сочетание архитектурных элементов и реальной архитектурной среды, однако не предвзято оценить наследие Монферрана можно только проследив его творческий путь, особенно на российской земле.

Анри Луи Огюст Рикар де Монферран родился 23 января 1786 года в Шайо, предместье Парижа. Бенуа Рикар, родной отец Огюста, рано умер, и мальчика воспитывал отчим – художник и гравер Антуан де Коммарье. Именно отчим и обучил мальчика рисованию.

В 20 лет Монферран приняли в парижскую Королевскую школу архитектуры, однако он практически сразу был призван на военную службу и зачислен в 9-й конногвардейский полк наполеоновской гвардии. В 1806 году он получил два ранения и, покинув на следующий год армию в звании сержанта, вернулся в Париж, чтобы продолжать обучение. Параллельно с занятиями Монферран служил в генеральной инспекции архитектуры Парижа под руководством Жака Молино. После окончания школы в 1813 году он вновь попал на военную службу. Отличившись в сражении при Арно, был награжден орденом Почетного легиона и получил чин старшего квартирмейстера.

Окончательно выйдя в отставку вскоре после Лейпцигской битвы, Монферран возобновил работу у Молино, участвовал в строительстве церкви Марии Магдалины и в проектировании «окружающей среды» для восстанавливавшихся церквей. С этого времени жизнь его была навсегда связана с архитектурой. Считают, что большое влияние на него оказали современники: безусловно талантливые архитекторы Шарль Персье и Пьер Фонтен.

Послевоенная французская архитектура характеризовалась, с одной стороны, резким уменьшением объемов строительства, особенно гражданского городского, а с другой – возрастанием интереса к религиозной архитектуре, и эта тенденция имела место вплоть до последних десятилетий XIX века. Многие архитекторы, особенно молодые, занимались реставрацией готических соборов и созданием новых зданий, в работе над которыми они опирались на принципы средневекового зодчества, что стало основой для неоготики, или обращались к так называемому «высокому барокко». Молодому Монферрану очень импонировало и то, и другое. Но найти во Франции достойную и масштабную работу в тот период было крайне трудно. И в апреле 1814 года, воспользовавшись пребыванием в Париже российского императора Александра I, Монферран преподнес монарху свой «Альбом разных архитектурных проектов, посвященных Его Величеству Императору».

Монферран тщательно готовил альбом: он, в частности, включил в него рисунки проектов, которые должны были показаться императору важными и даже необходимыми. То были проекты загородного императорского дворца, публичной библиотеки, Триумфальной арки «Храброму Российскому воину», колонны в честь Всеобщего мира и конной статуи в честь

Первая Исаакиевская церковь. Литография XIX века с рисунка 1845 года

императора. Рисунки альбома были снабжены кратким перечнем необходимых строительных материалов и даже примерной стоимостью затрат на их создание.

Заметим, что Александру I были поднесены также альбомы проектов Фонтена и Персье, но, хотя они были более маститыми зодчими, их проекты не заинтересовали императора. Монферрану же удалось получить приглашение для работы в российской столице.

Вероятно, немалую роль сыграло то, что Монферрану покровительствовал Августин де Бетанкур-и-Молина (1758–1824), который

был выдающимся инженером и архитектором на русской службе. Генерал-лейтенант, испанский и российский ученый, инженер и государственный деятель, он прибыл в Россию в 1798 году и спустя год стал начальником Корпуса инженеров путей сообщения России. До конца своих дней он возглавлял институт инженеров, где читал лекции по теоретической механике, теории машин, создал научную школу мостостроения. В 1816-м Бетанкур возглавил Комитет строений и гидравлических работ в Санкт-Петербурге, а через три года стал еще директором

Главного управления путей сообщения. В Санкт-Петербурге с 1816 по 1818 год руководил сооружением здания Экспедиции (фабрики) для заготовления государственных бумаг и печатания ассигнаций (ныне Гознак), для которой сконструировал печатные станки. Особо надо отметить вклад Бетанкура в создание литейно-пушечного завода в Казани и оружейного завода в Туле. По проекту Бетанкура в Москве был построен знаменитый Манеж. В реализации разных его проектов участвовали К. Росси, В. Стасов, О. И. Бове. В 1818–1822 годах под руководством

Бетанкура было построено первое шоссе в России: Санкт-Петербург – Новгород – Москва.

Понятно, что Бетанкур был одним из важнейших сподвижников Александра I и его главным советником по большому кругу вопросов, связанных с архитектурой и инженерией.

Монферран познакомился с ним благодаря рекомендательному письму от известного часового мастера Абрахама-Луи Бреге. Как там в бессмертном пушкинском «Евгении Онегине»: «Онегин едет на бульвар // И там гуляет на просторе, // Пока недремлющий брежет // Не прозвонит ему обед».

Отличаясь большой точностью и красивым дизайном, часы фирмы Vreguet были в те времена весьма популярны в России среди аристократов и царских особ.

Бетанкуру Монферран понравился. Их сотрудничество началось уже в 1817 году. Бетанкур в то время был главным строителем Нижегородской ярмарки, и он решил привлечь Монферрана к проектированию некоторых зданий. Главным из них должен был стать Спаский Староярмарочный собор, торжественная закладка которого состоялась 20 августа 1818 года.

При всем уважении к лучшим творениям Монферрана, этот собор трудно считать новой вехой в его творчестве. Попытка сплавить классицизм и некоторые формы византийского архитектурного искусства оказалась не очень удачной; что же касается древнерусского зодчества, то Монферран, судя по всему, еще не был достаточно глубоко с ним знаком. Вместе с тем, возможно, создание собора в Нижнем Новгороде существенно помогло ему в процессе проектирования его знаменитого детища – Исаакиевского собора.

Строительство новых зданий Нижегородской ярмарки завершилось к 15 июля 1822 года. Из них в настоящее время сохранился только

спроектированный Монферраном Спаский Староярмарочный собор.

Между тем российская аристократия и Православная Церковь с интересом обсуждали другой, значительно более масштабный и важный для российской столицы проект перестройки или, точнее, создания заново собора подобного Исаакия Далматского, почитаемого почитаемого Православной Церковью раннехристианского монаха-отшельника и исповедника IV века, известного своей борьбой с арианством и обладавшего пророческим даром. Он основал монастырь под Константинополем и стал его игуменом.

Первый храм, освященный в честь святого Исаакия Далматского, был построен по велению Петра I еще в 1710 году.

Конкурс на проект нового собора был объявлен в 1809 году. В 1816-м, после нескольких неудачных попыток проведения конкурса, Александр I поручил заняться подготовкой проекта перестройки Исаакиевского собора Августину Бетанкуру, председателю только что образованного Комитета по делам строений и гидравлических работ. Бетанкур недолго сомневался: он предложил поручить проект Огюсту Монферрану.

В 1818 году Монферран представил ряд эффектных рисунков будущего Исаакиевского собора. Рисунки понравились императору. Была создана специальная комиссия по перестройке существующей Исаакиевской церкви. В нее вошли чиновники самого высокого ранга. Председателем был член государственного совета граф Н. П. Головин, одним из членов комиссии – министр духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын. Вошел в нее, разумеется, и Бетанкур.

Вскоре началось строительство. Контроль за ним осуществлял сам архитектор и, видимо, не очень

строгий: начались хищения, подлоги, завышение смет. Разгоревшийся скандал удалось замять, хоть и с трудом. Строительство шло уже два года, но детальный проект так и не был завершен: фактически существовали только рисунки двух фасадов, общий план и один разрез.

И тут грянул гром: президенту Академии художеств А. Н. Оленину пришло письмо от архитектора Антуана Модюи. Он работал в России с 1810 года, представил несколько любопытных проектов, перестроил петербургский Большой театр и выстроил несколько домов. У него было одно преимущество перед Монферраном: он был еще и неплохим инженером. В письме Оленину он объявил, что расчеты Монферрана относительно устойчивости здания неверны, а технические качества несущих конструкций не выдерживают критики; иными словами, автор проекта проявил полную некомпетентность. Причем свои выводы Модюи подкрепил чертежами и расчетами.

В Академии сначала приняли послание с изрядной долей скепсиса: главный собор российской империи был слишком лакомым кусочком для архитекторов Европы, чтобы они удержались от свары. В Академии решили представить историю как конфликт двух архитекторов, а Комиссия по строительству Исаакиевского собора не стала придавать делу широкую огласку. Тогда Модюи обратился напрямую к императору.

В феврале 1822 года император отстранил Монферрана от работ, остановил строительство и распорядился создать при Академии художеств специальный Комитет во главе с А. Н. Олениным для рассмотрения замечаний архитектора Модюи по строительным работам Исаакиевского собора. И только тогда выяснилось, что в чертежах, по которым возводился собор, не было поперечного разреза. В нем

Исаакиевский собор по утверждённому в 1818 году проекту Монферрана на картине В. С. Садовникова

и были выявлены все ошибки Монферрана. Эксперты признали, что по существующему проекту строить собор нельзя.

Создалась исключительно сложная ситуация. В строительство уже были вложены огромные деньги. Страна наполнилась слухами об ошибочном выборе архитектора, о некомпетентности властей, о неразумных расходах. Император решил прекратить распространившиеся слухи о напрасно затраченных средствах и, поскольку стройка зашла слишком далеко, решил ее продолжить. В исправлении проекта приняли участие В. П. Стасов, А. А. Михайлов 2-й, А. И. Мельников, П. П. Базен, В. И. Беретти. Модюи не удалось заменить собой Монферрана.

9 марта 1825 года императору был представлен исправленный проект Монферрана. Он был снова признан лучшим и утвержден Александром I.

13 апреля 1825 года Монферран продолжил строительство собора под опекой таких крупнейших мастеров архитектуры того времени, как В. П. Стасов, А. И. Мельников, А. А. Михайлов 2-й. Однако стоит признать, что без вмешательства Модюи Монферран вряд ли бы довел до конца свой проект.

Как бы то ни было, Монферран победил. Он в итоге построил самый большой и важный собор в Санкт-Петербурге.

Но остается еще один вопрос, который и по сей день интересует историков архитектуры, особенно английской. Изучая сотни проектов соборов в мире, они сделали вывод, что первоначальный проект Исаакиевского собора Монферрана не мог бы появиться на свет, если бы не существовало проекта более раннего: собора Святого Павла в Лондоне. Разница между ними прежде всего в эпохе и стиле: лондонский собор закончен

в 1708 году и строился архитектором Кристофером Реном в стиле барокко. Монферран создал свой проект более ста лет спустя и строил его в стиле позднего классицизма. Но архитекторы обращают внимание на то, что Монферран удачно использовал в своем проекте все те элементы, которые сочетаются в творении Рена: соразмерные сооружению портики, звонницы, фронтоны и скульптурный декор. В XIX веке по Европе ходили тысячи гравюр с изображением собора Святого Павла, и Монферран, вероятно, не смог отказаться от того, чтобы воплотить в проекте Исаакиевского собора наиболее интересные реновские идеи.

Исаакиевский собор называют исключительно важной градостроительной доминантой. Высота собора 101,5 м, размеры в плане (с портиками) 111,5×97,6 м. Монументальное здание оформлено

четырьмя 8-колонными портиками и увенчано металлическим золоченым куполом на барабане, окруженном монолитными гранитными колоннами. Строительство собора продолжалось 40 лет. Торжественное освящение 30 мая (11 июня) 1858 года нового кафедрального собора совершил митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский Григорий.

Последним произведением Монферрана был проект петербургского монумента императора Николая I, который, однако, мэтр Огюст не успел достроить; эта работа была завершена архитектором Д. Е. Ефимовым.

Монферран был одарен в различных направлениях изобразительного искусства. Художественная часть первоначального проекта Александровской колонны превосходно выполнена акварельной техникой и свидетельствует о высоком мастерстве Монферрана как художника. Этот эскиз находится в настоящее время в библиотеке Петербургского государственного университета путей сообщения. Он был неплохим рисовальщиком и довольно часто писал в России портреты своих современников.

Труды Монферрана были щедро вознаграждены. За строительство Исаакиевского собора он получил чин действительного статского советника, а также 40 тысяч рублей серебром и украшенную бриллиантами золотую медаль на Андреевской ленте, а за возведение Александровской колонны – орден Святого Владимира III степени и 100 тысяч рублей серебром. В России он получил три ордена: Орден Святого Владимира 4-й степени (1826), Орден Святой Анны 2-й степени с бриллиантами (1828) и Орден Святого Владимира 3-й степени (1834).

С к о н ч а л с я М о н ф е р р а н в 1858 году в Санкт-Петербурге. Любопытная деталь: долгое

Бюст Огюста Монферрана в Исаакиевском соборе

строительство вызвало слухи о пророчестве, якобы полученном французом от проезжего ясновидца, сказавшего, что архитектор умрет, как только собор будет достроен. И в самом деле: через месяц после торжественной церемонии освящения Исаакиевского собора Монферран умер.

Сам зодчий высказывал желание быть похороненным в одном из подземных сводов Исаакиевского собора, строительство которого он закончил всего за месяц до своей

кончины. Однако император Александр II не дал на это разрешения, поскольку Монферран был католиком. В результате похоронная церемония состоялась в католической церкви Святой Екатерины Александрийской на Невском проспекте, затем траурный кортеж трижды объехал вокруг Исаакиевского собора. Впоследствии останки были доставлены во Францию. Монферран покойся на кладбище Монмартр рядом с матерью Луизой Фистоньи и отчимом Антуаном де Коммарье.

А В СЕМ КОНЕ КАКОЙ ОГОНЬ!

2026 год по китайскому календарю – год Красной Огненной Лошади.
Есть ли подобная лошадка в отечественной культуре?

СЕРГЕЙ МАКИН

Лошадь входит в нашу жизнь едва ли не с колыбели. Даже те, кто не видел это грациозное животное воочию, наверняка пели рождественскую песенку «В лесу родилась елочка» на слова Райсы Кудашевой с музыкой Леонида Бекмана:

*Чу! Снег по лесу частому
Под полозом скрипит.
Лошадка мохноногая
Торопится, бежит.
Везет лошадка дровеньки,
На дровнях мужичок.
Срубил он нашу елочку
Под самый корешок.*

В российской культуре можно найти и огненную лошадь: люди, жившие в советское время, помнят строки Маяковского – «Что за лошадь, что за конь – горячий, чем огонь!» Есть и красный конь: не только на картинах Кузьмы Петрова-Водкина «Купание красного коня» и «Фантазия», но и в песне Марка Фрадкина на стихи Михаила Пляцковского:

*А в лугах,
Как звенит в лугах роса –
только тронь.
На ветру,
Польхает на ветру красный конь.
Гордо по земле копытом бьет,
Тишину из реки пьет.
Мое детство – красный конь.*

Богатырский конь

В былине «Добрыня и Змей» описано, как любовно относится наездник к своему коню:

*Он вставал по утречку ранешенько,
Умывался да он белешенько,
Снаряжался он хорошошенько,
Да идет на конюшню на стоялую.
А берет в руки узду он да тесмяную,
А берет он дедушкова да ведь
добра коня,
Он поил Бурка питьем медвяным,
Он кормил пишеной да белояровой,
Седлал Бурка в седлышко черкасское,
Он потнички да клал на потнички,
Он на потнички да клал войлочки,
Клал на войлочки
черкасское седлышко,
Все подтягивал двенадцать тугих
подпругов.
Он тринадцатый клал
да ради крепости,
Чтобы добрый конь с-под седла
не выскочил,
Добра молодца в чистом поле
не вырुтил (не сбросил. – С.М.).
Молодец на коне сидит, да сам
не стареет.*

Три всадника

В сказке «Василиса Прекрасная» тоже присутствует багряный конь. Мачеха послала Василису за огнем к Бабе-яге. Охваченная тревогой девушка отправляется в путь.

«Вдруг скачет мимо ее всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая, – на дворе стало рассветать.

Идет она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, – стало всходить солнце».

А какая реальная масть ближе всего к фантастической красной? Может, гнедая?

Вспоминается романс на слова Алексея Апухтина (это вольный перевод стихотворения Сергея Донаурова «Бедные лошади», написанного на французском):

*Были когда-то и вы рысакими
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнедых!*

У гнедой лошади туловище рыже-коричневое, грива, хвост и ноги – черные. Похоже на красный цвет, хоть и отдаленно. Зато конь рыжей масти максимально подходит под ответ: он весь – от гривы до хвоста, от головы до ног – цвета червонного золота с красноватым оттенком. Родоначальница рыжей масти – каурая. Это светло-рыжая лошадь, целиком песчаного цвета.

Вещая каурка – предок Конька-Горбунка

Нам с детства знакома сказка «Сивка-бурка». Главный герой произносит заклинание: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Странное сочетание цветов: лошадь одновременно и сивая – пепельно-серая, и бурая – коричневая, и каурая.

Эту сказку, как и многие другие, издал в середине XIX века собиратель русского фольклора Александр Афанасьев. Если мы заглянем в трехтомник сказок Афанасьева, напечатанный в 1984–1985 годах издательством «Наука» в серии «Литературные памятники», то

удивимся: каурки там нет, лошадь вороная – черная. Сын приходит на могилу отца, и почивший родитель дарит ему помощника:

«Старик свистнул-гайкнул богатырским посвистом:

– Сивко-бурко, вещий воронко!

Сивко бежит, только земля дрожит, из очей искры сыплются, из ноздрей дым столбом.

– Вот тебе, сын мой, добрый конь; а ты, конь, служи ему, как мне служил».

В другом варианте сказки из сборника Афанасьева масть коня вообще не упоминается:

«Ванюше очень хотелось поглядеть на Елену-царевну Прекрасную; заплакал он, больно заплакал и пошел на могилу к отцу. Услышал его отец в домовине, вышел к нему, стряхнул с чела сыру землю и говорит:

– Не тужи, Ваня, я твоему горю пособлю. Тотчас старик вытянулся, выпрямился, свистнул-гаркнул молодецким голосом, соловейским посвистом; откуда ни взялся – конь бежит, земля дрожит, из ноздрей, из ушей пламя пышет... стал перед стариком как вкопанный и спрашивает:

– Что велишь?

Влез Ваня коню в одно ушко, вылез в другое и сделался таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером написать! Сел на коня, подбоченился и полетел, что твой сокол, прямо к палатам Елены-царевны. Размахнулся, подскочил – двух венцов не достал; завился опять, разлетелся, скакнул – одного венца не достал; еще закружился, еще завертелся, как огонь проскочил мимо глаз, метко нацелил и прямо в губки чмокнул Елену Прекрасную!»

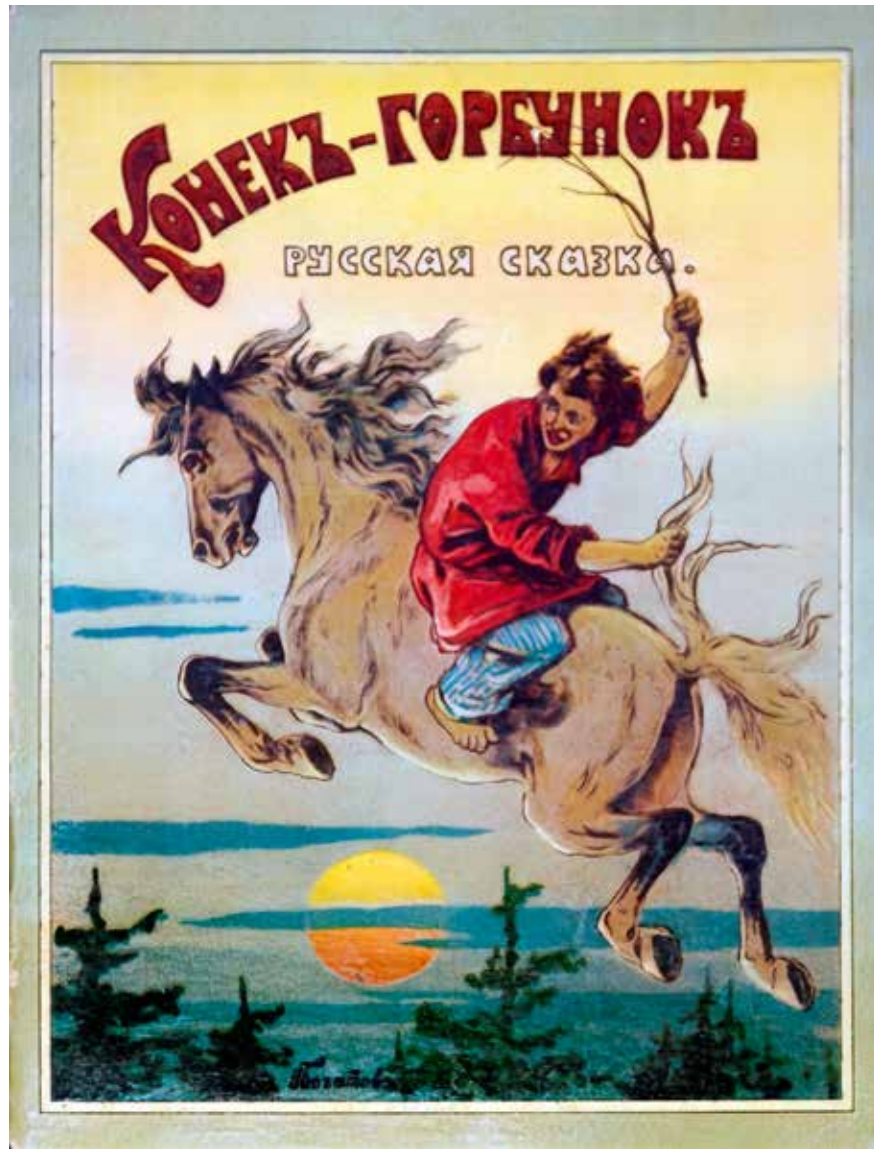
Откуда же появилась каурка? По мере того как сказка странствовала из одной области России в другую, ее пересказывали по-новому. Происходило то, что называется «народное редактирование». Для

Иван Билибин. Красный всадник из сказки «Василиса Прекрасная». 1902

южных областей характерно оканье, для северных – аканье. Так «Сивко-бурко, вещий воронко» с преобладанием звука «о» превратился в коня с превалированием звука «а»: «Сивка-бурка, вещая каурка». Эта народная сказка стала предшественницей «Конька-Горбунка» Петра Ершова.

Главный герой Иван приходит ночью на поле, где видит чудесную кобылицу. Хоть он и вскакивает на нее задом наперед, хоть лошадь и пытается его сбросить, но Иванушка не падает. И тогда кобылица дарит ему трех коней. Среди них – разумный, хоть и неприглядный на вид конек с двумя горбами. Он

Николай Богатов. Обложка книги «Конек-Горбунук». 1914

помогает Ивану справиться со всеми препятствиями, стать мужем Царь-девицы и обрести трон.

Милая Фру-Фру

Распространенный жанр в живописи – парадный конный портрет. Такова, к примеру, картина Валентина Серова, изображающая великого князя Павла Александровича. Жаль только, что в названии таких полотен не указывается имя лошади. А ведь она выглядит не менее

рафинированно, чем всадник. Вдобавок дворяне относились к своим коням с пиететом.

Есть много пород лошадей: арабская, ахалтекинская, тракененская... В «Анне Карениной» Льва Толстого порода лошади Алексея Вронского – английская чистокровная, выведенная специально для скачек. У кобылы странное на современный взгляд имя – Фру-Фру. Его значение можно узнать из книги Марии Мерцаловой «История костюма» (1972 год), в главе, где описывается женская

мода второй половины XIX века: «Костюм сопровождало шуршание шелков нижней юбки с многочисленными плиссированными оборками (знаменитое *frou-frou*, возвещавшее еще издали приближение элегантной женщины). *Frou-frou* – непереводимое выражение, основанное на подражании шуршанию юбок».

Лев Николаевич, сам большой знаток лошадей, с восхищением пишет о лошади Вронского: «Во всей фигуре и в особенности в голове ее было определенное, энергическое и вместе нежное выражение. Она была одно из тех животных, которые, кажется, не говорят только потому, что механическое устройство их рта не позволяет им этого». Обращаясь к кобыле, Алексей не раз говорит ей «милая».

На скачках Фру-Фру безукоризненна и обходит остальных лошадей. Но происходит ужасное: во время прыжка через барьер Вронский делает неловкое движение, опускается на седло и ломает кобыле спину:

«Он, шатаясь, стоял один на грязной неподвижной земле, а пред ним, тяжело дыша, лежала Фру-Фру и, перегнув к нему голову, смотрела на него своим прелестным глазом... Она опять вся забила, как рыбка, треща крыльями седла, выпростала передние ноги, но, не в силах поднять зада, тотчас же замotalась и опять упала на бок. С изуродованным страстью лицом, бледный и с трясущеюся нижнею челюстью, Вронский ударил ее каблуком в живот и опять стал тянуть за поводья. Но она не двигалась, а, уткнув храп в землю, только смотрела на хозяина своим говорящим взглядом.

– Ааа! – промывчал Вронский, схватившись за голову. – Ааа! что я сделал! – прокричал он. – И проигранная скачка! И своя вина, постыдная, непростительная! И эта несчастная, милая, погубленная лошадь!»

Напрашивается параллель между гибелью Фру-Фру и Анны Карениной: невольным виновником смерти обеих становится Алексей Вронский.

Хорошее отношение к лошадям

Если даже тонко чувствующий герой романа Льва Толстого в порыве гнева и отчаяния ударил изящную кобылу, чего можно было ждать от менее благородных особ? В литературе можно найти примеры жестокого обращения с лошадьми: у Николая Некрасова, у Федора Достоевского. Не хочется их приводить: больно за коней и стыдно за людей.

Пожалуй, самое пронзительное произведение на тему трагической конской судьбы – стихотворение Бориса Слуцкого «Лошади в океане». Во время войны корабль перевозит конский табун:

*Тыща лошадей! Подков
четыре тыщи!
Счастья все ж они не принесли.
Мина кораблю пробилла днище
Далеко-далеко от земли.
Люди сели в лодки, в шлюпки влезли.
Лошади поплыли просто так.
Что ж им было делать, бедным, если
Нету мест на лодках и плотях?
Плыл по океану рыжий остров.
В море в синем остров плыл гнедой.
И сперва казалось – плавать просто,
Океан казался им рекой.
Но не видно у реки той края.*

Алексей Венецианов. «На пашне. Весна». Первая половина 1820-х

*На исходе лошадиных сил
Вдруг заржали кони, возражая
Тем, кто в океане их топил.
Кони шли на дно и ржали, ржали,
Все на дно куда не пошли.
Вот и все. А все-таки мне жаль их —
Рыжих, не увидевших земли.*

Почему «все-таки»? Потому что обычно принято жалеть погибших на войне людей, а не лошадей. Подумаешь, сгинула тысяча лошадей: погибли миллионы людей! Только зачем они тянули на войну животных? В стихотворении «Хорошее отношение к лошадям» Владимир Маяковский, успокаивая упавшую кобылу, говорит:

*Деточка,
все мы немного лошади,
каждый из нас по-своему лошадь.*

Действительно: один пашет как лошадь, другой ржет как лошадь, у кого-то лошадиное здоровье,

кто-то темная лошадка... В XX веке стали жалеть погибающих по их вине коней. Может, когда-нибудь люди начнут жалеть и дронов, роботов-камикадзе, которых они посылают на смерть в войнах новейшего времени. Все мы немного роботы.

Рыжий конь: крестьянский и императорский

На картине Алексея Венецианова «На пашне. Весна» крестьянка ведет двух лошадей. Ближняя к зрителю – чисто рыжая, дальняя – соловая. Имена у крестьянских лошадей были не столь изысканные, как у дворянских. Часто называли по масти: Воронок, Гнедко, Бурка, Рыжуха... В поэме Некрасова «Мороз, Красный нос» не раз упоминается конь по кличке Савраска – верный помощник крестьянки Дарьи и ее мужа Прокла:

Икона «Архангел Михаил». Россия. XIX век

— Ну, трогай, Саврасушка! трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!..

Телега, скрипя, подвезжает, —
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.

Савраска — от саврасой масти:
такая лошадь бледно-рыжая, с чер-
ными гривой и хвостом.
Пушкин посвятил лошади знамени-
тые строки из «Медного всадника»:

А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

Считается, что скульптор Этьен
Фальконе изобразил Петра Вели-
кого на его любимом коне Лизет-
те. Пушкин упоминает его в поэме
«Полтава»:

Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордась могущим седоком.

С этой лошадью не все ясно. Не-
смотря на кличку, Лизетту называ-
ли жеребцом. Не вполне понятно
и с мастью. Художники XVIII века
изображали коня Петра рыжим,
порой соловым. Лошадь соло-
вой масти — песчаного цвета, как
и кауряя, но с белесыми хвостом
и гривой. В Зоологическом музее
Санкт-Петербурга хранится чуче-
ло Лизетты, там она скорее бурая.
Бурая масть — темно-рыжая.

Соблазн исполнить предсказанье

В русской иконописи святой
Георгий часто восседает на белом
коне, архангел Михаил — всегда
на красном. Небесного архистра-
тига изображают в момент решаю-
щей битвы с силами зла. Архангел
трубит, возвещая конец времен.
В его руке копье.

В новозаветном Откровении
Иоанна Богослова, иначе Апока-
липисе, упоминаются кони:

«И я видел, что Агнец снял пер-
вую из семи печатей, и я услышал
одно из четырех животных, гово-
рящее как бы громовым голосом:
иди и смотри. Я взглянул, и вот,
конь белый, и на нем всадник, име-
ющий лук, и дан был ему венец;
и вышел он (как) победоносный,
и чтобы победить. И когда он снял
вторую печать, я слышал второе
животное, говорящее: иди и смо-
три. И вышел другой конь, рыжий;
и сидящему на нем дано взять мир
с земли, и чтобы убивали друг
друга; и дан ему большой меч»
(Откр. 6: 1–4).

Рыжий — перевод на русский,
в греческом тексте конь крас-
ный, огненный: ἵπλος πύρρος,
иппос пуррос от ἵπλος — лошадь
и πῦρ — огонь.

Потом наступает черед всад-
ника на вороном коне, несущего
голод, и наконец, всадника
на бледном коне, несущего смерть.

Виктор Васнецов. Песнь о вещем Олеге. Иллюстрации из книги, изданной к 100-летию со дня рождения
А. С. Пушкина. 1899

Обязательно ли должно сбыться
это апокалиптическое предска-
зание? Все мы помним «Песнь
о вещем Олеге» Пушкина. Князь
разуверился в пророчестве вдох-
новенного кудесника. Тот пред-
сказал ему смерть из-за любимого
коня, но животное умерло, а его
хозяин жив:

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый,
безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доньне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Однако пророчество сбывается:
князь умирает от укуса ядовитой

змеи, которая выползла из лоша-
диного черепа.

Валерий Брюсов создал свой
вариант истории о владыке и про-
роке. В стихотворении «Прори-
цание» князь со свитой, верхом
на иноходце — лошади, которая
скачет удобным для всадника ал-
люром — иноходью, едет на охоту
и видит кудесника. Тот говорит,
что сегодня видел двойника князя,
его призрак. Значит, повелителю
угрожает смертельная опасность:
он может умереть. Волхв просит
властелина вернуться домой, что-
бы не искушать судьбу.

Вечером князь возвращается
с богатой добычей, живой и не-
вредимый. Он укоряет предска-
зателя за то, что его пророчество

не сбылось. Тогда кудесник убивает
князя своей клюкой:

И слышен голос в тишине, —
Старик взывает к тайной силе:
«Исполнить то досталось мне,
Что вы, благие, не свершили.
Не может лгать язык волхва:
Вы подсказали мне слова,
Чтоб стало правдой прорицанье,
Я сам свершил предначертанье!»

Опасная тенденция — подгон
под ответ. Современные полити-
ки и ученые достигли немысли-
мого прежде могущества. У них
может возникнуть соблазн самим
претворять в жизнь древние про-
рочества. Кто или что может это-
му помешать?

ИМПЕРАТОР РУССКОЙ ПАРФЮМЕРИИ

*К 145-летию со дня рождения главного алхимика XX века, творца,
в судьбе которого отразилась участь России и, пожалуй, всей Европы на разломе эпох*

КОНСТАНТИН ЛЕЖАНДР

Шанель жадно вдохнула аромат парфюма, предложенного ей Эрнестом Бо.

– Мэтр, что это за чудо?..

– Под пятым номером стоят так называемые «зимние духи», тающая северная нотка... Русский парфюм, мадмузель.

– Так его и назову: «Шанель № 5»...

Когда во Франции несколько лет назад отмечали столетие появления на свет аромата «Шанель № 5», все заслуги по созданию «парфюма столетия» были приписаны Габриэль Шанель. Практически ни в одном из ведущих средств массовой информации Пятой республики не был упомянут Эрнест Бо. И тем не менее именно этого уроженца России парфюмеры и флейвористы (специалисты по конструированию ароматов) всего мира называют «Наполеоном парфюмерии». Потомок московских французов, он прожил бурную и длинную жизнь. Ни один парфюмер не создал столько новых духов, сколько Бо. И главный его шедевр – «Шанель № 5». Бо первым приравнял парфюмерию к химическому «творчеству», он слагал партитуры своих парфюмов как инженер запахов.

«Французская волна»

Гений порой остается в Истории анонимом. Я вспомнил эту сентенцию, когда стал собирать материалы для моего очерка. И действительно:

духи «Шанель № 5» вот уже целое столетие остаются самым известным в мире парфюмерным брендом и воспринимаются большинством землян как один из символов Франции, а в реальности этот нежный эликсир, несколько капель которого (спасибо за откровение Мерлин Монро!) составляют единственную одежду во время сна вселенских красавиц, являл собой образ... морозной России! И создал этот неповторимый парфюм человек глубоко русский. Да, француз по корням и фамилии, но по сущности своей – искренне русский.

«Про Эрнеста Бо существует немало разных историй и легенд, однако его настоящая жизнь намного интереснее, – рассказывает Наталья Тимошенкова, исполнительный директор Международной конфедерации парфюмеров и флейвористов. – Его бабушка попала в Россию с маленьким сыном. Незаконнорожденным. Эта женщина была скромной модисткой, но сумела дать своему сыну достойное образование в России. Отец Эрнеста Бо стал предпринимателем очень высокого уровня, он возглавлял российско-французское общество “Маргарин”. С заводами в Москве, Санкт-Петербурге, Одессе, Варшаве...»

Первые выходцы из Франции осели в России еще во времена Ивана Грозного. Это были военные, врачи и ремесленники, прежде всего – мастера по выделке гобеленов. Особо же мощная «французская

волна» нахлынула на Россию на рубеже XVIII и XIX веков. Это были коммерсанты и дворяне-эмигранты, бежавшие на берега Невы и Москвы-реки, чтобы сражаться с якобинцами, а затем и с Наполеоном. Не говоря уже о многих десятках тысяч пленных, оставшихся после краха Великой армии Бонапарта.

В середине XIX века в стране началась индустриальная революция. Вместе с металлургическими заводами и железными дорогами в России вырастали и парфюмерные фабрики: благосостояние людей, массово становившихся горожанами, росло, и им хотелось более красивой жизни, почему бы не сопровождаться приятными ароматами, изысканной косметикой?

«Мы с вами видим метрическую запись о том, что Эрнест Бо родился 25 ноября 1881 года, а 5 декабря 1882 года его крестили, – показывает строки в пожелтевших архивных фолиантах Наталья Тимошенкова. – Здесь указано: “1882 года, 5 числа декабря месяца, в московской римско-католической Святого Людовика церкви викарием Медериком Де Коснак сделана запись о крещении сына негоцианта Эдуарда Ипполита Бо и Марии Вильгельмины, урожденной Мисфильд, законных супругов. Крещен младенец по имени Эрнест Генрих...»

Россия была его родиной, а Москва – его любимым городом, где жила его большая семья: три поколения, которые добились очень значимого успеха. Как и многие другие

французы, осевшие в России и ставшие россиянами.

«Я вернусь во Францию умирать, но жить и работать могу только в России», – как-то сказал конкурент *Alphonse Rallet & Co* (фирмы в которой работал Бо) Анри Брокар, превратившийся в России в Генриха Афанасьевича. Не зря прозванный «душистым Анри», он входил в великолепную плеяду виртуозов обоняния, заложивших основы российской парфюмерии, на рубеже веков по праву считавшейся – без преувеличения, поверьте! – одной из лучших в мире.

Альфонс Ралле, Адольф Сиу, Александр Остроумов, Самуил Чепелевский... Широкой публике имена их сегодня не известны, но ароматный подвиг их поистине бессмертен. На Всемирную выставку 1900 года в Париже парфюмеры России привезли на берега Сены не дух кваса и кислых щей, а изысканные парфюмы, которые завоевали самые престижные дипломы и Гран-при первого Экспо миллениума. Той самой Всемирной выставки, где российская экспозиция взорвала стереотипы и была названа тогдашним французским министром промышленности и торговли Александром Мильбераном «наиболее интересной приманкой на парижском празднике труда».

И наш герой, внук эмигрантки, нашедшей в России новую родину, приложил к этому чуду свою руку, скорее – простите за натурализм – свой нос.

Нос – так называют в профессиональной среде создателей духов.

Эрнест Генрих Бо. Между 1917 и 1921

Эрнест с детских лет отличался отменным обонянием и умением анализировать запахи. Ему не исполнилось и семнадцати, когда он поступил лаборантом на парфюмерную фабрику *Alphonse Rallet & Co*, основанную в 1843 году

приехавшим в Россию французом Альфонсом Ралле. В конце прошлого столетия она располагалась в Теплом переулке, в Хамовниках, в бывшей усадьбе князя Николая Степановича Всеволожского. Я сто раз ходил по московской улице

Тимура Фрунзе и не подозревал, что там, где сегодня громоздятся офисы интернет-гигантов, располагалась крупнейшая российская косметическая фирма, поставщик Императорского Двора, а также короля Черногории и шаха Ирана.

В *Alphonse Rallet & Co* уже трудился старший брат Эрнеста Эдуард Бо (этот выдающийся деловик в начале XX века будет, в частности,

инициатором создания Русско-французской торговой палаты), и неудивительно, что Эрнест пойдет на службу именно в «Ралле».

««Ралле» считалась парфюмерной компанией номер один в России. Ее масштаб производства был грандиозным, половина производства – более 600 наименований! – приходилась не на мыло, пудру и косметику, а на парфюмерную

продукцию. Феноменальное количество! Так, в 1913 году они производили на 2,9 млн рублей. На сегодняшние деньги, если не ошибаюсь, это около 6 млрд рублей... Все происходило под руководством Эдуарда Эдуардовича Бо. А Эрнест Бо пришел в компанию в августе 1898 года, в ее кассовой книге содержатся первые записи о его зарплате, – в руках Натальи Тимошенковой старые, чудом сохранившиеся документы. – 31 августа 1898 года он получил 7,5 рублей. В следующий месяц мы видим уже полную зарплату, она была 15 рублей... Эрнесту Бо едва стукнуло шестнадцать лет».

Высокая марка «Ралле»

«Я начал свою работу в 1898 году в Москве. Мой старший брат был тогда администратором “Ралле”, – напишет Эрнест Бо в своих «Воспоминаниях парфюмера». – На этом большом предприятии работало 1500 рабочих. Фабричное оборудование и социальная организация были совершенны по тому времени. Приходилось приспосабливаться к чрезвычайно обширному рынку (180-миллионная Россия, Китай, Персия, Балканы и т.д.) и считаться со вкусами русских женщин в использовании духов и предметов роскоши. Полные поезда увозили во все стороны света туалетное мыло, рисовую пудру, одеколон и духи...»

Остается добавить: к началу XX столетия продукция фирмы составляла 37% всего косметического производства России. Чтобы не зависеть от поставок из-за рубежа, на юге России стараниями «Ралле» были заложены плантации по выращиванию эфирно-масличных культур для получения веществ для «благовонных товаров». «Товарищество» (таким был официальный статус

компании) четырежды награждалось государственным гербом империи, высшим знаком качества в стране. Больше ни одна из российских компаний не получала эту награду столько раз.

Фирма «Ралле» была и пионером рекламы. Выпускались открытки с видами Москвы, календари, карандаши и даже периодическое издание «Полная энциклопедия женских рукоделий». Слова «логотип» тогда еще не существовало, однако фирменный знак «Ралле» мелькал в России повсюду. Смелый маркетинговый ход, не замедливший отразиться в городском фольклоре, в частушках:

*Вновь весна несет подарки
Пробудившейся земле.
Небеса чисты и ярки,
Как прилавки у «Ралле».*

На рубеже веков в составе совета директоров товарищества произошли существенные изменения. Как написано в анналах «Ралле», «в должность директора-распорядителя товарищества заступил Эдуард Эдуардович Бо», старший брат Эрнеста (братьев – они были от разных матерей – разделяла разница в возрасте более 20 лет). 7 мая 1898 года на заседании правления под председательством Эдуарда Бо решено было перевести фабрику на новое место – в Бутырки. Это был расчетливый, долгоиграющий ход. По соседству, на Панской улице, располагался хрустальный завод, принадлежавший другому русскому французу Дютфуа и выпускавший флаконы для парфюмов. А рядом прописалась и «Типо-литография Е. И. Патриарки», брата первой жены Эдуарда Бо и долголетнего партнера товарищества «Ралле», по его заказам он изготавливал этикетки, рекламные афиши и упаковки. Следует отметить и близость Савеловской железной дороги, от которой товарищество

отвело собственную, отдельную ветку. С тех пор, как писали в московских путеводителях конца XIX столетия, «эта местность, очень низкая, болотистая, сама по себе совершенно непригодная для размещения на ней людей, особенно при постоянных дождях», стала превращаться в развитый промышленный район. Вскоре туда был проведен городской трамвай, и в начале десятых годов Бутырки вошли в черту Москвы.

...Все поломала Первая мировая. Эрнест Бо перевел свои накопления в фонд поддержки раненых и поспешил добровольцем в армию. Во французскую, ибо числился гражданином Третьей республики. Воевал с германцем на совесть, был ранен и награжден: французскими и английскими орденами. В последние месяцы войны был прикомандирован к Русскому экспедиционному корпусу, присланному на помощь французам под Верденом... И главное – дождался победы! Правда, для русского француза она оказалась горькой. Из Москвы от вчерашних сотрудников пришла депеша: «Не возвращайтесь. Фирма национализирована. Ваше имущество конфисковано».

Где ты, прекрасная эпоха?!.. О ней писал в 1913 году поэт Сергей Соловьев, троюродный брат Александра Блока:

*Я снова полон сказкой детской,
И, бросив царственный Кавказ,
Мечта летит на мост Кузнецкий,
Как только пробил пятый час.
Там – царь девичьих идеалов –
В высоких ботиках Качалов
Проходит у дверей «Ралле»
И отражается в стекле
Изысканного магазина,
Откуда льется аромат.
Здесь сделала мне шах и мат
Твоя прелестная кузина,
И пусть мой прах сгниет в земле —
Душа летит к дверям «Ралле».*

Пять лет пройдет после публикации этих строк, и предприятие с шестью сотнями наименований в ассортименте, производившее, как гласила реклама, «более 200 запахов превосходных цветочных экстрактов», будет превращено большевиками в «Государственную мыловарню № 4 треста “Жиркость”». И начнет выпускать лишь один продукт: дешевое мыло, пахнущее мокрыми тряпками.

Русский запах снега

В восприятии Эрнеста Бо это прозвучало как наглый вызов цивилизации. Тридцатисемилетний офицер с боевым опытом, человек кипучего темперамента не мог оставаться в стороне от борьбы. В его глазах с абсолютным злом – с большевизмом. Летом 1918 года парфюмер в погонах высадится на причале Соборной пристани Архангельска в составе контингента франко-британских войск. И сразу ринется в бой: возглавит отряд добровольцев, который выбьет из города Онега занявших его красноармейцев. Бо получит за храбрость от Временного правительства Северной области орден Святого равноапостольного великого князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Лейтенанта, владеющего русским языком, привлекают к деятельности разведывательного отдела штаба Главного верховного командования союзных войск. Тут-то и начинаются, мягко говоря, странные «непонятки»!

«... Лейтенант Бо, бывший крупный московский коммерсант, среднего роста, толстый, с круглой, обрюзгой бритой физиономией, напоминающей бульдога. С широкой инициативой в проявлении зверств, Бо был типичным жандармом и охранником. Под его “отеческим попечением” и находился лагерь военнопленных на острове Мудьюг».

Коко Шанель и великий князь Дмитрий Павлович Романов. 1920-е годы

Так пишет революционер Павел Рассказов в своих «Записках заключенного». Это о ком? Неужели об Эрнесте Эдуардовиче, красавце-бонвиване, хранителе безукоризненного стиля, собирателе картин и холемом завсегдае театров? Тем более что никаких свидетельств о зверствах со стороны Бо не сохранилось: мемуары, судя по всему, крепко пахивают пропагандой. Правда, Рассказов (он станет видной фигурой у большевиков, пока не погибнет от «испанки») утверждал, будто, когда заключенные лагеря потребовали соблюдения их прав, Бо обрезал недовольных: «Вы не люди, а большевики! Бандиты и изменники родины».

«Рассказов описывает его как бульдога с круглой физиономией. А на этих фотографиях совсем другой человек, — показывая

портреты Бо, недоумевает Владислав Голдин, историк, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. — В процитированных выше заметках о нем, очевидно, звучат неприязнь, предвзятость, скажу прямо, ненависть... Для Бо как французского офицера лейтмотив высадки союзников в Архангельске заключался в том, чтобы реализовать военно-стратегические цели Антанты, охранять склады. А большевики в его глазах — германофилы. Союзники прибыли защищать Север от возможного вторжения немцев и белофиннов. Значит, те, кто с большевиками, — это враги, сторонники немцев. Вот такое упрощенное восприятие было, вполне вероятно, у Бо... Большевики заключили в Бресте мировое

соглашение с германцами, значит — они предатели России».

Это, если учесть специфику времени, понятно. Потомственный монархист, Бо был убежден в преступной природе большевистского переворота. Старая Россия казалась ему прекрасной, а новая — невежественной, грязной и дурно пахнущей... Вернувшись во Францию, Эрнест Эдуардович начинает новую жизнь, тоже на заводе «Ралле», но только в Грасе, одной из столиц мировой парфюмерии. Оттуда рукой подать до Ниццы, заполненной белыми эмигрантами. Знакомые все лица! Великий князь Дмитрий Павлович (высланный из России за убийство Распутина и таким образом спасшийся от расстрела большевиками) знакомит парфюмера со своей богемной пассией: «Габриэль начинает тернистый путь

в от-кутюр. Если она запустит свой фирменный аромат, это поможет ее карьере...»

Стройная мадмуазель Шанель с умелым макияжем и с мальчишеской прической понравилась Бо.

Коко и понятия не имела, что альдегидный «коктейль» № 5 (парфюмерная композиция, созданная на основе синтетических органических соединений) был данью Эрнеста Эдуардовича прежней жизни. Ведь это были «зимние духи», раскрывающиеся на морозном воздухе. Их еще прозвали когда-то на «Ралле» «духами для меха». В нулевые годы прошлого века мода душить меха из Москвы и Санкт-Петербурга дошла и до Европы...

Тающая зимняя нота — вот откровение Бо, записывавшего формулы парфюмов так, как композитор слагает партитуры своих произведений. Сам же «композитор духов» так ответил на вопрос, что вдохновляло его при создании «Шанель № 5»: «Я создал эти духи в 1920 году, когда вернулся с войны. Часть моей военной кампании прошла на севере и за Полярным кругом, во время полуночного солнцестояния, когда озера и реки источают особую свежесть. Этот характерный запах я сохранил в своей памяти...»

«Эрнест Бо — ключевая фигура в парфюмерии — не только российской, но и мирового масштаба, — считает Матвей Юдов, эксперт-парфюмер. — Он человек, который во многом предопределил будущее развитие парфюмерии. Тот аромат, который Бо создал более 100 лет назад, можно назвать новаторским, уникальным и авангардным. Это был большой шаг от парфюмерии как ремесла (когда мастера обоняния просто брали душистые вещества, которые приятно пахнут, и смешивали их в разных соотношениях) к тому, чтобы парфюмерия превратилась в изысканное

искусство и тонкий способ самовыражения».

Эрнест Бо стал первым, кто приравнивал парфюмерию к искусству: «Поскольку для меня парфюмерия — есть искусство, настоящий парфюмер должен быть художником... Точно так же, как художник сохранит свою палитру, даже если он сменит стиль, парфюмер может узнать свой стиль именно по той гамме веществ, которую он, как правило, использует... Если наши мысли — просто фантазия, то благодаря таланту парфюмера эта фантазия находит возможность для реализации; эти мысли, кстати, обязательно находятся под влиянием среды, в которой мы живем, книг, которые мы прочитали, и художников, которых мы предпочитаем. Это были для меня французские поэты и писатели и также поэзия Пушкина, произведения Тургенева и Достоевского, музыка Бетховена, Дебюсси, Бородина, Мусоргского. Императорский театр с его балетом и Московский художественный театр, художники французской школы и великие русские мэтры Серов, Левитан, Репин и многие другие, и особенно художественная среда, в которой мне так нравилось бывать» (из статьи, написанной Эрнестом Бо для французского журнала «Парфюмерная индустрия», 1946, № 7).

Говоривший «акающей» московской скороговоркой, Бо любил читать нараспев стихи своего товарища по русской эмиграции Дона Аминадо, известного парижского литератора:

*Но один есть в мире запах,
И одна есть в мире нега,
Это русский зимний полдень,
Это русский запах снега.*

Что бы Эрнест Эдуардович ни делал, всюду ощущалась частица России. И в русской масонской ложе «Свободная Россия», созданной

им вместе с писателем Марком Алдановым, историком Константином Грюнвальдом и последним послом Российской империи во Франции Василием Маклаковым. И в его квартире на бульваре Делессер, превращенной в музей русского антиквариата. И в лабораториях косметических компаний (в том числе — «Шанель» и «Буржуа»), где он работал и где вместе с ним трудились десятки русских эмигрантов...

«Иногда, чувствуя, что сумел верно передать то, что искал, и будучи в особенно хорошем настроении, Эрнест принимал победоносный вид и, смеясь, объявлял, что чувствует себя Наполеоном французской парфюмерии, — вспоминал о Бо его ученик Константин Веригин (впоследствии он будет неоднократно избираться председателем Ассоциации парфюмеров Франции). — Мы кланялись ему тогда придворным поклоном, и вся атмосфера лаборатории заряжалась творческой энергией, способствовавшей новым открытиям в области ароматов».

Всех их и не перечислишь. Уступив свою славу Шанель, Бо породил начало диктату кутюрье в мире парфюмерии, продолжающемуся по сей день. Не говоря уже о том, что альдегидные ароматы явились революционным изобретением, определившим развитие отрасли на века вперед. Эрнест Эдуардович лишь за год до смерти в 1961 году неохотно уступил место лидера парфюмерного искусства молодым мастерам.

Он ушел из жизни, чуть не дожив до восьмидесяти. Отпевание его состоялось в Нотр-Дам-де-Грас-де-Пасси в Париже. Пол в храме на скорбных проходах был в лепестках роз. Император парфюмерии ушел летом. Белые цветочные лепестки на плитах должны были изображать снег. Его русский снег...

НАШИМ СОВРЕМЕННОКАМ

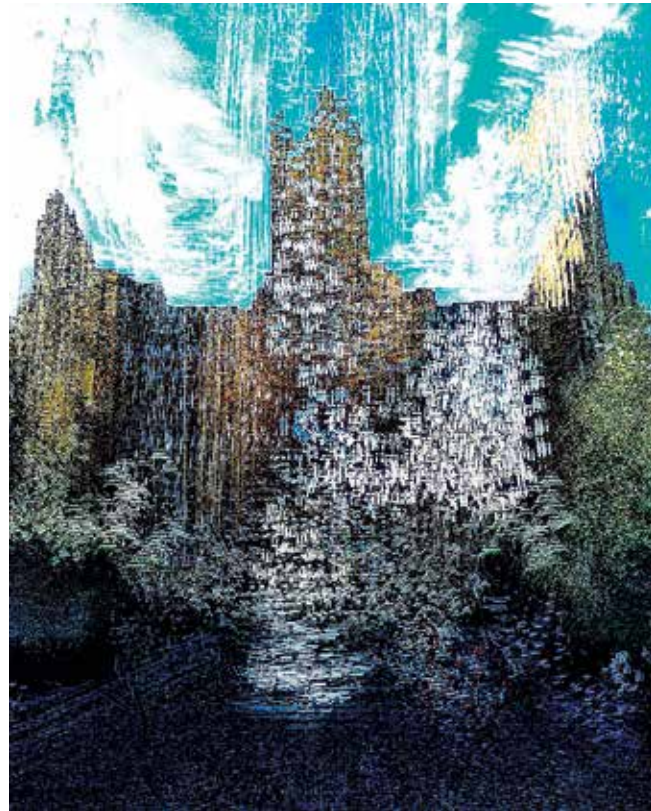
ЛОВЕЦ СНОВ

Сергей Кармеев – фотограф с оптикой живописца

МАРИЯ МОСКВИЧЕВА

Из серии «Московские высоты»

На счету фотохудожника Сергея Кармеева более 30-ти персональных выставок в России и за рубежом, каждая из которых точно и при этом метафорично фиксирует важные явления культурной жизни или становится рефлексией момента, подчеркивая обаяние пейзажа за окном или философию забытого на столе бытового предмета. Впрочем, фотографией Кармеев не ограничивается. За полувековую карьеру саратовский мастер проявил себя и как автор кураторских проектов, объединяя художников разных жанров в качестве председателя

саратовского отделения Творческого союза художников России. В его багаже есть и музыкальный, и кинооператорский, и режиссерский опыт, а телепроект «Фотодуэль», где Сергей выступил ведущим и арт-директором, в 2017-м получил премию ТЭФИ. Рассказываем об особом взгляде фотохудожника.

Сергей Кармеев чем-то напоминает французского актера Венсана Касселя. Седые кудри, небрежно зачесанные назад, шарф, по-французски легкомысленно и в то же время элегантно повязанный на шее и тяжеленный

рюкзак с аппаратурой за спиной, с которым он почти никогда не расстаётся. Кажется, этот человек родился с камерой в руках: в любой ситуации его глаз находит удачный и неожиданный ракурс, и после легких манипуляций в фоторедакторе полученный снимок может за пару минут превратиться в картину с нотками импрессионизма.

Сергей рано взялся за камеру, но в юности мечтал быть ветеринарным врачом, хотел лечить лошадей, поэтому выбрал соответствующий факультет. Позже авторский стиль Кармеева прошел

ряд формаций, но студенческий опыт отпечатался в его художественных принципах: неживое автор превращает в одушевленное.

Наш герой родился 13 февраля 1961 года в городе Энгельсе, что на противоположном от Саратова берегу Волги, в семье инженера, который на досуге писал стихи и успешно публиковал их в журналах «Москва», «Нева», «Казань» и «Волга», и медсестры с прекрасным голосом. (Быть может, этим обусловлена поэтичность и музыкальность фотографий Кармеева?) Родители назвали его Искандером, возможно, вдохновившись творчеством Александра Герцена, использовавшим такой псевдоним, и заодно зарядив мальчика на будущие свершения (Искандер – значит *победитель*). Потом Кармеев меняет имя, но останется верен значению прежнего имени.

Первый фотоаппарат родители купили сыну в Москве. Это была легендарная «Смена-8М». Снимая на слайдовую пленку, Кармеев сразу начал экспериментировать. Он иногда не перематывал пленку, делая кадр один за другим. Так изображения накладывались друг на друга, создавая сновидческий эффект. Тогда фотограф и не думал, что идет дорогой дадаистов, которые использовали коллаж как метод деконструкции действительности. Только они накладывали друг на друга вырезки из журналов, а Кармеев начал соединять моменты жизни, показывая ее движение и настроение. Сейчас подобные опыты он практикует уже на цифровой камере или телефоне.

После института и армии Кармеев сначала работал фотокорреспондентом в газете «Коммунист», затем руководил Народной фотостудией «ЭПОС» в 1986–1988 годах, а оттуда попал на Нижне-Волжскую студию

Александру Родченко

кинохроники – старейшую студию хроникального и документального кино, базирующуюся в Саратове.

Поменяв еще несколько творческих мест работы (от фотостудии для юных техников

до фотолаборатории в институте Гипропромсельстрой), Кармеев получил предложение снимать спектакли культового театра АТХ (Академия театральных художеств), основанного Иваном Верховых

Москва. Новый Арбат

Борису Поплавскому

в 1988 году. Наум Клейман в одном из интервью 1990-х назвал АТХ лучшим театром Европы. И это утверждение не раз подтверждали другие эксперты. Так, спектакль «Почему я лучше всех?» по произведению Даниила Хармса, ставший визитной карточкой театра, называли лучшей хармсовской постановкой в Европе. До конца 1990-х театр переживал небывалый расцвет, но в 2000-х начались финансовые трудности, а Иван Верховых уехал работать в Москву к Петру Фоменко. Сегодня спектакли АТХ возникают на той или иной сцене светом: театра уже нет, но остались люди – сообщество, которое росло, творило и существовало вокруг экспериментальной сцены. В 2025 году актеры театра

во главе с Иваном Верховых собрались в Саратове, чтобы отметить дату основания АТХ сценами из легендарных старых спектаклей: «Прекрасность жизни» по Евгению Попову, «Правда, мы будем всегда?» по Сергею Козлову, «Когда пройдет пять лет» по Федерико Гарсии Лорке, «Незаживающий рай» по Владимиру Казакову и «Почему я лучше всех?» по Даниилу Хармсу. Кармеев снимал репетиции, прогоны и премьеры. Перед очередным спектаклем показал свой авторский фильм 2013 года «Невнешние признаки бытия», куда вошли лучшие его работы. Театр, конечно, скорректировал оптику фотографа. Больше десяти лет в режиме нон-стоп съемки сцены, где все как в жизни и в то же время на грани или даже за гранью реальности, обострили ощущение тонкого мира и, естественно, сработали как школа: мало кто видел столько оригинальных постановок классики. 2000-е обернулись для Кармеева увлекательной страницей знакомства с международной сценой фотографии и проявления на ней себя. На заре нового века Сергей создал российско-французскую ассоциацию для продвижения фотографии «Аметист Интернациональ». В 2002 году он познакомился с французским фотографом, режиссером, писателем и композитором Филиппом Буржуа Тристаном, с которым организовал ряд фотопроектов на Волге. Позже француз выучил русский, женился на сибирячке и осел в Новосибирске. Сергей же побывал с персональными выставками и групповыми проектами, собранными им как куратором, во Франции (Арк-Э-Сенан, Сен-Кло, Безансон, Париж), Канаде (Монреаль, Карлтон-Плейс), Швейцарии (Санкт-Галлен, Цюрих), Бельгии и Люксембурге.

Портрет девушки

Александр Н.

В то же время Кармеев приложил художественную фотографию к повседневной жизни. Саратовская мебельная фабрика «Мария» предложила мастеру сотрудничество, и в итоге его снимки материализовывались в виде панно из дерева или металла, которые встраивали в интерьер. Например, образец кухни, разработанной с участием знаменитого французского актера Жерара Депардье, был выставлен вместе с триптихом Сергея.

Еще одна увлекательная творческая глава связана с работой председателем саратовского регионального отделения ТСХР, которое Кармеев возглавлял в 2013–2018 годах. Он не только консолидировал вокруг себя творческое сообщество, но и сделал ряд важных для истории города проектов. Среди них – посвящение Кузьме Петрову-Водкину, уроженцу Хвалынского, что находится в двух часах от Саратова. К 100-летию художника Кармеев собрал 26 авторов, каждый из которых изготовил данный ему фрагмент картины Петрова-Водкина «Полдень» (1917) в своей технике (живопись, графика, текстиль, барельефы, цифровое искусство и т.д.). Все пазлы сложились в панно размером 300х400 см.

Отдельное место в биографии Кармеева занимает работа на съемочной площадке. Так, в 2021 году фотограф участвовал в качестве арт-директора в проекте «Жизнь. RU», который рассказывал о жизни людей в Москве, Петербурге, Саратове, Махачкале, а также в селах Лох (Саратовская область) и Хунзах (Дагестан).

В 2017-м Кармеев выступил ведущим и арт-директором телепроекта «Фотодуэль», где фотографии соревнуются в мастерстве в разных жанрах, а зрительское и профессиональное жюри определяет победителя. Пилот передачи был

Мальчик с леденцом

отмечен премией ТЭФИ и получил продолжение в 2023-м. Тогда в Петербурге был снят цикл из четырех передач, в которых принимали участие малоизвестные и опытные фотографы, в том числе фотограф-художник Эрмитажа Юрий Молодковец.

Соревнования в фотомастерстве, расширяя знания о приемах, технике и ракурсах современной фотографии, рассматриваются как форма коммуникации, которая может стать увлекательным квестом для друзей или коллег, даже находящихся далеко друг от друга. Возможно, этот проект когда-нибудь получит продолжение.

В 2024 году Кармеев стал приглашенным мастером фотшколы Зимнего международного фестиваля искусств в Сочи. На каждом

фестивале избранный фотограф дает мастер-классы и рассказывает о своем методе. В 2023-м таким мэтром был Георгий Пинхасов, лауреат международных премий, член фотоагентства *Magnum*, известный своим авторским стилем, где каждый кадр – некий паттерн, визуальный поток сознания, преобразующий повседневность в абстрактные и сюрреалистические образы. Кармеев, чья оптика синонимична пинхасовской, показывал в Сочи фильм «Безмятежный захват» – мультимедиа-подборку снимков, собранных опять же в атмосферный коллаж.

Сергей, который сейчас преподает фотомастерство в Институте развития бизнеса и технологий, так напутствует своих студентов: «Допускать присутствие разных

стилей, не забывая о главном – о чистоте линий».

В 2011 году, когда Сергей отмечал свой 50-летний юбилей, в Саратове прошла его ретроспектива «Ловец снов». Проект включил в себя экспозицию из 250 работ (от 100х100 см до 150х300 см). Название отражает авторский метод, к которому Сергей пришел еще до того, как тот стал мейнстримом. Это умение видеть незримое, будто расслаивающее реальность на грани сна и яви, сделало Сергея Кармеева неподражаемым «ловцом снов».

У Кармеева огромное количество сделанных и задуманных творческих проектов, в ближайших планах – показать новые работы в Москве. Однако главным в жизни Сергей считает свою большую семью с пятью детьми.

ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Продолжение. Начало читайте в № 169/9–10

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ

Йозеф Кремер. «Гай Марий в изгнании, сидящий среди руин Карфагена». XVIII

Кризис армии

До 108 года до Р.Х. служба в армии была почетным долгом. Служить в легионах разрешалось всякому, у кого было состояние стоимостью не менее 3000 сестерциев и кто мог купить оружие и снаряжение за свои собственные деньги. Легионер был гражданином, ополченцем.

Чтобы воевать уже в Италии, далеко от дома, тем более в Африке или в Галлии, нужна была постоянная армия. Нельзя же отрывать от своего труда земледельцев и ремесленников!

В 108 году до Р.Х. Гай Марий начал набирать в армию *всех* римских граждан, независимо от состояния. Все легионеры теперь служили за жалованье и круглый год.

Оружие и снаряжение у всех было одинаковое, купленное полководцем. Солдатам принадлежали трофеи, добытые на войне. По истечении срока службы все легионеры-италики, то есть представители народов, населявших Апеннинский полуостров, но не уроженцы непосредственно Рима, должны были получить римское гражданство, а римские граждане – денежный пенсioen и участок земли в завоеванном регионе, в котором они вышли в отставку.

Эти легионы еще могучи. Это еще пока граждане. До эпохи Антонинов (династия Антонинов правила с 96-года до н.э. по 192 год н.э.) легионер осознавал себя носителем римского

гражданства, римской культуры, римских добродетелей. Для негражданина служба оставалась способом приобрести гражданство. Но вот император Траян покорил Дакию в 101–106 годах по Р.Х. На Востоке были присоединены к Риму Великая Армения и Месопотамия, легионеры омыли котурны в водах Персидского залива. Из Дакии за считанные годы вывезли 165 тонн золота

и 331 тонну серебра... И в 106 году во всей империи отменили налоги. Все! Более того: каждый гражданин получил по 650 денариев – два годовых жалованья легионера.

Но это – последние завоевания Рима. Если нет завоеваний, откуда взять землю для ветеранов? Если нет ограбления новых земель, откуда взять золото и серебро, чтобы платить легионерам? Без легионов никак нельзя – варвары постоянно стремятся прорвать границу на севере и северо-востоке. С востока нажимают могучие централизованные государства. Армия необходима. Чтобы ее содержать, приходится повышать налоги. Сначала – в провинциях на неграждан. С 212 года – на всех подданных Римского государства.

Армия зависит от своего полководца. От императора? Да... Но она, случается, и сама ставит императоров. Уже в 68 году по Р.Х. легионы на Востоке провозглашают императором своего командующего – Веспасиана Флавия. Благодаря своим солдатам Флавий победил в Гражданской войне. Каракалла долго сидел на троне, потому что его поддерживала армия: он хорошо платил легионерам, лично пировал со многими центурионами. Но и убил Каракаллу глава его личной охраны – Макрин. Он сам, поспешивший провозгласить себя императором, тоже быстро погиб: понизил жалованье военных, и тогда от Макрина бежала почти вся армия – Гелиогабал платил больше. Макрина зарезали.

Александра Севера в 235 году легионеры убили за то, что он решил не воевать с германцами, а подкупить их вождей. Армия решила – это не по-римски! Убили императора, а трон отдали Максимиனு Фракийцу. Самого Фракийца тоже вскоре убили: полуграмотный сын легионера и готской женщины ненавидел всех грамотных и выгонял их из армии. А многие из них были

популярны. Солдаты убили Максимиана, его сына, его полководцев и всех друзей, а трупы оставили без погребения...

В дальнейшем историй про императоров, погубленных или поставленных армией во главе государства было невероятное количество. Уже это показывает, до какой степени армия становится самостоятельной силой. И притом вовсе не слугой Великого Рима, не вооруженной частью римского народа. Это уже совсем другая армия. В I в. по Р.Х. армия была армией римлян. К началу II в. по Р.Х. она стала армией италиков, которую все сильнее размывали выходцы из самых романизированных провинций – Азии, Африки, Бетики, Македонии, Южной Галлии.

С III века это все больше армия варваров. Септимий Север (146–211) разрешает занимать командные должности негражданам. При Константине, с 300 года, пограничные легионы начинают полностью формировать из варваров. У легионера нет перспективы – землю ему не дадут, пенсии платят нищенские и нерегулярно. Армия – даже не наемники, преследующие только свои эгоистические цели. Это или сброд, подонки римского общества (в армию вербуются беглые рабы, уголовники, должники), или варвары (чаще всего германцы), которые выслуживают гражданство.

Начиная с Септимия Севера правители постоянно повышают налоги: армия растет, легионерам надо платить. Этот сброд ничему не научишь.

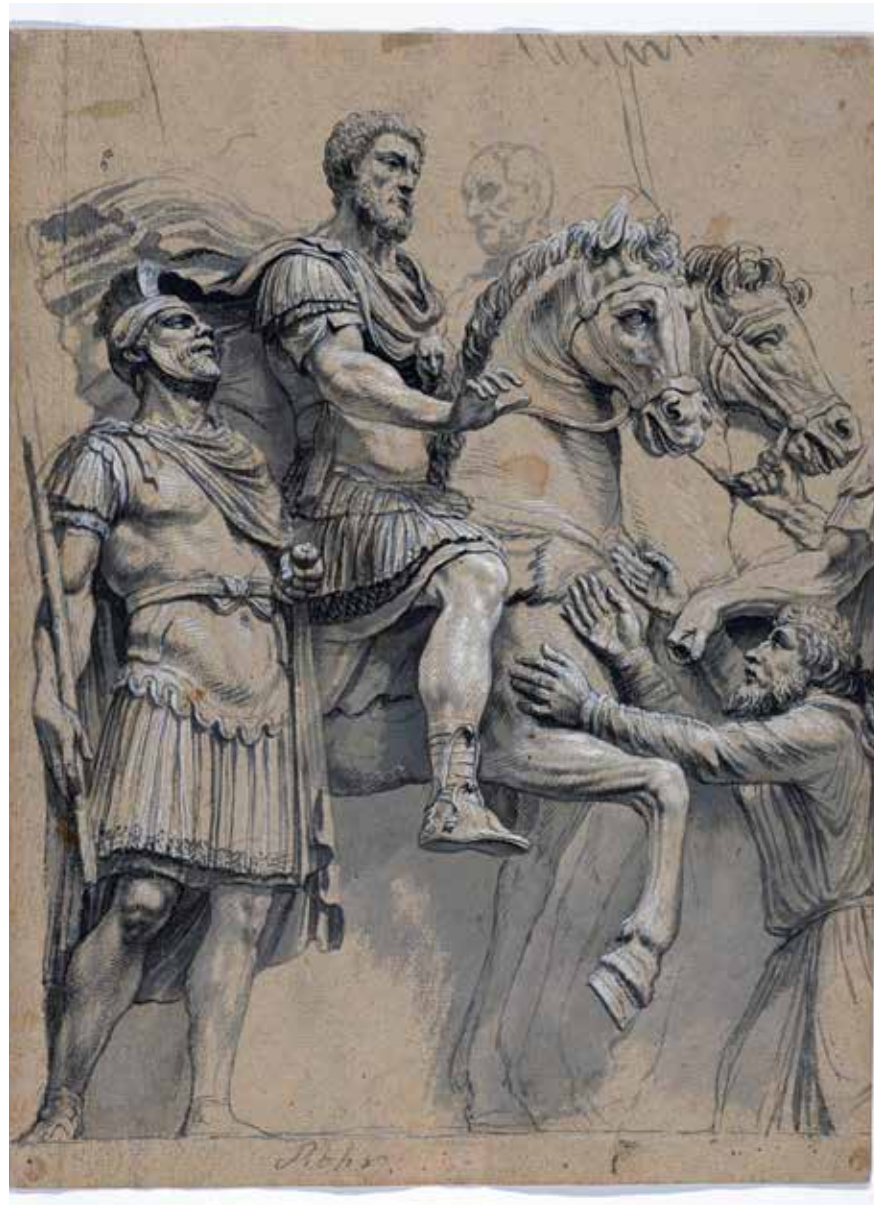
Место гладиуса (короткого обоюдоострого колющего солдатского меча) заменяет длинный меч, а дротики – длинное копье: легионеры двигаются и воюют менее плотным строем. Легионер уже не часть отработанной воинской машины. Дисциплина катастрофически падает. Легионеры не тащат на себе снаряжение, не строят

лагеря на месте любой остановки. Полководцам приходится нанимать или покупать лошадей и телеги, чтобы вести скарб, войско идет почти налегке. По шумным лагерям с высоким пламенем костров шатаются солдаты, опасные для собственных офицеров. Тут же торговцы вином, скупщики награбленного, проститутки-маркитантки.

К IV веку исчезает лучшая для своей эпохи Римская армия – с самым лучшим вооружением, опытными, хорошо подготовленными командирами, жесткой дисциплиной. Появилась громадная банда, опасная даже для своих командиров. Полководцы окружают себя особо доверенными солдатами. Римляне набирают таких солдат из земляков, варвары – из соплеменников. Их проверяют, им больше платят.

Можно ли было остановить деградацию армии? Конечно. В 621 году, после унижительных поражений от персов и аваров, византийский император Ираклий II провел реформу армии: стал брать в легионы только греков, армян, славян, готов – коренных народов Восточного Рима. Он объявил войну с Персией религиозной войной: войной христиан с язычниками. Как Крестовый поход. Солдат долго и тяжело тренировали – как в Риме времен Пунических войн.

Армия Ираклия шла в бой, неся хоругви и иконы с изображениями Богородицы и Спасителя. Армию спланировала принадлежность к одному государству, патриотизм и единая вера. Отбив аваров, Ираклий наголову разгромил Персию. В 628 году шаха Хосрова убили, Персия лежала в руинах и начала быстро христианизироваться. Во время триумфа 631 года в первой колеснице везли икону Богородицы. За ней пешком шел Ираклий II – последний император Рима и первый вассал Византии.

Марк Аврелий верхом на лошади; эскиз античной вазы. XVII

Причина гибели Западного Рима – он не смог сделать ничего похожего. Его армия оставалась бандой наемников, а не войском патриотов.

Римский народ размывается

Римская культура в Римском мире расцветала, потому что народы империи начинали говорить

на латинском языке, усваивали римскую традицию. Галлы, иберы, жители Африки и Малой Азии в другое время развивали бы культуру своих народов, но теперь они писали стихи на латинском языке, ваяли скульптуры на темы римской истории, строили мосты и акведуки, вели сельское хозяйство на своих виллах по советам Катона и Колумеллы.

Иберы и галлы переставали говорить на своих народных языках.

Самобытная культура иберийских и галльских народов замедлила свое развитие, в ней исчезали городские, сложные варианты. Если у галлов и была письменность до завоеваний Юлия Цезаря, то ее носители были уничтожены, а новая письменность не родилась. Всякий грамотный галл знал латынь. Какое-то время иберы и галлы еще помнили языки своих племен, но они ведь не имели письменности. На них не писались книги, не ставились театральные представления, не сообщались указы императоров и законы, не велись прения в суде. Иберийская и галльская культуры становились культурами бедного крестьянства, а потом вообще умирали. Но зато выходцы из Иберии и Галлии своим умом, трудолюбием и талантом усиливали римскую культуру.

Один из парадоксов истории: иудейский военачальник Иосиф бен Маттияху сделался вольноотпущенником императора Веспасиана и римским писателем Иосифом Флавием. Его сын и внуки превратились в обычных римских граждан. Внуки того, кто вел войска против Рима, сами служили в легионах. И это типичный пример, массовый.

В V веке до Р.Х. римлянами было несколько десятков тысяч жителей города Рима. Спустя тысячу лет римляне – десятки миллионов людей 30 или 40 разных народов. Блестящая победа. Ослепительный триумф. Но это совсем другие римляне. Даже императоры другие.

Септимий Север не любил Италии, любил свою родную Северную Африку. Он поставил памятник... Ганнибалу. Половина пленных Великой армии Наполеона после 1812 года осталась в России. Можете представить себе француза, который стал императором России и поставил памятник Наполеону? Или монгола, который сделался московским царем и поставил памятник Батю? А в Риме вот – случилось.

Марк Аврелий первым отпустил бороду, принял в Афинах титул архонта. После него была тьма императоров с говорящими прозвищами: «Араб», «Македонец», «Нумидиец». Не говоря уже о толпе бородатых, с самыми невероятными титулами. Превращение неримлян в римлян – триумф римской политики, способной преодолевать вражду завоевателей и завоеванных, но, естественно, ценой этого триумфа стало многократное исчезновение «старых» римлян. Рим растворился в италиках. Италия – в провинциалах. Провинциалы – в христианах.

Другой Рим

Тиберий отвергал титул господина – *dominus*. Он говорил, что господин – лишь для рабов. Для провинциалов он император, а для граждан – гражданин.

Домициан Флавий первым велел называть себя «богом и господином», за ним последовали еще несколько императоров. Но титул *доминус* не был официальным, император оставался в первую очередь первым сенатором, принцепсом.

Диоклетиан перестал даже формально быть первым сенатором и сделался господином, доминусом. Сделав столицей Никомедию в Малой Азии, что на берегах Мраморного моря, Диоклетиан ввел придворный церемониал, откровенно скопированный с нравов эллинистических царей и персидского ритуала. Далеко не всякий смертный мог видеть доминуса и обратиться к нему. Доминус появлялся со свитой, его визиты были торжественными и церемонными. Сидел доминус на возвышении, на троне. Придворные и все посетители должны были кланяться доминусу, падая на колени и prostираясь ниц, целовали ему край одежды, даже ноги.

Руины терм Диоклетиана в центре Рима

Кто лобызал сапоги императора? Гражданин? Конечно нет. Подданный, бесправный до убожества. Человек, лишенный собственности, ставший зависимым арендатором латифундий. С IV века и ремесленник все чаще закрепощается – не только помещиком, а государством. Ремесленник и даже торговец могли уйти, только найдя себе замену. Гражданин, прикрепленный к земле или к профессии? Нет это крепостной, почти что лишенный последнего отсвета свободы.

Императоры запрещают подданным владеть оружием. Нет больше вооруженных собственников, есть безоружные полурабы. Они и пресмыкаются перед императором, чиновником, владельцем земель, всяким богатым и знатным. В древних веках просиял Рим граждан, готовых умирать за свободу. В IV–V веках разваливался Рим разоруженных, согнутых в покорности полурабов.

Рабам не за что воевать.
Продолжение следует

АКАДЕМИЯ ЦАРЯ ПЕТРА

Петровский указ о создании первой Академии наук в России стал основой развития российской науки

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ

Здание Петербургской академии наук. 1783

В 1724 году в императорском Санкт-Петербурге произошло важнейшее событие в области науки и искусства, то есть в области культуры в целом. Указом императора Петра I в России была учреждена Петербургская академия наук (первое высшее научное учреждение Российской империи), а вместе с ней и Академия художеств.

В разные времена Академия носила разные названия: Императорская

академия наук и художеств (1724–1917), Российская академия наук (1917–1925), Академия наук СССР (1925–1991).

Сейчас Академия наук в Санкт-Петербурге – это общественная организация. А высшим научным учреждением в стране является Академия наук Российской Федерации.

То, что указ о создании первой Академии наук в России был издан Петром I, не должно никого удивлять. Его жажда к знаниям,

стремление к тому, чтобы его страна стала просвещенной и развитой, отмечались многими иностранцами, жившими в России или посещавшими ее. Однажды швейцарцы, жившие в Кукуе (московском районе, почти целиком населенном иностранцами), обступили своего соплеменника Франца Лефорта, который был близким другом и сподвижником царя, чтобы узнать, к какому из европейских вероисповеданий склоняется сейчас

царь после семнадцатимесячного пребывания в Европе.

– Царь Петр никогда не изменял своей религии, – усмехнулся Лефорт. – Эта религия – Знание.

Чтобы ответить так, надо было не только хорошо знать Петра I, но и глубоко и искренне уважать его.

Кругозор у Петра Алексеевича был широк, ум его отличался остротой и быстротой. Обладая русским царем и невероятной целеустремленностью. Еще до формирования Великого посольства, готовящегося к долгому пребыванию в Европе, царь выучил голландский язык, а с прибытием в Англию начал интенсивно изучать с двумя преподавателями английский. У него, безусловно, были способности к языкам: он делал,

по свидетельству окружения, феноменальные успехи.

Зарубежное путешествие царя осуществлялось инкогнито, под именем господина Михайлова. До Англии он посетил Голландию, где, как пишут историки, овладел четырнадцатью профессиями корабелов. Это, возможно, преувеличение, но то, что царь постарался вникнуть в деятельность самых разных предприятий и познакомиться со многими голландскими учеными и инженерами того времени, не вызывает сомнений. Он изучал также книгопечатание, встречался с учеными, которые работали над улучшением системы навигации, наносил визиты биологам и анатомам.

Когда он встретился с известным анатомом Фредериком Рюйшем, тот показал ему свою коллекцию зародышей человека и разных животных, а также человеческих органов, хранящихся в колбах и стеклянных сосудах. Она так понравилась царю, что он купил десятки сосудов с их содержимым и отправил их в Россию – для своей Кунсткамеры, которая должна была стать частью Музея естественной истории и всяческих редкостей.

С этими сосудами и колбами связана любопытная история. На пути в Россию матросы корабля, на котором везли необычную коллекцию, случайно обнаружили, что зародыши и органы находятся в спирте, и когда на судне кончились алкогольные напитки, стали переливать спирт из сосудов в бутылки и разбавлять его пресной водой.

Петр Алексеевич, к счастью, об этом никогда не узнал. Его гнев не было бы границ...

Петру очень нравилась идея создания большого научного общества, которое объединило бы выдающихся ученых, работающих в разных областях знаний, но способных трудиться также и совместно, особенно тогда, когда научные труды находятся в пограничных зонах их

усилий. Эта мысль была впервые высказана Петру Исааком Ньютоном во время их встречи в Англии, где по приглашению короля Уильяма III (Вильгельма III Оранского) пребывало возглавляемое царем Великое посольство. В Британии XVII века уже существовало Королевское научное общество.

К счастью, английские историки, а также ученые, с которыми общался царь Петр в Англии, бережно сохранили все, о чем он беседовал с членами Королевского научного общества, какие вопросы он им задавал, особенно когда речь шла о том, в чем он был малосведущ.

В России Петр почти не интересовался астрономией: впрочем, в то время ею вообще мало кто интересовался в России, разве что несколько иностранцев. Но в Англии интерес к этой науке у царя проснулся. Это случилось, когда он 6 февраля перебрался из Лондона в Детфорд, где находилась одна из самых больших военных верфей Англии, и поселился в особняке Сейз-корт, принадлежавшем известному архитектору и ботанику Джону Ивлину.

Поблизости, в Гринвиче, находилась Королевская обсерватория, и царь решил посетить ее. Он познакомился с Королевским астрономом сэром Джоном Фламстидом, обошел всю обсерваторию, долго рассматривал приборы и знаменитые английские квадранты и даже заглянул в кладовки, где хранились старые карты звездного неба. Он тут же предложил Фламстиду 50 гиней, чтобы эти карты купить, но тот отказался, сославшись на то, что они принадлежат Его Величеству королю, так как обсерватория является национальной и королевской, но порекомендовал магазины в Лондоне и Оксфорде, где можно было купить карты того же типа.

– А сколько лет надо учиться, чтобы стать хорошим астрономом? – спросил царь.

– Всю жизнь. Что же касается определения «хороший», то в нашем деле люди обычно узнают, что человек был хорошим астрономом, через сто или двести лет после его смерти.

Царь был очарован этим милым, немного странным человеком, полностью погруженным в свое занятие. Они встречались еще много раз, и царь задавал астроному множество вопросов, касающихся в первую очередь навигации, но также географии и астрономии.

С другой знаменитостью того времени и с одним из наиболее активных членов Королевского научного общества Петр I пообщался, что называется, «на высоте»: встреча с выдающимся архитектором сэром Кристофером Реном произошла на смотровой площадке построенного им Монумента в память о Великом лондонском пожаре. К этому времени царь уже познакомился и с другими шедеврами Рена: Морским госпиталем, Королевской биржей и Королевской обсерваторией, где он встречался с Фламстидом.

Царю пришлось преодолеть 311 ступеней, чтобы добраться до смотровой площадки Монумента, который представляет собой самую высокую в мире свободно стоящую колонну (61,57 м). Здесь его ожидал Кристофер Рен (встреча была организована по инициативе английского короля).

– Мне сказали, здесь должен быть и архитектор колонны, – заметил царь.

– Я к вашим услугам, господин Михайлов, – поспешил представиться Рен.

– Выражаю вам свое восхищение. Я несколько дней назад беседовал с Его Величеством и сказал ему, что, если бы я был его советником по архитектуре, я бы перевел свой двор в построенный вами Морской госпиталь, а ветеранов флота перевез бы во дворец Святого

Якова. Я знаю, сударь, что вы самый главный и самый уважаемый архитектор в стране, и я мечтаю, чтобы вы что-нибудь построили бы и для меня.

– Увы, господин Михайлов, король с каждым годом все больше нагружает меня работой, и у меня сложилось впечатление, что это будет продолжаться, пока я ему не надоем.

– Какая изящная форма отказа! Но я, сэр, умею ждать своего часа. Во всяком случае меня сопровождает рисовальщик из Греции, и он тщательно зарисовывает дома, созданные вами. Я велю моим архитекторам тщательно изучить ваши проекты.

– А какое здание из построенных мною вам понравилось больше всего? – спросил Рен.

– Здание Лондонской биржи, – объявил царь.

– Я так и думал. Но погодите, скоро обретет свои очертания и Собор Святого Павла. Это мое любимое детище.

Со временем русские архитекторы, включая Баженова, получают большой архив архитектурных чертежей и проектов, которые собирал и сам царь Петр, и десятки его эмиссаров на всем европейском континенте. В России даже родился стиль так называемого Петровского барокко, ведущим представителем которого стал Михаил Земцов. Изучив итальянский язык, он долго штудировал труды Андреа Палладио, а затем был помощником у архитектора Доменико Трезини.

По просьбе короля Уильяма царь согласился позировать королевскому художнику Годфри Неллеру. Так в память о пребывании Петра I в Англии был создан портрет, который и сегодня хранится в Кенсингтонском дворце и считается одним из лучших творений Неллера. Ему, кстати, позировали многие европейские монархи и почти все знаменитости его времени.

Петр был в полном восторге от созданного портрета, и можно понять почему. Лицо молодого гиганта на этом портрете мужественное, открытое, каким должно быть лицо подлинного рыцаря. Он облачен в сверкающие доспехи и мантию, подбитую горностаем. В руке его маршальский жезл, на боку – меч. Вся фигура говорит об уверенности в себе и твердости духа. На левом плече царя – русский герб. Фоном служит морской пейзаж с боевыми кораблями, над которыми развевается русский военно-морской флаг. Правда, этот морской пейзаж создан голландским пейзажистом Ван де Вельде Старшим.

Основными темами, которые царь чаще всего затрагивал в беседах с учеными, инженерами и кораблестроителями, были совершенствование навигации, конструкции боевых кораблей и оружейное дело. Проще всего решались вопросы, связанные с кораблестроением. Это происходило потому, что с самого начала король Уильям поручил Петра заботам талантливого кораблестроителя и молодого адмирала маркиза Кармартена. Царь проводил с ним много времени. Они часто плавали по Темзе на парусной лодке, причем Петр выполнял обязанности рулевого; ездили на верфи и на фабрики, где изготовлялся таке-лаж. Кармартен давал Петру уроки кораблестроительных работ, планировки и конструирования морских судов. Это было крайне важно для Петра. Он рано покинул Голландию и ее верфи, потому что обнаружил, что у голландцев не было планирования строительства кораблей, схем их постройки и графиков поставок деталей и материалов, – все осуществлялось по однажды утвержденному порядку. А Петру нужны были как раз схемы, планы, графики для организации собственного производства!

Кармартен оказался незаменимым учителем и другом. Блестящий

кораблестроитель, он создал новый тип легкого и быстрого парусного судна, которое оказалось крайне полезным в военном флоте.

Петру показали судно под названием «Королевский транспорт», и Кармартен шепнул на ухо царю, что это подарок короля Уильяма русскому монарху. Словом, в этой области все обстояло как нельзя лучше.

Когда главная часть программы, связанной с верфями и планами создания в России военно-морского флота, была выполнена, царь решил переключить свое внимание на английское вооружение и чеканку монет.

Он попросил отвезти его на Королевский арсенал. Увиденное потрясло его. Огромное количество механизмов, устройств, приборов, лабораторий, испытательных площадок и, конечно, специалистов самых разных профессий, которые занимались конструированием и испытанием пушек, мушкетеров, ружей и пистолетов разных калибров, созданием пороха для всех видов огнестрельного оружия и изучением множества орудийных лафетов. Вокруг царя кипела жизнь, словно требуя от него не только воссоздать увиденное в Англии в своей стране, но даже превзойти в этом англичан.

21 апреля 1698 года царь прощался с Лондоном. Он мечтал напоследок снова посетить Монетный двор, и Кармартен доставил его туда, как обещал.

Петр до этого уже дважды бывал на Монетном дворе. Ему показывали разные монеты, в том числе очень древние, и рассказывали историю Монетного двора и банковского дела в Англии, но в машинном зале, где, собственно, монеты и чеканились, он еще не был. Перед отъездом его отвели в этот зал и дали возможность все осмотреть, не позволяя, однако, ради безопасности приближаться к машинам, в которых были движущиеся части.

Портрет Петра I Великого работы Годфри Неллера. 1698

Портрет Екатерины I работы Жан-Марка Наттье. 1717

До этого дня самое сильное впечатление на царя произвел Королевский арсенал. Теперь образы того дня померкли перед зрелищем, которое предстало перед его глазами. Две машины, которые работали в тот день с полной нагрузкой, чеканили золотые гинеи и серебряные шиллинги. Они со звоном падали в ящики, и в каждом из них росла куча денег, а машины, не останавливаясь ни на минуту, продолжали выплевывать золотые и серебряные монеты.

Конечно, и в России чеканили монеты, но там не было таких машин, и процесс чеканки был долгим и сложным. Здесь же работали машины – и в большинстве случаев без участия человека: их приводила в движение сила ветра.

Исаак Ньютон, в ведении которого находился Монетный двор, подарил Петру I на прощание только что отчеканенные гинею и шиллинг.

Петр увозил из Лондона не только знания, но и большое количество книг, приборов, карт и схем, а также гравюр и рисовальных

принадлежностей. Увозил он и нечто более важное: король Уильям разрешил ему взять с собой в Россию более пятисот корабелов, техников, пушкарей, изготовителей парусов, медников, ветеринаров, оружейников, штурманов, инженеров и людей других профессий. То был людской фонд, на основе которого царь планировал взрастить сотни молодых специалистов для армии и флота. Некоторые из них стали капитанами в его новом военном и торговом флоте.

У читателя неизбежно возникнет вопрос: как оплатил царь Петр за все, что сделал для него английский монарх? Прощаясь с гостеприимным королем Уильямом, Петр вручил ему сверток. В нем был рубин, который лондонские ювелиры оценили в то время в 17 тысяч фунтов. Это примерно 50 миллионов фунтов в деньгах сегодняшнего дня.

Встречи с великими учеными, инженерами и строителями, несомненно, подготовили Петра I к созданию российского научного общества, и Фламстид в беседе с Ньютоном так выразил свою мысль на эту тему: «Поразительная жажда познания в этом монархе и стремление выявить и применить все лучшее, что он видит в другой стране, говорит о том, что он уже в скором времени создаст научное общество у себя на родине».

Этого, однако, не произошло. Петру I пришлось подавлять стрельцкий бунт (а он носил массовый и очень опасный для государства характер), затем создавать большую профессиональную армию, воевать со шведами, немцами, литовцами и запорожскими казаками, создавать практически на пустом месте кораблестроение, промышленность, горное дело, строить хорошие дороги. Вопросами науки он занимался всегда, но они были на периферии поставленных им задач. Очередь до нее дошла спустя

четверть века после его долгого знакомства с Европой.

Именной указ императора Петра I об учреждении Академии наук и художеств («Академии наук и курьезных художеств») был объявлен 22 января (2 февраля) 1724 года, а Сенатом был издан спустя шесть дней, 28 января (8 февраля) – в день смерти царя. Это значит, что царь работал над указом в последние дни своей жизни, будучи уже очень больным, и что он велел опубликовать его и отправить в Сенат для утверждения, находясь уже на смертном одре. Ему было всего 52 года, и этим указом он как бы завершил выполнение всех главных задач своей жизни.

Меншиков, его верный спутник, узнав о смерти Петра, произнес запомнившуюся окружению монарха фразу: «Он прожил не одну жизнь, а семь». Он имел в виду то, как много успел за свою жизнь этот талантливый, деятельный монарх, равно которому в истории найти трудно.

Рассматривая проект создания Академии, принятый Петром I, нельзя не увидеть принципиальной разницы между нею и западноевропейскими академиями. Во-первых, она создавалась не как свободное общество независимых ученых, работающих под патронажем монархов или вельмож, а как государственное учреждение, финансируемое из казны, члены которого, получая жалованье, как чиновники высокого ранга, трудятся над выполнением задач научно-технического характера в интересах государства. По замыслу царя и его советников, членами Академии наук должны были быть выдающиеся специалисты в своей области. Им полагалось следить за ее развитием в мире, знакомясь с обширной научной литературой, и на основе сделанных выводов составлять сводки по достигнутым научным результатам, участвовать в еженедельных заседаниях и годичных публичных

собраниях Академии, давать по требованию научные справки, составлять для студентов курсы по своей научной специальности, читать лекции Академическим университетам и гимназиям. Формально это могли быть отдельные учреждения, но на деле и члены Академии, и преподавательский штат университета были представлены одними и теми же людьми. Это означало, что Академия должна была совмещать функции и научных исследований, и процесса обучения.

Согласно указу Сената, каждый академик должен был составить учебное руководство для учащегося юношества и каждый день по часу заниматься публичным преподаванием своего предмета. Академик должен был подготовить одного или двух воспитанников, которые бы со временем могли заменить его на его нынешнем посту, причем Петр высказал желание, «чтобы такие были выбираемы из славянского народа, дабы могли удобнее русских учить».

На содержание Академии было выделено 24 912 рублей «из таможенных и лицензных доходов, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга».

Со смертью Петра закончилась эпоха глубоких и беспримерных преобразований в жизни России, но проложенный им путь долгие годы служил образцом для формирования основных направлений ее развития. На престол после смерти Петра возшла его вторая жена Екатерина I.

Настоящее ее имя было Марта Скавронская, она родилась в Лифляндии в крестьянской семье, рано была выдана замуж за драгуна, а потом состояла при графе Шереметеве и при Меншикове, пока в нее не влюбился и не забрал к себе Петр. Екатерину, которая приняла православие, он любил и даже учредил в ее честь орден Св. Екатерины. Она стала постоянной его

спутницей и участницей многих его путешествий и дел.

Екатерина I, конечно, не могла стать политической фигурой и государственным деятелем, но она была по-житейски умна и после смерти мужа решила: она будет, согласно советам друзей царя Петра, продолжать им начатые дела, а заодно увеличивать благосостояние своих родственников, раздавая им титулы и поместья. Впрочем, правила она недолго (умерла в 1727 году в возрасте 43 лет).

Самыми важными из ее указов применительно к Петровской академии наук и искусств были Именной указ императрицы Екатерины I от 23 февраля (6 марта) 1725 года «О приглашении ученых людей в Российскую академию наук и о выдаче, желающим ехать в Россию, нужных пособий», представленный российскому послу князю А. Б. Куракину, а также Именной указ императрицы от 7 (18) декабря 1725 года «О заведении Академии наук и о назначении оной президентом лейб-медика Блюментроста», объявленный Сенатом 21 декабря 1725 (1 января 1726).

К ее заслугам относят также строительство типографии Академии наук и искусств.

Если взглянуть на список первых членов Петровской академии, ничто не говорит о том, что это Академия российская: в нее входили поначалу Блюментрост, Шумахер, Шерман, Мартин, Коль, Бильфингер, три брата Бернулли, Ливернуа, Байер, Бракенштейн и др. Правда, список почетных членов Академии был весьма впечатляющим: Вольтер, Дидро, Гете, Гумбольдт, Дарвин, Франклин.

До 1747 года у Петровской академии не было официального устава. Действовали лишь некоторые пункты собственно проекта учреждения Академии в части финансирования и бюджета, которые были составлены по указаниям

Кирилл Григорьевич Разумовский, президент Петербургской академии наук с 1746 по 1798 год

Петра I. А действовали они так долго, вероятно, потому, что на них были личные резолюции императора. Но некоторые перемены в положениях об Академии происходили. К примеру, в 1740-е годы была введена присяга для членов Академии.

Здесь надо, наверное, заметить, что не только при создании Академии, но и на протяжении долгого времени после смерти Петра I Российскую академию наук и искусств только с натяжкой можно было назвать российской. Известно, что, когда она создавалась, царь с охотой

приглашал в нее ученых Европы, потому что своих у него было мало, и он рассчитывал, что под их крыльями число русских ученых будет быстро расти.

Но и Екатерина I, и царствовавшая с 1730 по 1740 год племянница Петра I Анна Иоанновна отдавали предпочтение иностранным ученым. При Анне, фаворитом которой был немец Бирон, число немцев в бюрократическом аппарате и в армии, а также, конечно, и в Академии достигло явного большинства. Даже дочь Петра императрица Елизавета, которая пыталась «вернуть страну к петровским порядкам», часто предпочитала продвигать в академии иностранных ученых и редко жаловала талантливых молодых русских ученых.

Между тем первый «Регламент Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге» и «Штат Санкт-Петербургской Императорской академии наук и художеств» (с разделением ее собственно на Академию и Университет) были утверждены именно императрицей Елизаветой Петровной 24 июля (4 августа) 1747 года.

Спустя 56 лет император Александр I утвердил новый «Регламент Императорской академии наук» и «Примерный штат академии наук», а в марте 1830 года император Николай I утвердил измененные им «Устав Императорской Санкт-Петербургской академии наук» и «Штат Императорской Санкт-Петербургской академии наук», а также повелел Академии издавать небольшие труды своих членов в сборнике под заглавием «Записки Императорской Академии Наук».

Нельзя не упомянуть здесь и рескрипт, утвержденный 19 (31) октября 1841 года императором Николаем I («Положение об Отделении Русского языка и словесности при Императорской академии наук») и направленный министру

народного просвещения. В результате Императорская Российская академия была присоединена к Императорской академии наук в виде особого Отделения Русского языка и словесности. Это означало, что теперь академиками и профессорами Академии наук могли стать выдающиеся литераторы России.

Начиная с середины XVIII века в Академии шел довольно медленный процесс, который историки академической науки в России назвали «русификацией». Число русских ученых в Академии росло, увеличивалась также доля наук, связанных с историей, литературой и искусством России.

Первым российским президентом Академии стал граф К. Г. Разумовский, назначенный на этот пост в 1746 году. Первыми русскими академиками стали С. П. Крашенинников, М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, а позже – астрономы Н. И. Попов, С. Я. Румовский, П. Б. Иноходцев, натуралисты И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский, В. Ф. Зуев и многие другие.

Однако Академия все равно воспринималась и населением России, и за рубежом как «немецкая», а ее текущая документация длительное время после Ломоносова велась на иностранных языках. Со дня основания и до 1733 года протоколы Академии велись на латинском языке, в 1734–1741 годах – на немецком, в 1742–1766 годах – вновь на латинском, в 1767–1772 годах – вновь на немецком, а с 1773 года – на французском.

Между тем масштабы научных и исследовательских работ в Академии к наступлению XIX века поражают воображение. Особо нужно отметить географические экспедиции. Начало XIX века стало новым ярким этапом в истории русских географических исследований. В первой половине XIX века российское правительство

организовало около 50 крупных морских путешествий, в которых, как правило, участвовали натуралисты Академии. Было осуществлено первое кругосветное путешествие под руководством И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. Важным событием в развитии географических исследований стала первая русская антарктическая экспедиция 1819–1821 годов под руководством Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева. Эти экспедиции, как считают историки, превратили Санкт-Петербург в один из центров мировой географии. Ценность зоологических коллекций и ботанических гербариев тех лет в наши дни многократно возросла. Ведь только по ним можно судить о видах, исчезнувших за последние два столетия.

С 1841 года протоколы Академии стали вести на русском языке. Однако историко-филологическое и физико-математическое отделения перешли на русский язык только в 1864 году.

Этот год стал в известном смысле символическим рубежом не только в истории Академии, но и всей России; как известно, тогда была практически завершена важнейшая реформа – отмена крепостного права. В том же году правительство Российской империи официально признало, что плачевные итоги Крымской войны остались в прошлом и благодаря развитию науки и техники торгово-промышленный потенциал страны существенно возрос. Но еще важнее то, что последняя треть XIX века стала, по сути, периодом невиданного ранее расцвета науки и искусства.

Огромные успехи делали российские ученые в области математики, физики и механики. Одним из крупнейших математиков XIX века стал Пафнутий Львович Чебышев. Им созданы новые направления в математическом анализе, теории

функций, теории вероятностей и теории чисел.

Большое значение для разработки фундаментальных проблем аэродинамики имели труды Н. Е. Жуковского и С. А. Чаплыгина. Б. С. Якоби изобрел гальванопластику и судовой электродвигатель. Выдающийся вклад внес А. С. Попов в изобретение радио в конце XIX века. Гениальный химик Д. И. Менделеев стал творцом Периодической системы химических элементов.

На рубеже XIX–XX веков Россия дала миру такие имена, как Д. И. Ивановский – первооткрыватель вирусов. И. И. Мечников стал одним из первых Нобелевских лауреатов, раскрыв клеточные механизмы иммунитета.

Трудами В. И. Вернадского были заложены основы новых наук – геохимии, а позднее радиохимии и радиогеологии. Его учение о биосфере и ноосфере играет сегодня большую роль в решении экологических проблем. Крупнейшим открытием, относящимся к истории Земли, стало установление нового периода палеозоя, названного Пермским. В этот период были открыты первые значительные месторождения платины на Урале, урана – в Фергане, нефти – в районе Баку, золота и угля – в Сибири.

Важной задачей Академии наук было также совершенствование русского языка. В Отделении русского языка и словесности наряду с крупными лингвистами состояли русские писатели П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, А. Н. Майков, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, А. К. Толстой, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет и другие.

Ученые той эпохи создали фундамент, на котором строились в последующие времена наука и технологии шестой части земли.

ОН МИР УСЛЫШАЛ КАК БЛАГУЮ ВЕСТЬ

К 85-летию поэта, прозаика и востоковеда Александра Сенкевича

ЛЕОНИД ВОРОНИН

Карла Маркса, но мы-то, жившие совсем рядом, знали ее истинное название, открывавшее давние московские тайны.

К одной из этих тайн и ведет нас Старая Басманная – к купеческому кабаку «Разгуляй», не сохранившемуся до наших дней, но оставившему память о себе в названии московской площади. Память не только историческую, но и литературную. Об этом и вспоминали мы с моим товарищем, когда, подходя к «Разгуляю», останавливались у дома Василия Львовича Пушкина, дяди Александра Сергеевича и автора скандальной поэмы «Опасный сосед». Герой ее Буянов, которого Пушкин назвал в «Евгении Онегине» своим «двоюродным братом», рвется к блудницам, к цыганкам, к «трактирам с плясунами».

А у Сенкевича никаких литературных первоисточников, у него свой «Разгуляй»: «Купцы ехали к женщинам, // к огню и неге, // и хотелось сжечь им плоть, как деньги...»

Но мало этого, мало: не одолеть человеку тоску по непознанным чувствам, чтобы «вечно увидеть воочию». На вечере поэзии в молодежном кафе в начале 1960-х годов Александр получил записку: «От всего райкома комсомола просим: давай “Тоску”!» А это значило: читай стихи о купцах, ехавших «к огню и неге».

Он до сих пор хранит эту записку как приметку наступающей «оттепели» 1960-х годов, той «оттепели», которая воспринималась тогда как

глоток свободы, как шаги к духовной раскованности человека.

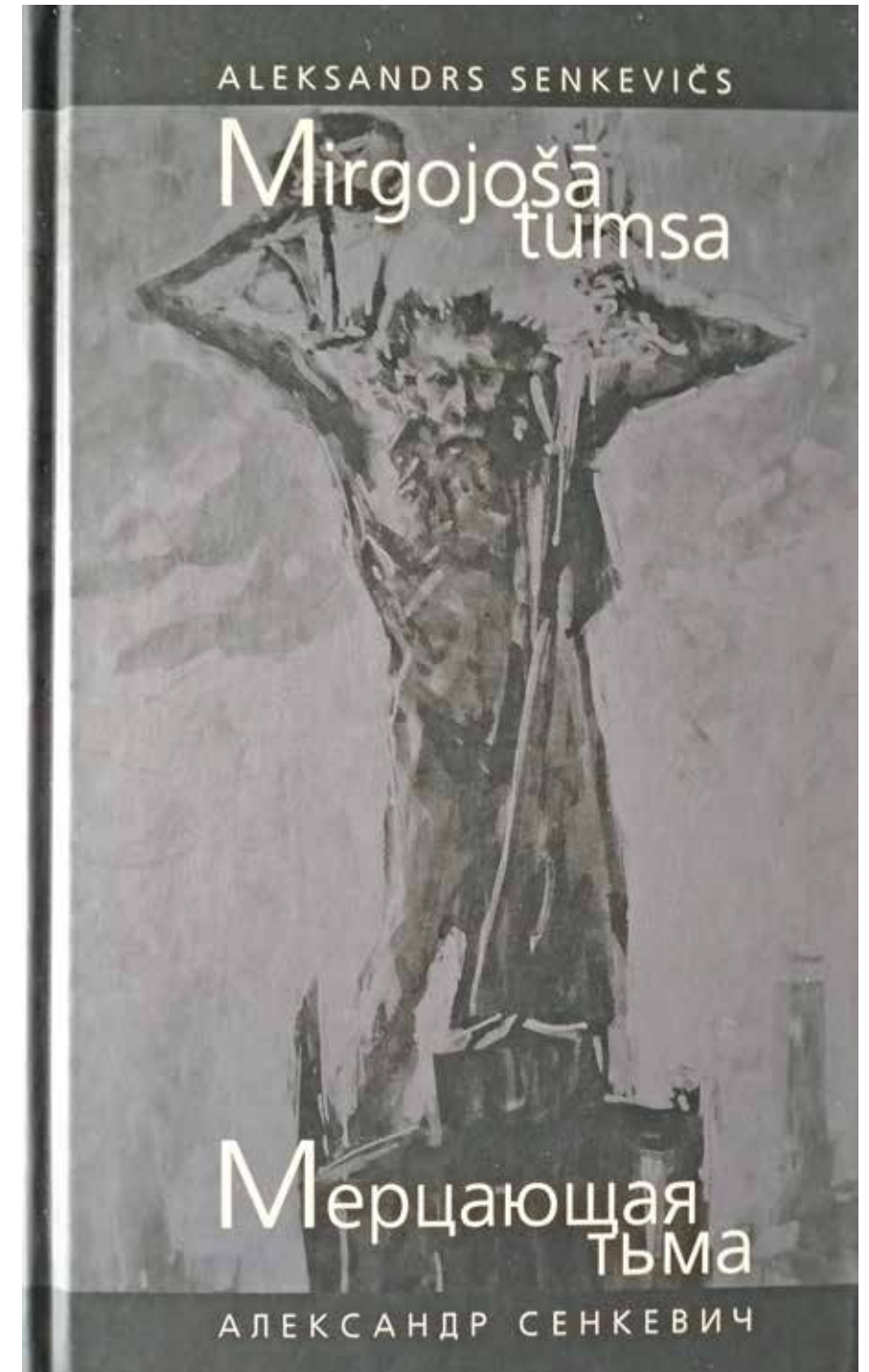
На одном из вечеров поэзии в дни «оттепели» Саша познакомился с Андреем Вознесенским. И тот терпеливо выслушал его стихи – и давние, и недавние. Самые разные стихи, среди которых было и прямое ему подражание. Но Вознесенский заметил и другое, принципиально важное: как в услышанных им стихах молодого поэта пробивался его собственный голос, чутко передававший ритмическое движение стиха.

Однако опекой Вознесенского Сенкевич не воспользовался, доверившись собственному осмыслению поисков и обретений русской поэзии. Как он однажды мне признался, Вознесенский своим мощным поэтическим даром делал из него эпигона. И Саша резко и неожиданно для мэтра от него отошел.

Правда, однажды, в июне 1964 года, он откликнулся на приглашение автора «Мастеров» и пришел на встречу с Жан-Полем Сартром. Вознесенский представил Сенкевича французскому философу и попросил прочитать ему два стихотворения на выбор. Саша вспоминает, что прочитал о битниках и Пушкине, а еще о похоронах Пастернака.

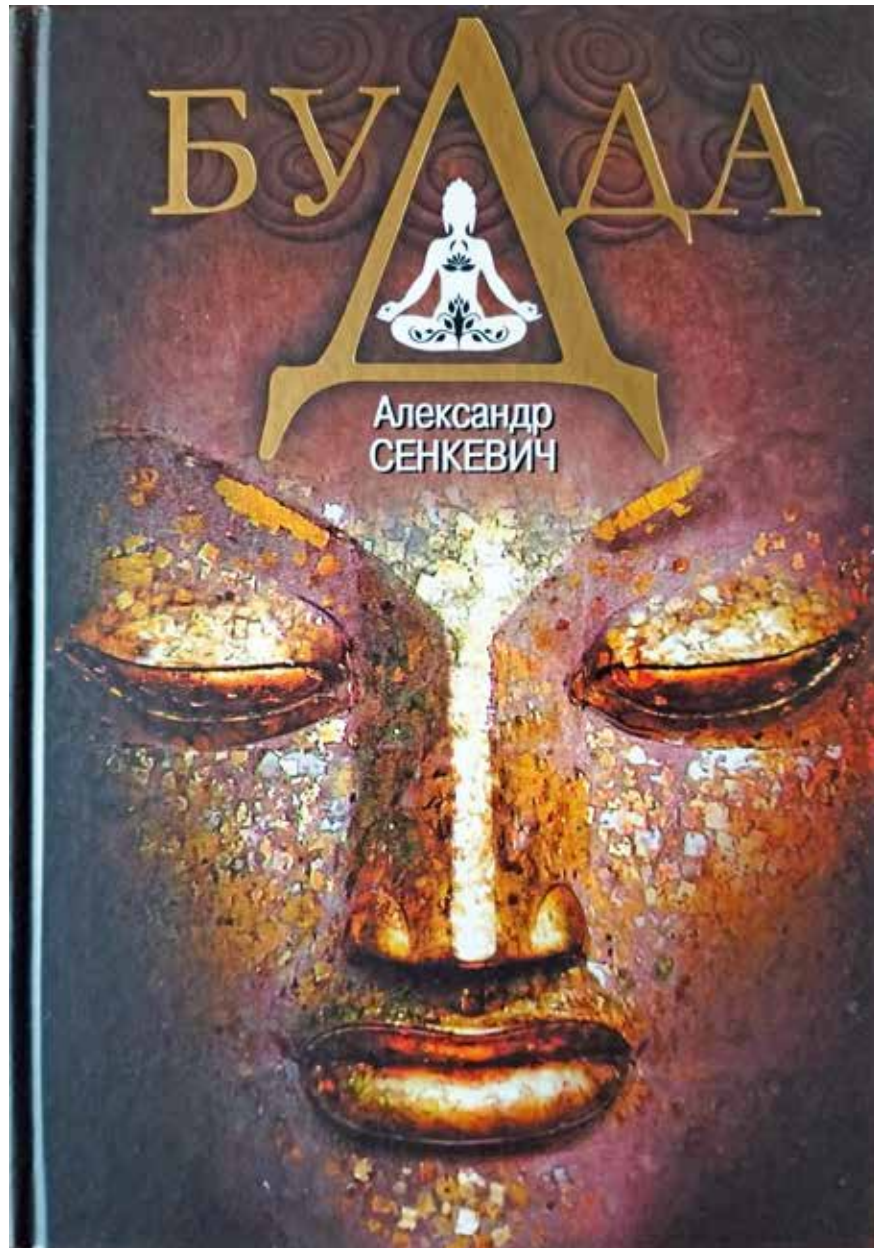
У Сенкевича мало что осталось в памяти о той встрече с Сартром, о котором он знал только понаслышке. Литературные объединения он на дух не переносил. Надеюсь, что Сартр его не осудил. Ведь кумир молодых французов проповедовал, что свобода выбора для человека превыше всего на свете и отбирать ее у него – преступление.

Сашины родители по профессии были геологами. Большую часть года они проводили в экспедициях в разных частях Советского Союза. То в Казахстане, то в Грузии, то в Туве. В те годы, когда

мы познакомились, они работали в Монголии. Сашин младший брат Николай, будущий художник, был с ними, а Саша оставался под присмотром бабушки со стороны его матери. Ее звали Варвара Ивановна. По профессии она была

учительницей и запомнилась мне как доброжелательная женщина, обожающая своего старшего внука. Саша приглашал в дом многих своих однокашников из Института восточных языков при МГУ, где он учился на индолога. У него было

много поклонниц – даже с других факультетов МГУ и из театральных вузов. В то время он подрабатывал как сценарист в Молодежной редакции Центрального телевидения. По основной своей профессии Александр индолог-литературовед. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы Академии наук, где проработал с 1970 по 2002 год. С 2003 по 2014 год он возглавлял «Общество культурного

и делового сотрудничества с Индией». При нем оно приобрело международный статус. Целями этой общественной организации было как прямое содействие развитию взаимопонимания, доверия, культурного сотрудничества между общественностью России и Индии, так и установление прямых связей с индийскими культурными, научными организациями и учреждениями, высшими учебными заведениями и деловыми кругами.

Однако эта деятельность затрагивала небольшой круг наших соотечественников. Большинство наших сограждан привлекало что-то другое. А именно – индийская культурная традиция. Ведь она не прерывалась почти сорок столетий. Явление единственное в мировой цивилизации. Сколько же талантливых людей из далекого прошлого, наделенных художественным даром, смогли, не торопясь, на протяжении долгого времени наблюдать окружающий мир, и то, что они увидели и художественно осознали, материализовалось в слове, музыке, камне и железе!

Обо всем этом размышляет Александр, передавая духовную силу и непреходящие этические нормы древнеиндийского эпоса в емкой поэтической зарисовке «Бык Нанди у храма Шивы»:

*Стесанный временем
каменный бык
притулился у храма.
Он словно валун у реки –
истаяла форма.*

*Я, наклонившись,
услышал:
дышит жарко и мерно
тысячелетний неумирающий бык.*

Сенкевич посвятил две книги литературе на языке хинди. Одну – поэтическому творчеству Хариваншрая Баччана, классика поэзии на языке хинди, а другую – поэтам «новой волны». Это Агъей, Муктибодх, Кайлаш Ваджпейи, Рагхувир Сахай, Сарвешвар Даял Саксена, Шрикант Варма, Нагендра Джайн и многие другие. В ней впервые в России был дан анализ эволюции поэзии хинди эпохи независимости в сопоставлении как с местной традицией, так и с основными тенденциями зарубежной поэзии XX века, в том числе с творчеством Т. С. Элиота, Велимира

Хлебникова и Владимира Маяковского. Эти книги, переведенные на язык хинди, неоднократно издавались в Индии.

Итог востоковедческой работы Александра Сенкевича – защита в 1990 году докторской диссертации «Художественные направления в индийской литературе XX века. Поэзия хинди». На защиту диссертации пришел Сергей Аверинцев, широко известный уже в те годы выдающийся русский ученый, к суждениям которого прислушались самые крупные специалисты. Он хорошо знал нас с Александром и оставался в зале до оглашения результатов тайного голосования в диссертационном совете. Оставался, чтобы поддержать Сенкевича. «Я Сашу в обиду не дам», – услышал я слова Сергея Сергеевича, и это до глубины души тронуло нас с Сашей.

Муза – натура путешествующая. Она может посетить любой уголок земли и вдохновить человека. Как утверждал академик В. И. Вернадский, в Индии, и особенно в Гималаях, очень плотная и насыщенная ноосфера – сфера разума. И много в этой ноосфере доброго начала, добрых мыслей, которые имеют свою волну.

Понятно, что Александра вдохновляет муза дальних странствий. Именно поэтому в его стихах – янтарь Балтии и снег российских равнин, пестрый восточный базар и Гималайские пики. Его стихи открывают нам мир не только вширь, но и в глубину, в глубину человеческой души.

А путешествие в эту страну бесконечно. Как бесконечны и неожиданно разнообразны встречи в разных уголках земли. Вот они, отраженные в его поэтическом творчестве. Это парижская встреча с Матиссом, расслабленные женщины которого «обманщицы, метрески и актрисы», разбросаны, «как розы на полу».

А над Парижем Матисса «плещется звездный поток» Марины Цветаевой, поток «присмирившей в мгновенье Вселенной и, ласкаясь, касается ног».

2011 год стал поистине урожайным для Сенкевича. В серии «Поэтическая библиотека» в московском издательстве «Время» вышла его книга стихов «Скользят тени». А вслед за ней в Риге тогда же появилось переиздание его сборника «Западание клавиш», дополненное новыми стихами.

В том же 2011 году на экраны вышла работа режиссера Леси Мацко, чьи документальные фильмы были отмечены на международных кинофестивалях. Она приехала из Киева во Францию с желанием снять что-то неожиданное и познакомилась там с Сенкевичем, в то время сотрудником московского Института мировой литературы, изучавшим в Париже материалы, связанные с творчеством русских писателей, оказавшихся во Франции после Октябрьского переворота. И новая работа Леси Мацко – полнометражный фильм «Вибрации» – творческий портрет Александра Сенкевича. Вот так – Рига и Париж...

Недаром во время просмотра «Вибраций» в Доме кино (в рамках Российской программы XXIII Московского кинофестиваля) мой сосед неожиданно спросил меня: «Не знаете: Сенкевич – эмигрант или гражданин России? Если память мне не изменяет, премию Бунина он получил за сборник стихов, изданных в Риге». Вопрос и в самом деле – неожиданный. Невольно вспоминаются слова Сергея Есенина: «В своей стране я словно иностранец». Сенкевич иностранец? Да какой он иностранец, когда пишет:

*Не придавшишь мышь копной,
не размоешься обмылком...
Зря стоите за спиной,*

*я вас чувствую затылком.
Что мне тычете в бока,
не отнимите и силой
ровный ветер, облака,
крест дубовый над могилой,
косогоры и прудки,
речки, рощи и лесочки...
Вы умишком коротки
и уже дошли до точки.
Разве сможете понять,
становясь с годами вздорней,
что земли родимой нядь
палестин чужих просторней?*

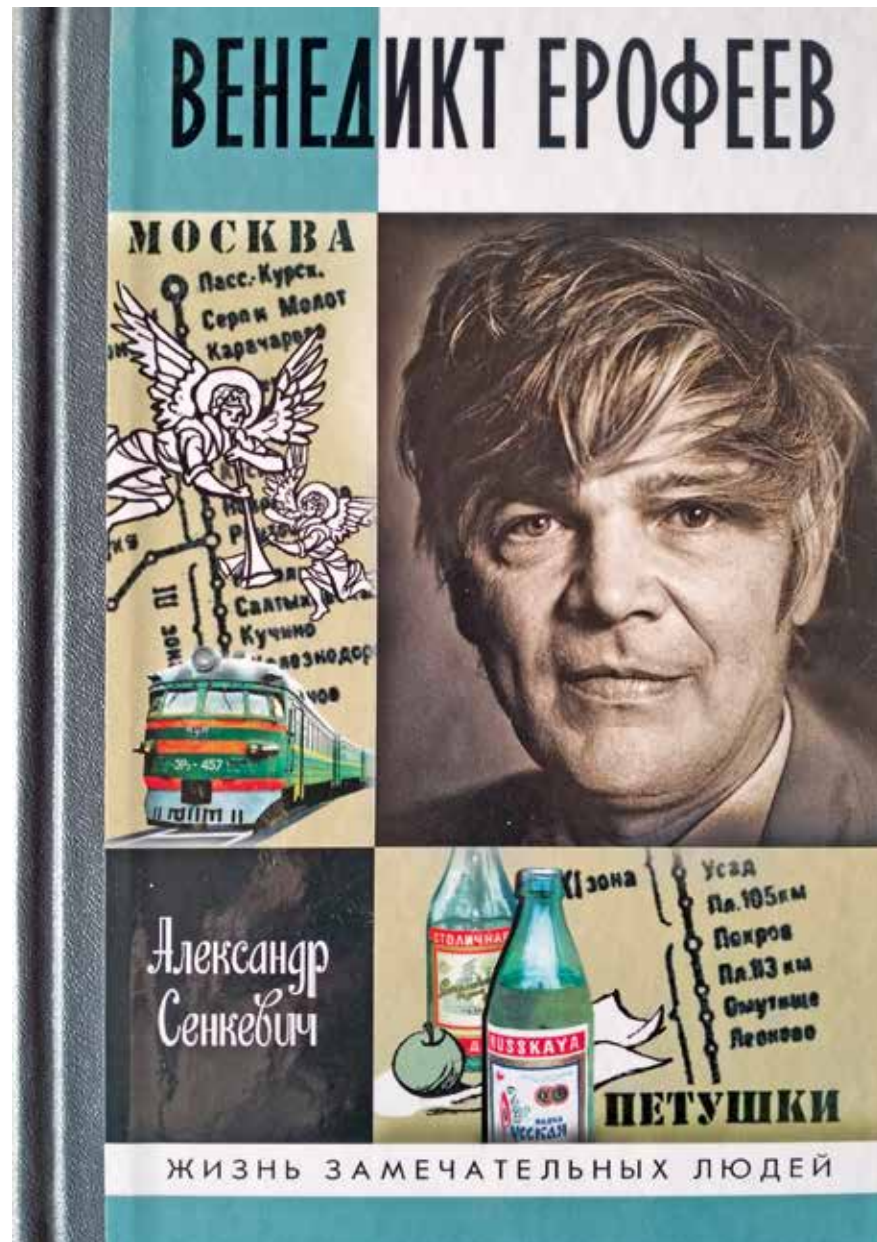
Это пишет о России русский поэт по самому своему взгляду на мир и душевному настрою. Неслучайно его поэтическую книгу «Скользят тени» открывает раздел «Ненастье» – о вхождении человека в мир, где плоть и душа жестко сцеплены так, что их разделение, разрыв невозможен без боли. Такой боли, когда в горе безразличья «душа кричит»:

*И, утраившись собственной души,
которая с небытием сравнима,
я был услышан, как хлопок в тиши,
и обнажился, как актер без грима.*

В книге шесть разделов: «Ненастье», «Терновое ложе», «Окоченевшая жизнь», «Ретроспектива», «Глубокое небо», «Медитативные импульсы».

Чувство небытия – смерть... Но смерть эта для Сенкевича-поэта как летаргический сон, который может прерваться с появлением новой реальности.

О характерных особенностях его поэтического мира еще в 2002 году писал поэт и критик Александр Щуплов. Он сразу же выделил первую изданную в России книгу Сенкевича «Чувство бытия» как «неординарное явление в современной отечественной поэзии. Плотность слова и образа, выношенность мысли и чувства, неслучайность метафоры – родовые черты поэтики автора».

Я согласен с этим взглядом на поэзию моего друга. Разыскания ученого – словно бы на периферии духовного мира Сенкевича. В его личной библиотеке много стихотворных книг и немало книг прозаических. Сам он автор такой значительной работы, как трилогия в серии ЖЗЛ – «Блаватская», «Будда», «Венедикт Ерофеев. Человек нездешний».

«Будда, – пишет Сенкевич, – одним из первых на Земле

противопоставил силу духа культу силы». Созданную Сенкевичем трилогию о сансаре – странствований и блужданий души через различные миры и формы жизни – венчает книга о Венедикте Ерофееве. А предшествующие ей книги «Блаватская» и «Будда» готовят читателя к адекватному пониманию основных идей выдающегося писателя Венедикта Ерофеева. Он был духовно близок Сиддхартхе Гаутаме Будде.

Как полагает Сенкевич, особенно по ощущению нескончаемого и мучительного страдания. «Каждый день – накопление чудовищных горечей без всяких видимых причин. Каждая минута моя отравлена, неизвестно чем, каждый час мой горек». Или еще хуже: «Утром – стон, вечером – плач, ночью – скрежет зубовой».

Другое дело, что его выбор противоречит буддийским установкам, по которым неприемлемо пить, принимать наркотики. И даже облегчает телесные муки, связанные с тяготением сансары: «Выпьешь – и это тебя сократит».

Ерофеев не претендует на роль гуру: «Ухожу, ухожу я из мира скорби и печали, которого не знаю, в мир вечного блаженства, в котором не буду».

Как и Будда, Венедикт Ерофеев объявил о разрыве с цивилизацией, погрязшей во лжи, с миром, где нет места свободному волеизъявлению. В его рассуждениях о вреде «эго» присутствует совсем уже буддийская максима: «Все на свете должно происходить медленно и неправильно, чтобы не сумел загордиться человек, чтобы человек был грустен и растерян».

Обращаясь к творчеству Ерофеева, вспоминаем и о Блаватской. Возникает вопрос: а причем тут Блаватская? Ведь реакция на практику знаменитой теософки очень разная: от восхищения до категорического неприятия и обвинений в шарлатанстве.

В чем все-таки заключалась суть ее теории? Думаю, она просто привлекла внимание к философии Индии. И хотя Елена Петровна называла себя проводником высших сил, теории у нее толком не было. Ее работы – сплошная эклектика. Много путешествовала, пыталась проповедовать осколки индийской религиозной мысли и буддизма на Западе, проводила в Тифлисе спиритические сеансы, на которые

собиралось высшее общество – понаблюдать за ее «чудесами». «Раз при мне по желанию одного из присутствующих в другой комнате начало играть фортепиано, совсем закрытое, и никто в это время у фортепиано не стоял», – вспоминал двоюродный брат Блаватской Сергей Витте.

Прославилась Блаватская, написав книгу «Из пещер и дебрей Индостана», в которой рассказывала о своих путешествиях с Генри Олкоттом, соучредителем Теософского общества в Нью-Йорке, и индийскими друзьями. Издание у Каткова принесло ей славу.

Была ли она шарлатанкой? Можно и так сказать. Чтобы донести до публики высокие идеи, требовались «спецэффекты», которые осуществлялись не без сторонней помощи. Но я бы все-таки назвал ее выдумщицей. В те времена оккультизм был в большой моде, а девушка росла в очень культурной, аристократической среде, но в полном одиночестве. Ее мать Елена Ган, известная романтическая беллетристка, умерла на 28-м году жизни. Будущую теософку воспитывала бабушка, в девичестве княжна Долгорукая. Семья принадлежала к франкмасонской ложе, в доме была соответствующая библиотека. Так что в изысканиях Блаватской множество идей вольных каменщиков.

Она попыталась объединить в универсальное учение все религии и науки, включая оккультные, так как «божественная мудрость выше человеческих разделений». У нее была еще и расовая теория, согласно которой есть люди, вдохновленные Богом, а бывают абсолютные дикари. Некоторые исследователи ее творчества полагают, что именно к ее доктрине восходят оккультные корни теории нацизма. Эти мысли фашисты использовали, как и идеи Ницше, при этом сильно их извратив.

Блаватская ратовала за объединение духовно-развитых людей вне зависимости от сословия, национальности и цвета кожи. Правильнее говорить о влиянии теософии на модернизм и авангард: на творчество Уильяма Батлера Йетса, Джеймса Джойса, композитора Александра Скрябина, поэтов Андрея Белого и Максимилиана Волошина, а также на классика нефигуративной живописи, например Пита Мондриана. Основные постулаты авангардистского искусства XX века – приоритет вымысла над фактом, искушение тайнами древности, потребность в мистификациях – сложились под влиянием этих идей.

Разумеется, амбиция Блаватской встать вровень с Иисусом Христом и Буддой стала поводом для насмешек. Однако Елена Петровна проторила путь, по которому в Россию пришли трансцендентальная медитация, йога, вегетарианство. Многие до сих пор разделяют ее представления о карме и реинкарнации. В аннотации к книге о Гаутаме Будде говорится, что по чувству человеколюбия он был сравним с Иисусом Христом.

Хотя датировки рождения Будды значительно расходятся, думаю, что самые реалистичные из признаваемых специалистами дат – 430 (423) – 350 (343) до нашей эры. Индия переживала тогда не лучшие времена – шли кровопролитные междоусобные войны, требующие множества новобранцев, население платило подати. «Старая мораль» – брахманизм – себя скомпрометировала: жрецы присягали то одним, то другим завоевателям.

Проповедническая деятельность Будды проходила в городах и селениях на северо-востоке Индии. Среди его последователей, как и у Христа, – простонародная нищенствующая братия, набравшаяся из разных, преимущественно сельских мест...

Выход из колеса сансары, бесконечных и бессмысленных перерождений, вел к нирване – бессмертию. Обычно ее определяют отрицательными понятиями «не-боль», «не-страдание», «не-враждебность». Но к ней можно применить и множество утвердительных эпитетов: «истина», «умиротворение», «высшая цель», «защищенность», «чистота». Многие из приведенных эпитетов напоминают те, которыми пользуются монотеисты для описаниярая.

Влияние буддийских идей и эзотерики можно найти у русских и европейских писателей конца XIX – начала XX века. И даже ученых. Владимир Вернадский в одном из своих дневников писал, что видит религиозное будущее России в буддизме... Иван Бунин в малоизвестной, изданной в эмиграции монографии «Освобождение Толстого» цитировал буддийские идеи: например, писал о Льве Николаевиче: «Он, “счастливый”, увидел в жизни только одно ужасное. В какой жизни? В русской, в общеевропейской, в своей собственной домашней? Но все эти жизни только капли в море... Ужаснее всего главное: невыносима всякая человеческая жизнь – “пока не найден смысл ее, спасение от смерти”. И даже больше: “никуда не уйдешь от ее тяжести, куда не уйдешь не из Ясной Поляны только, не из России, не из Европы, а вообще из жизни земной, человеческой».

Как мне известно, Александр Сенкевич в настоящее время пишет детектив под названием «Бегство от любви». Его герои – исторические фигуры: Ани Безант, Мирра Ришар, Юрий Рерих и Джидду Кришнамурти. Место их общения – Париж, а время, в котором развивается фабула романа, – 1922 год.

Вот такой у меня друг. Независимый и непредсказуемый, нередко поступающий даже себе в ущерб. Нашей дружбе больше полувека.

В НАЧАЛЕ БЫЛ CHANSON...

Продолжение. Начало – в № 169/09–10

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Сцена из романа «Персиваль» Кретьена де Труа. Панель шкатулки из слоновой кости. Около 1340–1350

Латинская эпичность, смешавшаяся с германской сентиментальностью и кельтской пассионарностью, особенно удачно воплотилась, на мой взгляд, в комплентах – грустных сказаниях о страданиях героев. Как правило, простых людей: солдат, вернувшихся из далекого похода

и не нашедших родного очага; овдовевших жен моряков; попавших в долговую яму простаков и обманутых мужей... По сей день старинные компленты, чистые как слеза, не могут никого оставить равнодушным.

А теперь вернемся к труверам, писавшим не на окситанском,

лангедокском, а на языке, близком к современному французскому. Они выступали в Северной Франции – «на севере от Луары», как говорят французы, и так же, как трубадуры, не были простолюдинами. Скажем, знаменитейший поэт и певец Тибо де Шампань являлся потомком герцога-трубадура

Гийома IX и внуком графини Марии Шампанской. При дворе этой просвещенной женщины процветала целая коллегия труверов. Самым выдающимся среди них был, конечно, Кретьен де Труа, основатель во французской литературе жанра любовного романа. Тут же нередко выступали со своими творениями и такие навсегда оставшиеся в истории французской культуры сочинители, как Конон Бетюнский, Блондель де Нель, Жан Бодель... Любопытно, что трувером был и легендарный крестоносец Ричард Львиное Сердце, сын Элеоноры Аквитанской, король Англии, ставший со временем поистине мифическим персонажем. Эти достойные рыцари, естественно, не могли оставаться только в регистре любовных страстей. Труверы вели настоящую пропаганду Крестовых походов, призывали к героической войне с неверными... Впрочем, война и любовь – как, к сожалению, показывает жизнь – вовсе не взаимоисключающие темы.

И в самом деле, многие из труверов участвовали в Крестовых походах, ставших мощным катализатором в развитии западноевропейской цивилизации. Из Земли обетованной рыцари принесли не только диковинные плоды и растения, но и достижения науки, архитектуры, культуры, кулинарии... Принесли вместе с трофеями и определенные традиции. Например, традицию песенных состязаний. Так, в Аррасе (ныне небольшом, провинциальном городке в департаменте Пад-де-Кале, а в XII–XIII веках крупнейшем центре не только торговли, но и французской песни) главным событием года считались «Артезианские игры». Они представляли собой состязания труверов, которые соревновались во вдохновении и изобретательности, ведя музыкально-поэтический диалог, подбедая и подзуживая соперника.

Победителю доставался весомый приз... Это народное развлечение пришло во Францию из соседней арабской Испании.

Во времена поэтических ристалищ в средневековой Франции на победителя труверов бились об заклад на зрительских трибунах. И вообще, начало нынешнему шоу-бизнесу в мире шансон было заложено уже тогда. В 1270 году в одном только Аррасе с его тремя десятками тысяч жителей (по масштабам далекого времени немало: город был процветающим в ту пору) насчитывалось 182 трувера. Совершенно официально, заметьте! Их статус определялся специальными договорами. Более того – многих из них особые контракты связывали с коммерсантами и ремесленниками, чью продукцию труверы должны были, говоря современным языком, рекламировать. Увы, уже в ту далекую пору критерием искусства в немалой степени сделались деньги и – не поверите! – пиар.

Художественные соображения нередко отходили на второй план и во время выступлений труверов и трубадуров в замках. Ведь именно они превратились в такое же постоянное место встреч музыкантов-поэтов, как церкви и рыночные площади. Сеньор порой заказывал автору-исполнителю жанр и тему песни, и профессионалу не оставалось ничего иного как подыгрывать хозяину домена. Впрочем, в этом, как бы сейчас сказали, «заказном искусстве» были и свои положительные стороны. На праздниках в замках отрабатывались новые песенные жанры, народная устная традиция обретала более утонченные формы. В XIII веке уже появились такие песенные жанры, как рондо, вирле, баллада... Не говоря уже о разнообразных танцевальных песнях, которые можно объединить одним термином: «ронде де кароль» (*rondet de carole*).

Любопытно, что началом, основой этого понятия послужило слово «кароль». Так называется боковой предел в католическом храме. Согласно традициям раннего христианства, в этом месте во время некоторых богослужений разрешалось в дни религиозных праздников, танцевать и петь песни. Слово «кароль» можно встретить и в знаменитых старинных стихотворных произведениях, которые во французских школах когда-то заучивали наизусть: «Роман о Лисе» и «Роман о Розе». «Кароль» восходит к слову «корёа» (*chorea*). Оно означает групповой танец под коллективное пение с чередованием выступлений солистов и хора. Причем певец исполняет куплеты, а танцующие, взявшись за руки, подхватывают припев. Такую переключку между солистом и хором можно услышать и в русском народном пении. Нередко из песенно-танцевальных коллективов, исполнявших «кароль», вырастали великие мастера. Например, такие труверы, как Адам де ля Алль (1240–1285). Этот автор-исполнитель был и замечательным музыкантом из плеяды мастеров так называемой Школы Нотр-Дам.

Именно в эпоху раннего Средневековья родилось понятие «шансонье». В документах того времени можно найти песни под названием «Шансонье Сен-Жермен» и «Шансонье из Арраса». Они вошли в сборники песен, эротичнее которых трудно себе что-либо и представить. В это же время мы найдем «баллады», «рефрены» и «рондо», которые дадут начало песне в нашем современном понимании. Важное замечание: труверы и трубадуры не будут исполнителями собственных произведений. Их исполняют другие. И называют их «жонглерами», «кюизинье» (гениально: это переводится как «кухонные люди»!), «менестрелями»...

Гийом Дюфе и Жиль Беншуа, около 1400

И все-таки главное – не репертуар, а то, что их ремесло медленно, но верно служит сближению южно-французского и северо-французского наречий. А значит – образованию французского языка в его современном понимании... Кстати, именно тогда и родилось понятие «артист варьете» (от латинского *varietas* – разнообразие, пестрота), на многие годы обозначившее развитие шансона.

Сведя воедино площадной фольклор, любовные баллады и церковные мессы, певцы-сочинители, и вошедшие навсегда в историю, и ныне позабытые, подготовили истинный взрыв гения французской песни в XV веке. Важнейшей музыкальной площадкой Европы

стал двор Филиппа Доброго, герцога Бургундии. На величественных приемах, завершавшихся долгими и пышными трапезами, устраивались целые музыкальные спектакли. Автором многих из них был нидерландец Гийом Дюфаи (1397–1474), композитор, поэт и музыкальный педагог, один из основоположников полифонии. Соперничал с ним Беншуа. Под этим прозвищем блистал в окружении герцога Бургундского, основателя ордена Золотого руна, его дворецкий Жиль де Бенш – выпивоха, задира и автор несметного числа многоголосых куртуазных песен, порой весьма смелых даже по современным понятиям...

Из многочисленных владений жизнелюба и мецената герцога

Филиппа Доброго – Дижона, Безансона, Лилля, Брюсселя, Брюгге – французская песня пошла гулять по всей Европе: Германии, Англии, Италии, скандинавским странам... С началом же французского Ренессанса, принесенного королем Франциском I вместе с военной добычей из Италии, песня утверждается как совершенно самостоятельный жанр искусства. Кстати, сам король, слышавший покровителем ис-

кусств и считавший себя духовным сыном Леонардо да Винчи, был не прочь сочинять романтические баллады и исполнять их перед придворными дамами. Тогда-то и закрепилось в понимании европейцев понятие «шансон», ставшее сегодня неотъемлемой частью нашей цивилизации.

В 1501 году в Венеции выходит первый в мире песенник, напечатанный типографским способом. Этот нотный сборник составляет Оттавиан Петруччи. Фолиант содержит только сочинения авторов из Франции, Бургундии и Фландрии. А в 1528 году дается старт – уже в Париже – невиданному доселе музыкальному проекту, задуманному Пьером Аттеньяном:

1500 песен! Это настоящее собрание сочинений, целый сериал – пятьдесят томов!.. И в наши дни подобный проект смотрелся бы подвигом. Тогда же на дворе стояло начало XVI века. Выпуск и распространение песенных сборников программы Аттеньяна заняли четверть столетия.

С тех пор издатели начинают соревноваться друг с другом в подготовке и издании сборников французской песни. Новые песенные жанры – арии, шансонетты, водевили – растут и множатся, как на дрожжах. На месте ярмарочных шатров и уличных балаганов – арен плебейского фольклора – и дворцовых покоев, сцен искусства рафинированного, появляются первые кабаре (на нормандском диалекте означает «перед крышей», место под козырьком). В этих подвалах встречаются и общаются между собой конокрады и поэты, фальшивомонетчики и философы, рыцари и певцы... Например, Франсуа Вийон, поэт и вор, был завсегдатаем кабаре «Сосновая шишка», что располагалось на острове Сите, рядом с Нотр-Дам-де-Пари. Там же за дубовым столом писал стихи, обильно запиваемые красным вином, и лотарингец Пьер Гренгуар – вспомните сценического героя поэта Гренгуара в исполнении Брюно Пельтье, неспроста начинающего арией «Время храмов» музыкальный спектакль «Собор Парижской Богоматери».

«Самой прекрасной и привлекательной из них, – писал о первых парижских кабаре Франсуа Рабле, – была таверна на улице Юшетт. Я отдал бы весь Париж за эту благословенную улицу, где собрано то, что могло бы стать украшением Соломонова храма. На этом маленьком клочке земли можно встретить больше философов и разумных людей, нежели в Сорбонне...»

Под этими словами с той или иной вариацией могли бы

подписать и Пьер Ронсар, посещавший кабаре «Железный крест» на улице Сен-Дени, и Клеман Маро, и Реми Бело... Все эти классики французской литературы творили в тавернах, воспевали кабаре и буквально дневали и ночевали в них. Там же сочинители песен втягивались и в религиозные споры, в классовую борьбу. А как иначе? Ведь питейные заведения во французских городах всегда были аренами жесточайших политических дискуссий. Параллельно с гугенотами-протестантами во Франции рос новый класс – буржуазия, песня же в Париже была истинным «гласом народа».

В эпоху Людовика XIII и Людовика XIV, столь талантливо и фантазийно описанную Александром Дюма-отцом в его романах, появляется, по самым скромным подсчетам, около 5000 песенок, получивших название «мазаринад». Авторы взрывоопасных куплетов, их прозвали «шансонье» (именно тогда родился этот термин, почему-то столь прижившийся в нашей стране для обозначения французских певцов), на все лады высмеивали преемника Ришелье, министра и кардинала изворотливого Джулио Мазарини.

Королевская цензура, которую застали врасплох смута Фронды и гражданская война, смотрела сквозь пальцы на сочинительство поэтов-музыкантов. И это притом, что на улицах Парижа и других крупных городов звучали песни, мягко говоря, весьма несветского содержания: «Я хотел бы задушить нашу королеву-проститутку!»

Сам же Мазарини, прехитрый и непотопляемый, сохранял спокойствие. «Оставьте их, пусть поют, – говорил он своим гвардейцам про шансонье. – Пусть поют, они потом сполна заплатят за свои инструменты». Так оно и произошло. Подачками и уступками Мазарини склонил на свою сторону знатных

фрондеров. «Дворянство мантии» испугалось радикализма песен-памфлетов, распространяемых в листовках. Народные волнения, как водится, заглушили демагогией и задавили репрессиями. Грубый мужлан и недалекий политик, принц Людовик де Бурбон-Конде по прозвищу Великий Конде, главный заговорщик, сбежал в Нидерланды к испанцам. Да и Бог с ним!.. Главное – выжил «глас народа», французская песня окончательно утвердилась как самостоятельный жанр искусства.

С конца XVI века главным центром шансона стал Париж. Помимо кабаре кварталов Марэ и Сен-Жермен в основную эстраду столицы превратился Новый мост. Точнее – рынок, организованный на самом старом мосту Парижа. Тут давали представления поэты-песенники, и эти представления стали называть «водевилями». Дословно: «*voix de ville*» – «голос города». В маленьких музыкальных спектаклях смешивались песни, танцы и комедийные инсценировки. Шансонье – авторы пародий и едких куплетов – порой соревновались между собой, подобно труверам и трубадурам когда-то. И все это к огромной радости публики, азартно делавшей ставки на своих фаворитов.

Битвы шансонье, сочинявших мазаринады на музыку известных композиторов и народные песни, были настолько ожесточенными и политически ангажированными, что сам генералиссимус де Конде однажды вынужден был предупредить своих солдат: «Бойтесь Нового моста, дети мои!» Принц де Конде знал, о чем говорил. Его жестоко высмеяли в куплетах за несколько лет до Фронды за то, что он, до того неоднократно бивший испанцев, провалил осаду каталонского города Лерида. Где же он был осмеян? На Новом мосту, естественно...

Продолжение следует

ОЧЕРК

«Я ЗНАЛ ТЕБЯ, МОСКВА, ЕЩЕ НЕВЗРАЧНО-СКРОМНОЙ...»

Чем старше становишься, тем неразрывнее связь с родными местами

АЛЕКСЕЙ ШУЛЬГИН

Старая аллея в Чертанове

«Раньше мне надо было искать где-то далеко свое небывалое, а теперь я живу в самом сердце нашей страны под Москвой, а мир сам пошел вокруг меня...» Эту странную особенность человеческого характера описал М. М. Пришвин. Прежде я не думал, что так может быть, но теперь по-новому стали открываться мне люди и места, знакомые десятилетиями.

Этот рассказ больше напоминает прогулку по южной окраине Москвы, где я прожил всю жизнь. Фотокамера выступает порой как сказочный клубочек – она сама подводит к важной теме.

Часто доводилось фотографировать яблоневый сад в Чертанове, но не сразу пришло понимание того, что это подлинный памятник нашей русской истории. У бабушки лежала пачка пожелтевших газет «На Варшавке», когда-то в них публиковались небольшие краеведческие заметки, рассказывающие о колхозе «Красный маяк», которому и принадлежали сады.

Старый яблоневый сад в Чертанове рисовал мой знакомый художник Вадим Алексеевич Горбатов, которого знают и ценят знатоки и простые любители живописи по всему миру. И по Битцевскому лесу нескучно гуляли мы, порой останавливаясь перед дотом времен Великой Отечественной войны, путая укрепление с колодцем канализации.

Бутово. Конный двор

Хорошо, что «артефакт» теперь уже стал памятником, на который всегда обращают внимание прохожие. Посмотрят и задумаются. Живописна в Чертанове старая липовая аллея, поднимающаяся от каскада прудов к Битцевскому лесу (как его называют старожилы).

В Бутове – расстрельный полигон, где в одном из рвов покоится мой прадед. Но само это местечко с дачами сотрудников НКВД никогда не назовешь зловещим. Яблоневые сады. Бывшие конюшни. Дубы и липы парка. Вся эта картина, скорей, элегична. Но за зеленым дощатым забором, по верху которого змеится колючая проволока, – земля, политая

кровью репрессированных. Здесь строй мыслей меняется. Это место скорби назвали русской Голгофой. Деревянная часовня, выстроенная по проекту Д. Шаховского. Высокое небо... С тяжелым сердцем едешь обратно, возвращаясь в настоящее. Но мы рады, что побывали там, фотографировали настоятеля Кирилла (Каледу), храмы, парк и конюшни Зиминых. Двое наших знакомых – родственники расстрелянных: скульпторы Ю. П. Устинова и И. Д. Шаховской (внук гравера В. А. Фаворского). Мир, как известно, тесен: такой трагической оказалась общая тема для наших воспоминаний.

На книжной полке стоит семь томов (поминальника) «Бутовский полигон» – более двадцати тысяч уничтоженных. Один из которых – художник Древин,

создатель картин-видений. Зачем было расстреливать странного художника? Иногда вопросы не имеют ответов.

В Коммунарку я поехал, чтобы посмотреть дачу наркома ОГПУ Генриха Ягоды. Здание сохранилось. В нем жил церковный сторож, смотритель, рассуждавший о том, что все правильно делал И. В. Сталин. Лежал снег. Высоченные ели. Дача Ягоды, храм Святых Новомучеников. А где-то в этой земле, совсем рядом похоронен известный писатель Борис Пильняк, написавший свою знаменитую «Повесть о непогашенной луне», а потом в какой-то мере разделивший судьбу литературного героя.

Коммунарка. Новомосковский административный округ

В тот весенний день никого не было на полигоне в Коммунарке, только следы темнели на снегу. И опять мысли: сколько исчезнувших судеб совсем рядом! Им казалось, они великие, но в один момент рок лишил их величия, а в следующий – обратил в прах. *Sic transit gloria mundi* (Так проходит мирская слава) вздыхали древние мудрецы.

Суханово... Екатерининский монастырь. Мне нравится от платформы Расторгуево идти пешком через старые дачи. Посматривать за штакетниковые заборы, наблюдать, думать: какие люди тут живут, какие у них хлопоты? Лучше не думать о том, что когда-то здесь располагалась секретная тюрьма НКВД – Суханово, о которой писал

Солженицын. Мы ехали с женой Катей фотографировать местные пейзажи. Хочется увековечить в фотографии красоту дорогих сердцу мест. Все так быстро меняется.

И к небесной покровительнице, мученице Екатерине, нужно было обратиться: *«Пююще крепкия твоя мученическа подвизи, хвалим тя, яко одушевленный сосуд спасения человеков...»*

Я живу рядом с парком Царицыно, если понадобится, могу за сорок минут пешком добраться до входных ворот со стороны Орехова. С Царицыно у меня связано много самых разных историй. В 1990-е я не часто, но заходил через Фигурный мост к развалинам дворца, мрачно темневшим на фоне

весеннего высокого неба. Творение Баженова и Казакова в те годы вызывало, скорее, тревожное чувство, парк одичал, зарос. И все же что-то притягательное было в дворцовом ансамбле, появившемся по воле Екатерины II.

В 1999 году я случайно оказался на проходе в Хлебном доме выставке известного гравера Николая Васильевича Синицына. Позже узнал, что он житель Чертанова. А тогда был просто поражен гравюрами и ак-

варелями Царицыно, которые создавались им с 1940 года.

Потом я прочел у Синицына: «Происходило все весной, в самом начале. Зелень на деревьях только еще начинала наклеиваться. Первое впечатление от дворцового ансамбля – розово-зеленый ежик! Дворцы все в проросших на них деревцах, кустах, опушены весенней зеленью. Летом, когда стал постоянно наведываться в Царицыно, увидел его другим. Густо заросшим крапивой, травой, одинаковой по тону с зеленью листвы. Большие деревья среди руин Большого дворца. Синее с облаками небо над дворцом. И еще запомнилось – постоянный шум ветра среди руин и деревьев. От этого шума становилось не по себе. Тревожно делалось. Все вокруг тебя постоянно шумит, словно движется за тобой этот шум. И бродят среди руин

и деревьев козы. Их почему-то было очень много и на подступах к Царицыно, и среди дворцового ансамбля. Козы и люди, которые их пасут. Когда направляешься к дворцам от полотна железной дороги, долго идешь полями поспевающей ржи среди лугов. Тихо и хорошо. Словно в свои Сергиевского уезда места возвращаешься. <...> Большой дворец весь зарос березками. Верх его от них лохматился. И снова, как в первую встречу с дворцом весной, он казался большим розово-зеленым ежиком».

Я познакомился и подружился с Синицыным, но это уже другая история...

Как все быстро меняется. А ведь недавно, справа от ТЮЗа стояла деревня... Идешь к метро через железную дорогу и вдыхаешь запах березовых дров, смотришь на дымки из труб. С пешеходного моста (над путями) хорошо просматривался пейзаж – парк, строения. На душе что-то происходило, словно звучала неземная симфония. Передать свои чувства словами я не берусь.

В Коломенском совсем недавно можно было еще собирать полевую землянику. Коломенское – странноприимный уголок. Я люблю

Парк в Царицыно

заходить в парк, пройдя немного от метро «Каширское». Вдруг из огромного города ты попадаешь в тридевятое царство. Дворец Алексея Михайловича посерел, состарились бревна, как положено. Яблоневые сады, остатки села. Пасека. А еще пройди немного – высокий берег, Москва-река, погост с Предтеченской церковью.

Для коренных москвичей Коломенское – одно из последних «мест силы», где еще осталось все, как прежде (или почти как раньше). Город растет, нависая и перекрывая небо новыми небоскребами. Это естественный процесс.

Много работал в Коломенском замечательный фотограф-пейзажист Виктор Сергеевич Молчанов. Помню, меня несколько удивили записи из его дневника: «Мы вступили в период социализма». Тогда я воспринимал эти слова очень серьезно.

Выставки освещали ход начавшихся по всей стране гигантских строек: Магнитки, Кузнецка, Днепрогэса. Здесь, в парке культуры, я постигал дух эпохи, наблюдал, учился, заглядывал в будущее и наслаждался настоящим, которое казалось мне тогда прекрасным. Ведь молодость моя только начиналась».

Это запись о парке Горького. А потом я согласился: всему свое время. Вот, даже сын священника, лишенца, принял новое время. Правда, в 1981 году он записывает: «И не во сне, а наяву мы в развитом социализме, а я по-прежнему живу, как при военном коммунизме». Возраст, наверное? Виктор Сергеевич, оставил много пейзажей Коломенского, Царицыно, ближнего Подмосковья. Сейчас, когда Катя фотографирует, часто я сравниваю, а как было во времена Молчанова там-то и там-то?

Николо-Угрешский монастырь

Мне нравится бывать в Николо-Угрешском монастыре. Чтобы попасть туда нужно на автобусе проехать через Коптево, мимо гигантских сооружений нефтеперерабатывающего завода. И эти индустриальные виды потрясают

не меньше, чем какой-нибудь выдающийся архитектурный памятник. Это ведь тоже памятник — памятник людям труда и эпохе больших надежд.

Проехав Дзержинский, на окраине выходишь у монастыря. До недавних пор казалось, что время там остановилось. Но теперь

современность ворвалась в мир прошлого. Строятся дороги и новые дома. Невозмутимо взирают на суету стены древней обители. В монастыре — тишь да гладь, на пруду утки, гуси и лебеди. Монахи молятся, отмаливая грехи тех, кому не до кельи. Люди приходят к Богу с просьбами о помощи, в беде, когда идти больше некуда. Редко мирской человек прошепчет: спасибо Богу за все! Скоростная жизнь, нет времени перевести дух, лишний раз задуматься некогда.

В село Остров надо ехать на автобусе от метро «Домодедовская» через совхоз имени Ленина. Церковь стоит на высоком холме, с которого открывается вид на Москву-реку, заречные дали, а ты испытываешь ощущение полета.

Мы поехали в Остров с художником Владимиром Титовым, который сорок лет прожил на две страны (Францию и Россию), а три года назад вернулся окончательно на родину. Написал книгу «Гниль» и рассказы, после которых от него отвернулись многие приятели и в России, и за пределами оной.

Рассказывая о единственной встрече в Венедиктом Ерофеевым, заметил: «Венедикт был абсолютно трезв, против слухов, что такового не бывает, и это было по-настоящему интересное общение. Не светская болтовня, когда, собравшись люди не знают, о чем говорить, но говорить надо, — Боже, какая из этого выходит жвачка. Когда услышал он, что собираюсь я в Париж, я заметил искорку недоверия и, если хотите, неодобрения. И он деликатно, но серьезно пустился в рассуждение: зачем кто-то выбирает такую судьбу... Проговорили до вечера. Видимо, тема была ему небезразлична. Он рассуждал

о проблемах, вернее, о проблемах людей, решивших перемахнуть через занавес. Он четко понимал различие целей одних, других, третьих. Не было ни осуждения, ни одобрения — он жалел их: нас! Большой, четко мыслящий, он походил на пророка».

Дивный храм Спаса Преображения, волнующий людей до сих пор, в этом волнении — тайна искусства древних зодчих. А при Грозном или, может, при Годунове (не столь важно) вознесся купол к небу — достояние земли русской и всего нашего православного народа, а значит, и художника Владимира Титова, и мое...

Люблю бывать я в Ленинских горах. Эта усадьба невероятно красива. То, что последние годы тут прожил В. И. Ленин, уберегло это место от радикальных изменений. Окрестности застроили, но усадьба пока стоит в парке, словно на вытянутых руках держа подступающие новостройки.

Когда нет сил для дальних путешествий, я завариваю в термосе чай, беру нехитрую провизию, зову Катю, она укладывает фотоаппарат с двумя разными объективами и мы идем в Беседы.

Беседы — это село, расположенное километрах в 4–5 от моего

Усадьба в Ленинских горах

дома. Нужно только пройти немного по Бесединскому шоссе, перейти кольцевую дорогу, пройти кладбище, и вот уже виден шатер церкви. А на маленьком сохранившемся некрополе при церкви стоят старинные памятники-надгробия. На одном надпись вязью, такой-то крестьянин села Зябликова. Где он жил? Может на том самом месте, где сейчас высится наша семнадцатизатка? Прошлое и настоящее соединяются. Что останется после меня? Что будет с родной

землей? Мне многое не нравится в настоящем...

Побывав в разных местах нашей страны, ловлю себя на мысли, что Россия для меня — Зябликово, крохотный уголок земли, где я родился и вырос. Некогда село, а сейчас спальный район огромного города. И чем старше становишься, тем неразрывнее связь с родными местами. Главное, чтобы глаза и сердце были открыты миру и людям...

Автор фото:
Екатерина Софронова

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

В эти дни мы вспоминаем Виктора Лупана... На протяжении шестнадцати лет, до самой своей безвременной кончины в январе 2022 года, он являлся главой редакционного совета и главным редактором «Русской мысли». Блестящий публицист, яркий писатель, он был мудрым руководителем и душой нашего коллектива.

Будучи прихожанином Александро-Невского собора в Париже и членом Патриаршего совета по культуре, Виктор Николаевич предпринимал немало усилий для восстановления канонического единства Архиерископии западноевропейских приходов русской традиции с Матерью-Церковью.

Мы предлагаем вниманию читателей статью Виктора Лупана, посвященную этому важному событию.

СМЫСЛ ВОССОЕДИНЕНИЯ

(«Русская мысль», декабрь 2019 года)

В переполненном Храме Христа Спасителя, в присутствии патриарха Кирилла, множества архиереев, священников и мирян произошло долгожданное возвращение Архиерископии русских православных церквей в Западной Европе в лоно Матери-Церкви.

Событие это, безусловно и в первую очередь, является церковным. Многие из нас долго за это боролись и в какой-то момент даже потеряли надежду на воссоединение. Ибо «клан», противостоящий этому и контролирующий рычаги правления в Архиерископии, казался непобедимым. Но вдруг свершилось «чудо». Константинопольский патриархат неожиданно для всех упразднил Архиерископию росчерком пера. Без этого трудно-объяснимого деяния воссоединения не было бы и по сей час.

Чтобы понять глубинную суть происшедшего 3 ноября 2019 года события, следует вспомнить о том, что парижская Архиерископия была в течение десятилетий духовным центром русской эмиграции.

В далеком 1924 году Иван Бунин произнес в Париже знаменитую речь о миссии русской эмиграции. Это была первая интеллектуальная попытка осмысления феномена. По мнению Бунина,

за трагедийностью судьбы России скрывался глубинный исторический и духовный смысл в контексте нескончаемой борьбы между добром и злом.

Бунин говорил, что миссия русской эмиграции завершится тогда, когда «ангел отвалит камень от гроба России». В Западной Европе эмиграция попала в интеллектуальную и духовную изоляцию. Она не могла достучаться до плененной дурманом коммунизма, а потом и фашизма, европейской интеллигенции. Западное общество с поразительной инертностью отнеслось к крику ее души. Париж, столица русского зарубежья, интеллектуальная и артистическая столица мира, не принял великих изгоев российских.

Одной из важнейших функций русской эмиграции было сохранение памяти о дореволюционной России. Ее взяли на себя в первую очередь люди церковные, верующие. Они же пытались осмыслить трагический опыт революции как глобального зла.

Для человека верующего ничего бессмысленного в мире нет. Потому можно относиться лишь с благоговением к тому, что русская богословская и духовная мысль добилась в изгнании невероятных успехов.

Нельзя здесь не подчеркнуть особый вклад таких наших мыслителей, как Алексеев, Арсеньев, Бердяев, Ильин, Лосский, Шестов. Они внесли бесценный вклад в развитие православной мысли. Главным, поистине мировым центром этого стал основанный в Париже Сергием Булгаковым, Николаем Бердяевым и другими Свято-Сергиевский институт. Он был не только тем местом, где родилась знаменитая «парижская школа», он был маяком, излучающим свет православия. «Парижскую школу» многие сегодня критикуют за ее «западничество», за ее «либерализм». В этом есть доля правды, но не вся правда. Бывший марксист Бердяев именно в Париже стал истинным теоретиком и мыслителем консерватизма. Дело в том, что среди белых эмигрантов были и представители тех сил, которые разваливали историческую Россию. Да, они не любили большевиков. Но до них они же не любили царя и прославляли Февральскую революцию.

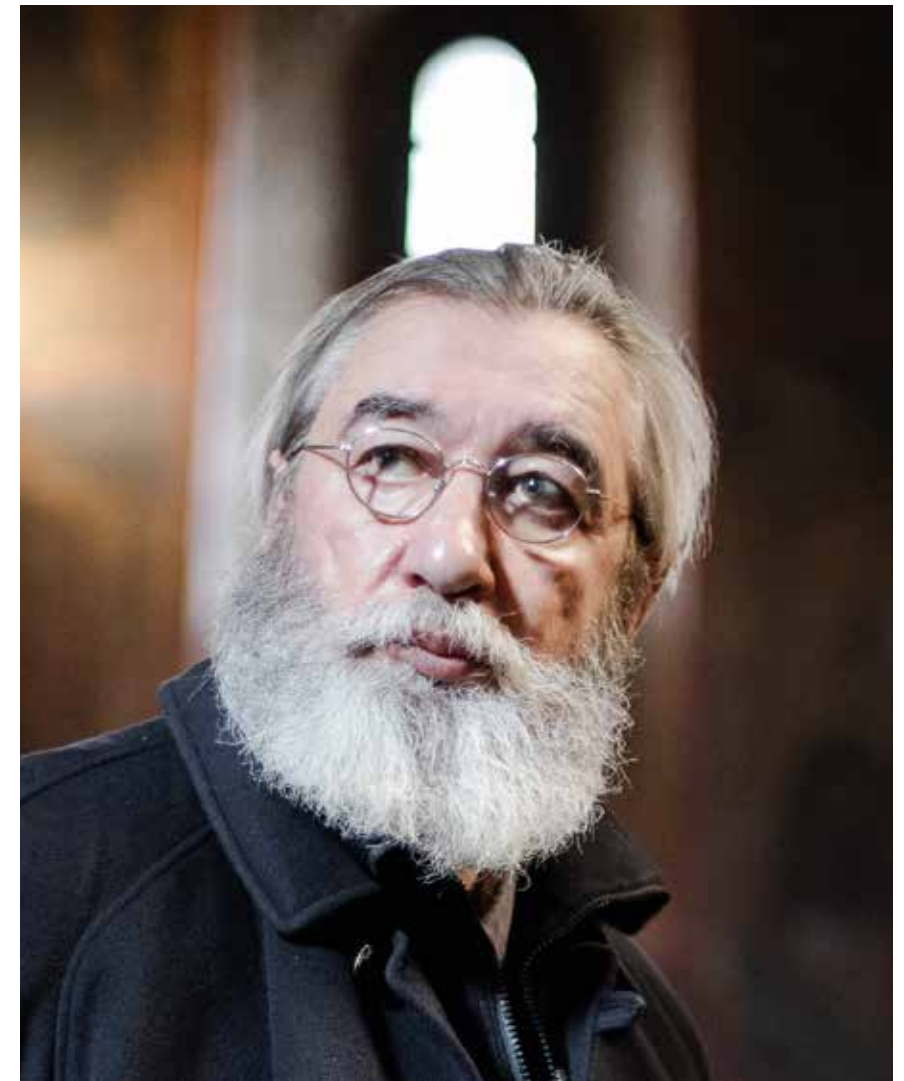
В 20-х годах прошлого столетия митрополит Евлогий – значимая фигура дореволюционной Русской Церкви – основал, по благословению святителя Тихона, тогдашнего патриарха, Архиерископию русских православных церквей в Западной

Европе. В 30-х годах, по историческим причинам, Архиерископия оказалась под омофором Константинопольского патриарха. Нахождение русского эмигрантского церковного образования в юрисдикции Константинополя было изначально и официально «временным». Временность эта должна была длиться до тех пор, пока Россия и Русская Церковь будут пребывать под игом антихриста.

Когда коммунизм наконец рухнул и пресловутое «иго» закончилось, во главе Архиерископии стоял последний ее русский архиерей, владыка Сергей (Коновалов). Я как-то спросил у него после исповеди: «Когда же мы вернемся в Русскую Церковь?» И он ответил мне: «Так кто же нас отпустит?» Будучи несведущим тогда в церковных делах, я поразился такому ответу – мы, оказывается, были несвободны.

Об этом мало кто тогда знал, но архиепископ Сергей начал еще в 90-х годах вести негласные переговоры с Москвой. Владыка был истинным выходцем из эмиграции, глубоко русским и глубоко европейским человеком. Он свободно говорил по-русски, по-английски, по-французски, по-немецки, по-нидерландски. В отличие от многих потомков белых эмигрантов, владыка Сергей оставался верен идеалам своих предшественников, а потому негласно готовил не только переход Архиерископии под омофор Патриарха Московского, но и создание Западноевропейской митрополии. Понимая и важность, и хрупкость этого великого деяния, владыка Сергей лично печатал проекты уставов, не доверяя никому этой работы.

Но в 2003 году архиепископ Сергей неожиданно скончался, документы попали в руки враждебной его идее епархиальной администрации, близкие сотрудники и верные соратники приснопамятного владыки были заменены новыми

Виктор Лупан в Троице-Сергиевой лавре в составе делегации Архиерископии западноевропейских церквей русской традиции. 2019

людьми, которые и поставили Архиерископию на антимосковский курс, продлившийся вплоть до своего упразднения Архиерископии Константинополем. Правящий архиерей, владыка Иоанн (Реннето), мужественно не согласился с этим решением, его поддержало большинство священнослужителей и прихожан, и буквально за несколько месяцев все осуществилось. То, за что некоторые из нас безуспешно боролись в течение многих лет, вдруг свершилось как бы само собой. Причем некоторые яростные и влиятельные противники

Русской Церкви в Архиерископии неожиданно перешли в лагерь сторонников воссоединения, с которыми они до недавнего времени были на ножах. Вот кратко предыстория.

Переход Архиерископии русских православных церквей в Западной Европе под омофор Патриарха Московского и всея Руси – суть заключительный исторический этап воссоединения последней части Русской Церкви, оставшейся отделенной вследствие большевистской революции, с Матерью Церковью.

МАСЛЕНИЦА 2026: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Масленица – один из самых ярких народных праздников, который уходит корнями в глубокую древность, сочетая в себе языческие представления о природе, православную традицию и современную культуру.

На Руси Масленица изначально была связана с культом солнца и сменой времен года. Масленичная неделя традиционно проходила шумно и многолюдно. В городах и селах устраивали ярмарки, катания на лошадях и санях, народные игры и хороводы на главных площадях. И конечно, обязательно пеклись блины, символизирующие тепло и солнце.

С приходом христианства праздник занял особое место в церковном календаре как Сырная седмица – последняя неделя перед Великим постом.

В наши дни Масленица звучит по-новому, но сохраняет свою суть. В крупных городах праздник все чаще проходит в формате фестивалей с концертами фольклорных коллективов. Возрождаются старинные обряды и народные костюмы, а кульминацией праздника, как и прежде, остается сжигание чучела из соломы – древний обряд, символизирующий прощание с зимой и ожидание весны.

Последний день Масленицы – Прощеное воскресенье, когда надо просить прощения у близких, отпускать обиды и входить в новый жизненный цикл с чистым сердцем.

В этом году Масленица празднуется с 16 по 22 февраля, продолжая быть не просто календарным событием, но частью культурного кода, объединяющего прошлое и настоящее.

ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА

История этого праздника уходит корнями в раннехристианскую Европу и окутана множеством легенд. Наиболее распространенная версия связана с именем святого Валентина – римского священника III века, жившего во времена правления императора Клавдия II.

Согласно преданию, император, считая, что семейные узы мешают мужчинам быть хорошими воинами, запретил им вступать в брак. Валентин, сочувствуя влюбленным, тайно венчал их, за что был арестован и казнен 14 февраля 269 года.

Существует и другая легенда, согласно которой, находясь в тюрьме, Валентин исцелил слепую дочь тюремщика и перед казнью написал ей прощальное письмо, подписав его словами «Твой Валентин». Именно эта фраза со временем стала основой традиции обмена любовными посланиями – валентинками.

И хотя историческая достоверность этих событий остается предметом споров, образ святого Валентина как покровителя влюбленных прочно закрепился в европейской культуре.

Формирование праздника в его светском виде происходило в Средние века. В Англии и Франции XIV–XV веков существовало поверье, будто именно 14 февраля птицы начинают искать себе пару. Английский поэт Джеффри Чосер даже создал на эту тему поэму «Птичий парламент».

Постепенно этот день стал ассоциироваться с романтическим выбором и признаниями в любви.

Вскоре появляются первые письменные послания с выражением чувств, а сам праздник приобретает изысканный, поэтический характер.

Со временем День святого Валентина превратился в культурную традицию, распространившуюся по всей Европе, а затем и за ее пределами.

В XIX веке, с развитием почтовой связи и печатного дела, валентинки стали массовым явлением, а праздник – частью городской культуры. В XX веке он окончательно закрепился как день любви, внимания и личных признаний, адаптируясь к особенностям разных стран, но сохраняя свою главную

идею – напоминание о ценности искреннего чувства.

В современном мире значение Дня святого Валентина сместилось с религиозного контекста к культурному и эмоциональному, став поводом напомнить близкому человеку о своей любви.

В конечном счете День святого Валентина – это не столько про открытки в форме сердца, сколько про человеческую способность быть внимательным и честным в своих чувствах.

Уолтер Крейн. «Валентинка». 1876. Метрополитен-музей